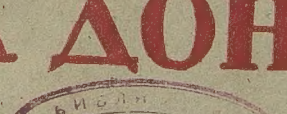
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГБ 51
П 916

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ДОНУ

ГБ51
П916



СБОРНИК ВТОРОЙ

Изд Донской Комиссии
по истории Октябрьской
революции и Р. К. П. (бол.)

ОБЛОЖКА И РИСУНКИ РАБОТ
ХУДОЖНИКА А. СИЛИНА.

№ 1436
335.5и (47.89.2)
И. 89
Р. 78

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ НА ДОНУ.

БИБ... ЦК ВКП(б) ИСТПАРТА.

СБОРНИК ВТОРОЙ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. А. ФРЕНКЕЛЯ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
РОСТОВСКОЕ н-Д. ОТДЕЛЕНИЕ.
1922 г.

2-й экз.

К.
П 1934
ГБ51
П916

От Донистпарта.

Настоящий сборник, выпуск которого приурочен к пятилетию Великого Октября, посвящается Октябрьской революции и ее подготовке на Дону (период сентябрь—декабрь 1917 года).

БИБЛИОТЕКА ИМЕН. Спецфонд
БИБЛИОТЕКА ЛЕНИНА
28202
1100
28
188583
188583

СТАТЬИ.

Октябрьская революция на Дону.

Февральскую революцию казачий Дон переживал по своему. Внешне это выражалось в том, что на смену наказному атаману войска Донского пришел атаман выборный. Наличие же атамана в Донобласти означало своеобразный жизненный уклад на Дону в сравнении с остальной Россией.

Революцая, казалось бы, должна была сгладить разницу между казаком и не казаком. Но на Дону замечалось обратное. Под видом демократических реформ—выборность атамана и проч. всячески старались воспитывать в казаках свой казачий патриотизм, воскрешали старинные обычаи. Зачем? На всякий случай. Боялися растворения казачества в общей массе населения, предвидя, что настанет момент, когда придется опираться на казачество в борьбе с революций, с ее дальнейшим развитием.

Вот почему октябрьская революция вовсе не застала врасплох верхи донского казачества. Последние уже были достаточно сорганизованы. И поскольку Дон не представлял исключения в сравнении с другими казачьими областями, в которых также насаждался казачий патриотизм, постольку после октябрьской революции не только возникли сразу войсковые казачьи правительства, но одновременно и стал на очередь вопрос относительно образования Юго-Восточного казачьего союза.

Период, в котором я освещаю только некоторые моменты, ограничен, с одной стороны, октябрьской революцией, с другой—моментом окончательного захвата Ростова Калединым.

В этот период две основные организации олицетворяли враждовавшие на Дону классовые силы—Войсковое Правительство Каледина, возглавлявшее казачью контр-революцию, и Областной Военно-Революционный комитет—орган революционных слоев рабочих и крестьян.

* * *

Какова была программа Войскового Правительства? Послушаем самого Каледина. На заседании областного военного комитета 5-го ноября он держал програмную речь о задачах Войскового Правительства.

Основные моменты этой речи таковы. Необходимо полное единение правительства с войсковыми частями казачьими и неказачьими. Большевики — это, конечно, „никем не признаваемая кучка людей", посягнувших на захват центральной власти. Большевизм — это зло. Как с ним бороться? Прежде всего, недопущение „анархии", сохранение и собирание в „нашей области" сил, которые придут на служение родине. Хозяином области являются казаки. Вопрос о реконструкции правительства на началах привлечения к власти иногороднего населения должен быть оставлен, как несвоевременный. Две основные

задачи, стоят перед Войсковым Правительством — сохранить Донскую область от „анархии“ и в дальнейшем спасти в союзе с прочими казачьими областями остальную Россию.

Это большой план действий, расчитанный, по определению Каледина, на несколько лет.

Но пока еще Каледин самоуверенно заявляет о казаках, как хозяевах Дона, и реконструкцию правительства считает несвоевременной.

Однако, такая позиция самоизоляции явно ни к чему иному не могла привести, как к полному краху. И это стал понимать Каледин, который и начал вскоре заигрывать с „иногородними“ по двум направлениям.

В середине ноября в Новочеркасске было созвано экстренное совещание Войскового Правительства с представителями крестьянства, городских самоуправлений и других общественных организаций, на котором в этот раз уже перед представителями гражданского населения Каледин вторично произнес речь с изложением основных задач войскового правительства. Задачи эти таковы: создание центральной власти, которая довела бы страну до Учредительного Собрания. Привлечение в состав управления областью представителей от неказачьего населения с целью „единения всех сил“ для борьбы с большевиками.

Однако Каледин, настаивая на „единении всех сил“ и вместе с тем боясь этого единения, растворения казачества в остальном населении, предусмотрительно оговаривается:

„Что касается отношения Дона ко всей России, мы признаем необходимым связь с ней при самой широкой автономии, или даже еще больше — самостоятельности Дона“.

Оставлена отдушина для контр-революционной обособленности Дона, опирающейся на своеобразные земельные отношения, на казачий консерватизм и предразсудки, унаследованные от „вольной старины“, на специфическую организацию казачьего быта с длительной военной службой в специальных войсках.

Для общей характеристики политики Войскового Правительства, следует привести воззвание Каледина к населению Донобласти. Воззвание это в Ростове было опубликовано 24 ноября, накануне непосредственного столкновения. Предчувствуя неизбежность этого, атаман обратился к населению с воззванием. Вот полный текст этого дубового воззвания, в котором Войсковое Правительство скрывает свои настоящие цели.

К населению области Войска Донского.

„24 октября 1917 г. частями Петроградского гарнизона, при поддержке моряков Балтийского флота и рабочих г. Петрограда, под руководством Петроградского Совета Солд. и Раб. Депутатов, возглавленного большевиками, был совершен государственный переворот: законное правительство арестовано, Совет Республики разогнан и власть была заменена большевиками, во главе с Лениным и Троцким. Во время переворота улицы городов полились братской кровью русских людей, расстреленных большевистскими бандами солдат, отказавшихся идти на фронт защищать родину и употребивших ружья, для этой цели им данные, на предмет расстрела граждан, оставшихся верными долгу и присяге.

Казачество, и фронтовое, и тыловое, единодушно определило свое отношение к захватчикам государственной власти, об'явивши их узурпаторами и предателями родины.

Сообразно с этим, войска Донского правительство об'явило себя, впредь до восстановления законной государственной власти или созыва Учред. собрания, государственной властью в пределах Донской области и, учитывая большевистское

движение в области, главным образом, в городских пехотных гарнизонах и среди заводских и шахтерских рабочих, ввело военное положение в 3 округах—Черкасском, Ростовском и Таганрогском.

Об'явив себя временно государственной властью, Войсковое Правительство вместе с этим одновременно поставило, кого следует, в известность, что никаких агрессивных замыслов оно не питает, никаких наступлений ни на кого не замышляет и целью своею поставляет только поддержание порядка и устранение гражданской войны в области.

После 15 числа ноября месяца войсковому правительству стало известно, что правительство Ленина-Троцкого предполагает послать на Дон вооруженные банды большевиков, а 19 числа ноября к Таганрогу подошли суда Черноморского флота—миноносец и два траллера.

Одновременно с этим в Ростове образовался Военно-Революционный Комитет, опирающийся на пехотные части Ростова и других городов области, а также на красногвардейцев, т.-е. добровольцев из рабочих, который заявил, что он не признает власти войского правительства, об'являет себя высшей властью во всей Донской области и готовит пехоту к вооруженному восстанию.

Тогда Войсковое Правительство, в целях самообороны и безопасности области, постановило разоружить пехотные полки г. Новочеркасска за № 272 и 273, что и было сделано 20 ноября сего года, а одновременно распорядилось об отправлении некоторых казачьих частей на юг области, к Ростову и Таганрогу, где много пехотных частей, подчиняющихся Военно-Революционному Комитету, и откуда можно ожидать вооруженных активных выступлений, особенно при поддержке Черноморского флота или московских большевистских банд.

Ставя население области в известность о принятых исключительных мерах охраны и причинах, побудивших Войсковое Правительство к принятию этих мер, последнее еще раз заявляет, что исключительная цель этих мер заключается в поддержании порядка и устранении каких бы то ни было вооруженных выступлений в Донской области и что принятые исключительные меры будут незамедлительно сняты, лишь только устранится возможность выступления с оружием в руках со стороны частей войск, подчиняющихся Военно-Революционному Комитету г. Ростова, а также возможного нашествия большевистских банд.

Войсковой атаман А. М. Каледин

Товарищ его М. Богаевский.

Старшины Войска Донского: Семенов, Казменов, Алексеев, Савельев, Бондарев, Карев, Кушнарев, Генералов, Бирюков, Антонов, Романов, Макаров, Поляков, Агеев, Ковалев".

Разоблачить лицемерие авторов этого воззвания, не трудно. Войсковое Правительство первым, как известно, захватило власть в Донской области в свои руки, начало стягивать свои казачьи части, гостеприимно принимать различных беглецов-офицеров, целые школы прапорщиков, издало приказ о выводе пехотных частей из Донобласти, чтобы лишить, таким образом, неказачью часть населения какой-либо организованной военной силы, фактически отказалось от привлечения к областной власти представителей от иногороднего, как тогда называли, неказачьего населения.

Что же касается приказа о разоружении пехотных частей г. Новочеркасска, то он был издан раньше, чем областной военный комитет своим приказом № 1 об'явил себя единственной законной властью в области.

В приведенном же обращении указывается последовательность обратная: это сознательный обман, в который не верили даже меньшевики и эсеры.

Какие же группы населения и организации безусловно поддерживали войсковое правительство?

Рассмотрим прежде всего взаимоотношения между Войсковым Правительством и казачеством. Две казачьих военных организации были в Новочеркасске: переехавший из Киева общефронтовой казачий с'езд, начавший работать 6/XI, и областной военный комитет, об'единявший войсковые части Донобласти, в том числе казачьи.

Первое же заседание в Новочеркасске фронтового казачьего с'езда, который приветствовал войсковой атаман Каледин, приняв резолюцию о концетрации казачьих частей в более крупные войсковые соединения, показал, что он вместе с Донским Войсковым Правительством стоит на точке зрения сохранения обособления казачества для использования последнего в борьбе с развивающейся революцией.

Резолюция эта, указывая на необходимость вышеупомянутой концентрации, в заключение говорит:

„С'езд выражает уверенность, что армейские организации окажут свое содействие концентрации казачьих частей, соединяемых только для сорганизованности казачества, стоящего на государственной точке зрения и полагающего своей задачей идти рука об руку со всей русской демократией, свободно, без давления высказывающей свои политические взгляды".

Мы хорошо знаем черносотенную цену „демократизму" и „государственности", этих героев с нагайками.

На заседании с'езда выступил представитель студенческого общеказачьего союза Павлов с приветствием с'езду и, конечно, с указанием на то, что в среде казачества нет деления на трудовое и нетрудовое.

В Областном Военном Комитете Войсковое Правительство уже не встречало такого сочувствия.

Это хорошо видно из резолюции военного комитета, напечатанной в № 252 в газ. „Приазовский Край" резолюция комитета.

Пункты 2 и 3 этой резолюции, осуждают определенные шаги Войскового Правительства. Однако, пункт 4 говорит, что новочеркасское правительство комитетом признается.

Вопрос о разоружении пехотных частей постепенно привел к расколу в областном военном комитете: пехотная секция откололась, вышла из его состава, переехав в Ростов. В Новочеркасске осталась только казачья часть, переименовавшись в областной казачий военный комитет.

Были разногласия между Калединым и Областным Военным Комитетом до раскола и по другим вопросам.

Атаман категорически высказывается и за вывод пехотных полков из области (акт, направленный против крестьянства и рабочих) и против привлечения немедленно в состав войскового правительства представителей „демократических" организаций. На противоположном настаивал областной военный комитет.

Оставшись после раскола одна, казачья секция оставалась прежней „оппозицией" к Войсковому Правительству, однако, признавая его законным.

По сообщению „Приазовского Края" от 16 ноября, и казачья секция областного военного комитета постановила требовать снятия военного положения, освобождения члена областного военного комитета, арестованного за большевистскую агитацию, удаления из макеевского района есаула Чернецова, творившего там расправу над рабочим населением.

Кроме того, исполнительное бюро казачьей секции областного военного комитета единогласно признало, что для создания авторитетной власти на Дону должно быть созвано донское Учредительное Собрание, избранное на основе четырехчленной формулы; по вопросу о создании в Ростове штаба пехотных частей казачья секция высказалась в том смысле, что это дело исключительно пехоты.

Несмотря на эту игру, в „оппозиционность", казачья секция в решительную минуту не оставит Войсковое Правительство без активной поддержки. Так именно и случилось, когда началась вооруженная борьба с ростовским пролетариатом. Что касается пехотной секции, то с переездом в Ростов она высказалась решительно против войскового правительства и в ней ставился даже вопрос о признании „правительства Ленина".

В заседании 14-го ноября по вопросу о Войсковом Правительстве была принята следующая резолюция (см. № 272, 16/xi. „Приаз. Край".).

Войсковому правительству войска Донского.

Пехотная секция областного военного комитета в заседании своем 14 ноября постановила переехать на время обостренных отношений между войсковым правительством и неказачьей демократией области в гор. Ростов.

С этого момента пехотная секция называется „военным комитетом неказачьих частей Донской области" и вместе с тем принимает на себя все распоряжение этими частями впредь до уничтожения особого штаба, согласно постановления пехотной секции областного с'езда от 15 октября с. г.

Военный комитет неказачьих частей требует:

1) Признания его Войсковым Правительством, как выразителя мнения неказачьих частей области.

2) Немедленной отмены военного положения в неказачьих округах области и в рабочих районах и освобождения арестованных за политическую агитацию.

3) Отказ войскового правительства от верховных государственных прав.

4) Созыва одновременного общего с'езда населения области: казаков, крестьян и рабочих—для решения вопроса об областном самоуправлении.

Требование, несмотря на решительный тон, не идет дальше „демократии" и в резолюции совершенно не видно решимости отстаивать свои требования, хотя бы вопреки воли и согласия Войскового Правительства.

А в дальнейшем левая часть пехотной секции во главе с подп. Арнаутовым перешла к активной поддержке большевистской партии и Военно-Революционного комитета, но эта часть была в меньшинстве.

Большинство же в решительную минуту вместе с прочими „соглашателями" заняло в борьбе между Ростовом и Новочеркасском позицию „нейтралитета". Их представители (Петров, Родзевич, Скудре), когда началась вооруженная борьба, по почину Войскового Правительства, вышла из состава Военно-Революционного комитета вместе с прочими представителями „демократии", выпустившими официальное воззвание по поводу своего выхода.

* * *

Стремясь расширить точку опоры в своей контр-революционной работе, Войсковое Правительство, старалось использовать в качестве своих активных сторонников старую дореволюционную цензовую общественность.

С этой целью 13 ноября в Новочеркасске состоялось чрезвычайное заседание Войскового Правительства, в котором принимали участие „общественные деятели", преимущественно кадетского толка.

Здесь А. И. Петровский, представитель образовавшегося в Новочеркасске союза общественных деятелей, от имени последнего огласил резолюцию, в которой рекомендуется Войсковому Правительству взять на себя и осуществлять всю полноту государственной власти в области впредь до возникновения преемственной законной власти Временного Правительства и принять немедленно в единении с ос-

тальными членами Юго-Восточного союза все меры к образованию в стране верховной центральной власти. (Приаз. Край" № 271, 15/xi).

На этом заседании ген. Каледин выступил с речью, характерною и показательною во многих отношениях.

Из нее ясно было прежде всего, что у Войскового Правительства не было полного единогласия даже с этой цензовой общественностью толка Родзянко. Между последним и Калединым было взаимное недоверие на почве стремления к власти.

Характерно и указание Каледина на то, что „русская общественность больна".

Наконец, в этой своей речи Каледин прямо и открыто заявил, что „во имя спасения родины", т. е. подавления рабочей революции, „ставится на карту донское казачество". Таким образом, золотопогонные воротилы затевали игру весьма крупную.

На следующий же день было устроено новое экстренное совещание Войскового Правительства, на этот раз с представителями, так называемой, „революционной демократии". Результатом этого совещания было следующее.

В конце совещания с. р. А. А. Николаев, ростовский городской голова, от имени представителей городов сделал следующее программное заявление:

„Во избежание всяких недоразумений, мы фиксируем три основных мысли, приведенных нами в наших выступлениях:

1. Соглашение с Войсковым Правительством не только возможно, но и необходимо.

2. Основными условиями этого соглашения являются: немедленная отмена военного положения в области и организация власти в крае на началах представительства всего населения области, а не только казачьего.

3. Вопрос об организации центральной власти, как чрезвычайно сложный и ответственный, мы оставляем открытым". („Приаз. Край", № 273, 17/xi).

На выставленные условия соглашения Войсковое Правительство не пошло.

Весьма характерна эта позиция, так называемой, „революционной демократии". „Революционность" ее выразилась в том, что она считала возможным и необходимым соглашение с явной генеральской контр-революцией для борьбы с большевиками, т.-е. рабочей революцией.

* * *

По примеру других городов, в Ростове образовался Военно-Революционный Комитет после того, как в Питере была свергнута рабочими власть Керенского.

К моменту Октябрьской революции в Ростовском Совете меньшевики вместе с эс-эрами обладали большинством, но фракция большевиков была первой по величине. Военно-Революционный Комитет на первых порах был организован этой фракцией, так как остальные отказались от вхождения в него. Перед ним стояла задача вовлечения в сферу своего влияния возможно большего числа других рабочих организаций.

Вопрос об отношении к Военно-Революционному Комитету также стал для различных Ростовских организаций боевым, по которому одни организации целиком высказывались против Комитета, другие раскалывались на его противников и сторонников.

Расширение своего влияния Ревкому приходилось совершать по двум направлениям: распространяя его на различные организации, как в области, так и в городе и связываться с революционными организациями области, вырастая таким образом в организацию областную.

Помещение Донского Областного Военно-Революционного Комитета в 1917 г.
(б. театр „Марс").

В Ростово-Нахичеванском Совете Раб. Деп. произошел, как мы уже выше отмечали, раскол на почве создания Ревкома.

В Совете Профессиональных Союзов было засилие меньшевиков. По вопросу о Ревкоме, о посылке туда своих представителей была принята резолюция меньшевиков следующего содержания: („Приаз. Край" № 260; 2/XI, стр. 3).

„Учитывая положение, создавшееся, благодаря расколу рабочего класса, на почве захвата власти большевиками, Совет Профессиональных Союзов считает, что во имя сохранения единства профессионального движения необходимо воздержаться от посылки своих представителей, как в Военно-Революционный Комитет, организованный большевистской фракцией Сов. Раб. Депутатов, так и в орган, выделенный думами. Вместе с тем, Совет всемерно осуждает сепаратные выступления Союзов, выражавшиеся в посылке своих представителей в эти органы".

„Сохранение единства"—это фраза для красного словца. По существу цель резолюции была другая: высоким лозунгом единства удержать рабочие массы от активной поддержки Военно-Революционного Комитета.

Случаи активной поддержки Ревкома со стороны отдельных Профсоюзов имелись. И это движение шло через голову областной профессиональной верхушки и отрывало ее от рабочих масс.

Однако, контр-революционность Войскового Правительства была настолько несомненна, что это признавали даже меньшевики.

Вполне естественна поэтому была попытка Военно-Революционного Комитета создать „единый фронт" для борьбы с контр-революцией. С этой целью уже 12-го ноября было созвано совещание представителей следующих организаций: Военно-Революционного Комитета, Исполкома Совета Рабочих Депутатов, Исполкома Совета (Солд. и офиц. депутатов, Областного военного комитета, комитета спасения родины и революции, союза железнодорожников и почтово-телеграфных служащих. Вопрос о желательности слияния прошел единогласно. Платформа была формулирована так: „Об'единиться для борьбы с контр-революцией, а также для защиты прав демократии и завоеваний революции".

Наконец, 15-го ноября на совещании тех же организаций произошло об'единение и был выделен центральный областной орган власти — Областной Военно-Революционный Комитет об'единенной демократии, которому была вручена вся полнота власти в Донобласти (в противовес Войсковому Правительству).

В состав Комитета вошли следующие представители: от президиума Совета Рабочих Депутатов — 5, от Президиума Совета Крестьянских Депутатов — 5, от областной пехотной секции — 5, от Городских Дум по 3, от Совета профессиональных союзов — 1, от Президиума фабрично-заводских комитетов — 1, от железнодорожного союза — 1, от телеграфного союза — 1, от полковых комитетов — 1, от „Колхиды" — 1, от трех партий по одному. *)

*) Только сейчас становится вполне очевидным, какую большую ошибку сделала наша большевистская организация тогда в Ростове в этих переговорах с, так называемой, „демократией". Держась правильной тактики в борьбе с Калединым, стремясь вовлечь в нее самые широкие массы и разагитировать казачьи части Каледина, Военно-Революционный комитет поступал неправильно в другой области своей классовой тактики. Он до непростительного перегнул палку во всякого рода переговорах с никчемной и бессильной Городской Думой и другими меньшевистско-эс-эровскими организациями. Поддавшись на переговоры об иллюзорном и совершенно немыслимом тогда „соглашении", он дал возможность этим трусливым „социалистическим" мещанам расслаблять работу Ревкома и ослаблять организацию боевых сил ростовских рабочих и солдат. Вместо вынужденных положением вещей разговоров с тогдашними социал-изменниками для бешеного их разоблачения в глазах масс, были до нудного длинные переговоры и даже организационное закрепление „соглашения" в об'единенном Ревкоме. В те страдные дни Октябрьской революции на Дону это была жестокая ошибка.

Этот Ревком явился, таким образом, об'единением всех трех социалистических партий. Поддержка ему была обещана и со стороны Совета Солдатских и офицерских депутатов в следующей резолюции:

„Одобряя действия Исполнительного Комитета, приведшие к об'единению и общему соглашению и приветствуя состоявшееся об'единение всей демократии в Области, Совет офицерских и солдатских депутатов заявляет, что областной Военно-Революционный Комитет, об'единяющий демократию, будет поддержан гарнизоном во всех своих начинаниях, направленных к укреплению революции и борьбе с контр-революцией. Вместе с тем Совет призывает товарищей солдат не исполнять никаких распоряжений, исходящих от ген. Каледина, Войскового Правительства и его местных органов".

Сейчас же после реорганизации Ревкома возникло два вопроса, при разрешении которых обнаружилась его непрочность: об отстранении от должности ген. Потоцкого и Зеелера ростовского градоначальника (оффиц. наименование—Комиссар Временного Правительства). „Принципиально за устранение ген. Потоцкого высказались почти все участники совещания". Так сообщается в отчете газеты „Приазовский Край". „Принципиально", „почти"—все эти слова, которые доказывают, что твердого единогласного решения не было. Еще хуже было с вопросом об отстранении Зеелера. „Что же касается Зеелера, читаем в той же газете, то часть делегатов признает возможным ограничиться лишь с'ужением сферы его компетенции".

19-го ноября в заседании Ростовской Думы вновь обсуждался вопрос об организации областной власти на Дону в связи с результатами созванного Ревкомом совещания демократических организаций. Попутно был затронут вопрос и о приказе № 1 Ревкома, которым он декларировал полноту своей власти.

Вот выдержка из отчета об этом заседании Городской Думы, который даже в том виде, как он был напечатан в газете „Приазовский Край" (№ 276, 21 ноября 1917 г.), в достаточной степени характеризирует заячью трусость эсэровски-меньшевистского оплота.

Приказ № 1.

Перед началом прений по вопросу о создании власти в Донской области гл. А. Сабсович просит пояснить, что за воззвание выпущено Областным Военно-Революционным Комитетом об'единенной демократии с призывом не подчиняться Войсковому Правительству и санкционировано-ли это воззвание представителями городского самоуправления, принимавшими участие в совещании местных демократических организаций.

П. С. Петренко.—На воззвании моей подписи нет, и я полагаю, что и такого воззвания нет...

Затем возникает обмен мнений по вопросу о необходимости доклада о работах совещания демократических организаций, в котором достигнуто соглашение с большевиками и сконструирован Областной Военно-Революционный Комитет.

В конце концов, дума решает заслушать это сообщение.

Гл. Гроссман докладывает результаты совещания, пришедшего к признанию необходимости сконструирования Областного Военно-Революционного Комитета, в котором оставлены также места и представителям Войскового. Правительства. Из сообщения гл. Гроссмана выясняется, что некоторые спорные вопросы, по которым демократическое совещание не пришло к соглашению, решено было передать на рассмотрение создаваемого Обл. Военно-Революционного Комитета. В числе них смещение ген. Потоцкого и градоначальника В. Ф. Зеелера.

А вопрос о расформировании Красной Гвардии разрешен в Совещании,—спрашивает гл. (пар. соц.) И. И. Шик.

Нет,—отвечает гл. Гроссман,—этот вопрос также передан в Комитет.

Идут длиннейшие разговоры об организации власти кадетско-черносотенных и меньшевистско-эс-эровских героев всех мастей. Затем принимается („левым") большинством голосов 36 против 23 при 12

воздержавшихся следующая резолюция, предложенная Б. С. Васильевым от имени с.-д.-меньшевиков.

„Заслушав сообщение о созванном по инициативе областного военного комитета совещании демократических организаций Ростова и Нахичевани на Дону и о решении этого совещания создать Областной Военно-Революционный Комитет об'единенной демократии, Ростовская на Дону Городская Дума, принимая во внимание:—

1) что участники совещания пришли к соглашению на формуле борьбы с выступлениями, как контр-революционного, так и анархического характера.

2) что основной задачей момента совещание считало предотвращение гражданской войны, все ужасы которой угрожают Донской области, каковую задачу поставило своей целью и Ростовское на Дону городское самоуправление с момента получения первых известий о восстании в Петрограде,

3) что существеннейшим пунктом соглашения различных групп, участвовавших в совещании, является стремление к созданию областного органа власти, привлекающего к себе все группы населения в противовес стремлениям отдельных групп захватить власть в свои руки, на какой позиции и Городская Дума,

Ростовская на Дону Городская Дума постановляет делегировать в состав Областного Военно-Революционного Комитета трех своих представителей, обязав их пред'явить ультимативные требования о немедленной отмене распубликованного группой лиц об'явления, названного приказом № 1, каковое об'явление нормально не могло быть издано от имени Комитета, в виду того, что Комитет еще не конструировался и какое об'явление по существу может стать сигналом к открытой гражданской войне.

Вместе с тем, принимая во внимание, что в Комитете представители Городской Думы будут представлять собой меньшинство, Городская Дума вменяет им в обязанность участвовать в работах Комитета лишь до того момента, пока деятельность его основана на тех пунктах соглашения, которые перечислены выше и тотчас же предлагает им выйти из состава Комитета, не спрашивая на то особой санкции от Городской Думы, если Комитет уклонился от выполнения первоначально поставленных им целей".

Принятой резолюцией Городская Дума, правда, постановила делегировать трех своих представителей в Ревком. Но сколько тут оговорок!

Мотивы, побудившие городское самоуправление дать своих представителей, изложены в трех пунктах. В них авторы постановления всячески выгораживают себя от выступлений „анархического характера", от „гражданской войны", от „стремления отдельных групп захватить власть в свои руки".

Но этими оговорочками они не ограничились. Они поставили условием вхождения ультимативное требование отмены приказа № 1, который был неизбежным следствием организации Областного Ревкома.

Накануне 18-го ноября тот же вопрос об Областном Ревкоме обсуждался в Совете Раб. и Солд. Депут.

После доклада и прений было предложено две резолюции.

Первая была предложена т. Васильченко от имени большевистской фракции. Гласила она следующее:

„Заслушав доклад об об'единении революционно-демократической организации, Донской Областной Совет Рабочих и Солд. Депутатов, приветствует факт образования боевого революционно-стратегического союза этих организаций. Совет Рабочих и Солд. Депутатов поручает своим представителям в областном Военно-Революционном комитете добиваться полного уничтожения контр-революционного движения в области. При первом же случае противодействия со стороны Военно-Революционного Комитета власти Рабочего и Крестьянского Правительства, Совет предлагает своим представителям выйти из него".

Вторая резолюция была от имени части областного Ревкома. Ее содержание таково:

„Областной Военно-Революционный Комитет об'единенной демократии об'является высшей властью в Ростове и Нахичевани и высшим военным органом неказачьих частей в области. Вся демократия неказачья и казачья призывается в Донской области поддержать Военно-Революционный Комитет в деле устранения препятствий к созданию единой демократической власти во всей области".

В Совете большинство собрала резолюция, предложенная фракцией б—ков. Меньшевики и здесь держались той же трусливой позиции.

Нельзя пройти мимо того факта, что резолюция, предложенная от имени большинства Ревкома, провалилась. Из этого ясно, что большинство не встретило поддержки в Совете, который стал на сторону фракции большевиков. Таким образом, сразу же наметился разрыв Об'единенного Областного Военревкома с рабоче-солдатскими массами в лице их авторитетного органа Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Этот разрыв делал необходимым в дальнейшем крах того соглашения, которое, казалось, было достигнуто образованием „Областного Военно-Революционного Комитета об'единенной демократии".

И в принятой резолюции имеются в этом отношении знаменательные слова: „При первых же случаях противодействия со стороны Военно-Революционного Комитета власти Рабочего и Крестьянского Правительства". А ведь меньшевистски-эсэровский блок, составлявший большинство Ревкома, в принятой резолюции в Городской Думе, свое соглашение с большевиками недвусмысленно оговаривал необходимостью бороться „против стремления отдельных групп захватить власть в свои руки". Ясно, что внутри Областного Ревкома была недоговоренность о предстоящих действиях, затушеванная искусственно расплывчатыми резолюциями. Наша партия—в тогдашних условиях—от этого мало теряла; наоборот: выясняла перед трудящимися истинное лицо меньшевиков и эсэров и выигрывала время для накапливания сил.

События развивались в сторону неизбежного столкновения между революционным Ростовом и контр-революционным Новочеркасском.

* * *

Новочеркасские контр-революционеры, разумеется, не могли пройти мимо создания в Ростове другой областной власти в лице Областного Военно-Революционного Комитета.

Верные своему соглашательскому духу меньшевистско-эсэровское большинство затеяло с Войсковым Правительством переговоры.

Между тем Войсковое Правительство уже перешло в наступление.

В Новочеркасске были разоружены пехотные полки стоявшие там. Накануне 22-го декабря (за день, за два) на ст. Кизитеринка, в нескольких верстах от Ростова, прибыли казачьи частьи под командой генерала Орлова, посланные из Новочеркасска в Ростов с совершенно определенной целью. Когда узнали об этом в Ростове, здесь были приняты нужные меры. Это подействовало. Казачьи части, не пожелавшие вступать в бой для занятия Нахичевани и Ростова, были отведены в ближайшую станицу.

Представителем казачьей Новочеркасской власти в Ростове был генерал Потоцкий, командовавший всеми казачьими частями, расположенными в Ростове и около него. 20-го ноября в Ревком пожаловал его представитель, войсковой старшина Смагин для переговоров о том, „на каких условиях возможно предотвратить ужасное кровопролитие". Ревком потребовал немедленного прекращения движения казачьих частей на Ростов и отмены военного положения. В этот день переговоры не закончились, и на утро генерал Потоцкий вызвал к себе делегацию Ревкома. На отмену военного положения генерал Потоцкий согласился при условии непоявления вооруженных красноармейцев на улицах Ростова и возвращения обратно оружия, взятого у пехотных частей.

Для достижения окончательного соглашения было назначено на 22-е ноября совместное заседание с Потоцким. К этому времени выяснилось, что уже достигнуто соглашение с казачьими частями ген.

Орлова и восстанавливается железнодорожное сообщение. Казачьи части, достигшие Нахичевани, убирались точно также, как и пехота Военревкома. Вечером того же дня возобновились переговоры непосредственно с представителями частей генерала Орлова во главе с войсковым старшиною Шамшевым.

Большинство представителей Ревкома выставило ряд пунктов: снятие военного положения не только в Ростовском округе, но во всей Донской области; возвращения оружия разоруженным пехотным частям в Новочеркасске; свободный пропуск Войсковым Правительством воинских частей, направляющихся в Ростов, на основании распоряжений еще Временного Правительства; признание штаба пехотных неказачьих частей, образовавшегося в Ростове и другие.

Все эти события и ход переговоров обсуждались в Городской Думе на заседании 22-го ноября.

На этом заседании ясно обнаружилось, что меньшевики из кожи лезут вон, чтобы примирить контр-революцию с революцией. В поисках чего то третьего меньшевики играли на руку контр-революции, ослабляя ряды революционного пролетариата и вводя его в ряд ошибок в оценке истинного характера настроений и намерений Войскового Правительства.

К этому времени уже прибыла на Дон Черноморская флотилия моряков. В субботу, 25 ноября, Ревком, состоявший тогда из одних большевиков, учтя положение и видя, что меньшевистско-эсеровская камарилья занимается никчемными переговорами с калединской шайкой контр-революционеров, постановил пред'явить Войсковому Правительству ультиматум, с требованием ответа в 24 часа. Ультиматум включал следующие требования: 1) отказ Войскового Правительства от всякого притязания на власть, 2) отмена военного положения и 3) возвращения оружия разоруженным пехотным частям и др. При голосовании этого ультиматума в Ревкоме произошел раскол: за пред'явление голосовало—20, против—19. Тогда представители меньшевиков и эс-эров, городских самоуправлений, железнодорожного союза и областного военного комитета заявили о своем выходе из состава Ревкома.

Ушедшей частью было выпущено следующее воззвание, текст которого, как исторического документа, приводим полностью.

ВОЗЗВАНИЕ

Товарищи солдаты, казаки и матросы, рабочие и крестьяне Донской Области.

Первая кровь уже пролилась. В ночь на 26-е ноября, по распоряжению ген. Потоцкого, были произведены нападения на штаб красной гвардии, расположенный в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, и на Комитет большевиков в ротонде городского сада.

В возникшей стычке есть убитые и раненые с обеих сторон.

Минуют часы и весь Дон охватит пожар гражданской войны. В братоубийственной бойне начнут истреблять друг друга различные слои населения.

Еще до этого столкновения нижеподписавшиеся представители различных общественных организаций вышли из состава Областного Военно - Революционного Комитета об'единенной демократии. Мы вышли потому, что все наши усилия предотвратить гражданскую войну оказались тщетными, потому что, оставаясь в составе Военно - Революционного Комитета, мы должны были бы взять на себя моральную и политическую ответственность за ту братоубийственную бойню, к которой шли два лагеря.

Две силы, два лагеря одинаково стремятся вызвать эту бойню, стравить между собою казаков, солдат и рабочих. Честолюбцы и авантюристы из обоих лагерей, стремясь вооруженной рукой захватить власть на Дону в свои руки, все свои усилия направляют к тому, чтобы столкнуть между собой казаков и другие слои населения.

При первой же вести о захвате власти большевиками в Петрограде, Войсковое Правительство об'явило себя верховной властью в области, и, введя в промышленных и торговых центрах области военное положение, начало готовиться к тому, чтобы, опираясь лишь на силу, укрепить за собою власть на Дону.

При первой же вести об успехе петроградского восстания, большевики на Дону начали мобилизовать свои силы, обратились за содействием в другие города и к Черноморскому флоту, чтобы захватить власть в свои руки.

Обе стороны одинаково энергично готовились к кровавой схватке, в которой пушечным мясом явятся, конечно, не отдельные авантюристы, стоящие во главе каждого из лагерей. Этим пушечным мясом, этими кровавыми жертвами гражданской войны явитесь прежде всего вы, товарищи казаки, солдаты и матросы, вы, товарищи рабочие и крестьяне.

Вся область в конец будет разорена братоубийственной войной. Железные дороги будут разобраны. Рудникам будет грозить затопление, поля казаков и крестьян обагрятся братской кровью. Крупные центры области — Ростов, Таганрог и другие—станут ареной борьбы и, подвергнутые обстрелу и уличным схваткам, будут разгромлены, сожжены и уничтожены.

В предвидении этого, мы все усилия направляли к тому, чтобы предотвратить гражданскую войну в Донской области. В Областном Военно-Революционном Комитете об'единенной демократии мы добились того, что были начаты переговоры с Войсковым Правительством о мирном разрешении кризиса и в ходе начавшихся переговоров мы стремились обе стороны склонить к избежанию кровопролития.

Ведя подготовку к военным действиям, мобилизуя свои силы и дезорганизуя силы противника, Военно-Революционный Комитет и Войсковое правительство до субботы 25 ноября вели переговоры.

25-го ноября представители Войскового Правительства должны были дать свой ответ представителям Военно-Революционного Комитета по существу тех условий, которые были выдвинуты во время переговоров.

25-го ноября большинством одного голоса — 20 голосами против наших 19 голосов Военно-Революционный Комитет принял решение о том, что он уполномачивает своих представителей лишь выслушать представителей Войскового Правительства, но не уполномачивает их вести переговоры.

Тотчас же после принятия Комитетом этого решения мы вышли из его состава, признав, что нами было сделано все, чтобы предотвратить кровопролитие и что дальнейшее наше участие в Комитете будет противоречить целям, которые мы себе ставили.

В туже ночь военные действия были начаты ген. Потоцким, и гражданская война началась.

Эта война ведется той и другой стороной за лозунги, совершенно неприемлемые для демократии Донской области. Ни власти Войскового Правительства не признает над собою неказачья часть населения, ни той власти Советов, за которую ведет борьбу Военно-Революционный Комитет, не сможет признать большинство населения Донской области.

Эту гражданскую войну, затеянную авантюристами обоих лагерей, мы считаем тем более преступной, что до созыва Учредительного Собрания остается всего несколько дней. Это братоубийство мы считает тем большим преступлением перед родиной, что широкие народные массы будут втянуты в бойню за цели, которые им совершенно чужды.

Долг каждого гражданина, каждого сознательного солдата, казака и матроса, рабочего и крестьянина не допустить разрастания гражданской войны. Обязанность каждого гражданина предупредить готовящееся кровопролитие.

Это может быть достигнуто лишь в том случае, если несмотря на начавшееся пролитие крови, обе стороны откажутся от своей авантюры, если в среде тех масс, на которые они опираются, обе стороны встретят решительное сопротивление попыткам втолкнуть их в кровавую бойню.

Власть в области должна быть организована всем населением области. Ни Войсковое Правительство, ни какие-либо другие организации рабочих, солдат и крестьян не могут претендовать на эту власть, которая будет сильна и авторитетна лишь тогда, когда она правильно составлена всеми частями населения.

Введенное Войсковым Правительством военное положение должно быть немедленно снято. Пехотным полкам или штабу неказачьих частей должно быть возвращено оружие, насильственно отобранное у солдат. Красная Гвардия, сохранив за собою право на обучение военному искусству, должна немедленно сдать свое вооружение полковым комитетам. Все части, призванные в область для борьбы, должны быть отправлены обратно тотчас же, как будет заключен мир. Должны быть отпущены все, кто арестован в связи с борьбою. В угольном районе, впредь до полного вывода казачьих частей, должны быть расположены в равном числе

и пехотные части, что даст уверенность, что войска не будут служить орудием в борьбе между трудом и капиталом.

На этих требованиях, обращенных к обоим лагерям, должна об'единиться вся казачья и неказачья демократия области. Эти требования она должна властно пред'явить и Войсковому Правительству, и большевикам из Военно-Революционного Комитета.

Солдаты, казаки и матросы, рабочие и крестьяне. Не поддавайтесь провокации. Не направляйте штыков друг против друга.

Общими силами стремитесь прекратить бойню, дружным усилием поддержите эти требования.

Не идите за авантюристами из обоих враждующих лагерей. Немедленно смести их, если они не пойдут за мир.

Пусть вашим лозунгом, вашим требованием будет:

— Долой гражданскую войну...

— Долой братоубийственную бойню.

— Долой всех тех, кто втравливает вас в пролитие братской крови.

Вышедшие из Областного Военно-Революционного Комитета об'единенной демократии:

Представители ростовской н-Д. Городской Думы: И. Точилин, И. Б. Эрлихман, С. Е. Болдырев.

Представители Нахичеванской н-Д. Городской Думы: Я. С. Штань, К. М. Вермених, Ф. Г. Смоленский.

Представители Совета Крестьянских Депутатов: П. И. Юровский, Ф. П. Польский, М. И. Сирота, И. К. Пирогов.

Представитель Донского комитета р.-с.-д. р. п. Б. С. Васильев.

Представитель комитета партии соц.-рев. А. Л. Бердичевский.

Представитель главн. дорожного комитета Влк. ж. д. Эккерт.

Представитель Совета профес. союзов И. М. Гроссман.

Представитель облостного военного комитета: Петров, Радзевич, Скудре.

Этот бессмерный документ увековечил трусливость и близорукость и несомненную об'ективную контр-революционность господ социал-соглашателей.

После пред'явления ультиматума и раскола Ревкома произошла встреча представителей Войскового Правительства с оставшейся большевистской частью Ревкома, не давшая, конечно, никаких результатов, кроме еще большей уверенности в том, что вооруженное столкновение неизбежно и что в Новочеркасске оттачивают нож, который собираются вонзить в спину рабочего Ростова.

Генерал Потоцкий, как не краснобай, а человек дела, послал ночью с 25 на 26 офицерско-юнкерскую банду арестовать Ревком и штаб красной гвардии, расположенные в б. театре „Марс“ по Садовой улице. Разбойный налет ночных бандитов не достиг желательных для них результатов: в это время ни в штабе, ни в Военревкоме никого не было, все были заняты на заседании, случайно перенесенном к прибывшим морякам на яхту „Колхиду“. При этом нападении было убито несколько товарищей, в том числе член Совета т. Кунда и т. Казбирюк.

С этого момента вооруженная борьба ростовского пролетариата с Калединским правительством началась. Кровью своей и грудью стали ростовские пролетарии защищать завоевания октябрьской революции от похода на них контр-революционных сил, собравшихся на Дону.

Что же делали в этот решительный момент кровавой схватки двух миров — меньшевики и эсеры? Они выпускают свое контр-революционное воззвание и, продолжая политику „нейтралитета“, действуя этим на руку контр-революции, вместе с тем продолжают пытаться опять „примирить“ борющихся.

По предложению меньшевиков, Городская Дума постановляет послать делегации в оба лагеря для „примирения“. При этом предлагается следующая платформа для „примирения“: 1) отмена военного положения, 2) возвращение оружия разоруженным полкам, 3) свобод-

ный пропуск эшелонов, направленных по распоряжению прежнего Временного Правительства, 4) возвращение обратно Черноморской флотилии, 5) разоружение красной гвардии, 6) взаимное освобождение арестованных и 7) снятие военного положения в горнозаводских районах, а впредь до вывода оттуда казаков, размещение равного с казаками количества пехотных частей.

Такова была меньшевистская платформа „примирения".

Свою разлагающую работу меньшевики не ограничили думскими заседаниями и пресловутым воззванием. Пользуясь тем, что все активные силы нашей партии и сочувствующих были отвлечены непосредственной вооруженной борьбой с калединцами, меньшевики шмыгали по казармам и вели разлагающую работу среди ростовского гарнизона, правильно учитывая, что разложить его, настроить против участия в борьбе с Войсковым Правительством—значит лишить большевиков и Ревком организованной воинской силы. И контр-революция может быть признательна господам меньшевикам: гарнизон остался „нейтральным", в стороне от той великой революционной борьбы, которую вели передовые пролетарии на подступах к Ростову. Об этом хорошо постарались меньшевики.

Свою предательскую работу за спиной вступившего в борьбу Ревкома, меньшевики закрепили следующей резолюцией:

„Собрание **Президиумов полковых комитетов и командиров полков** ростовского гарнизона, выслушав представителей Военно-Революционного Комитета и Городских Дум Ростова и Нихичевани на Дону постановило:

1) предложить полковым комитетам немедленно отозвать представителей ростовского гарнизона из Военно-Революционного Комитета, как организации, об'единяющей лишь часть демократии;

2) немедленно потребовать от Военно-Революц. Комитета, из'явления согласия **на вступление в мирные переговоры;**

3) поставить в известность Военно-Революц. Комитет, что в случае отказа В.-Р. Комитета от вступления в переговоры—собрание всю тяжесть ответственности за дальнейшее кровопролитие возложит на В.-Р. Комитет и будет всеми силами протестовать против действий В.-Р. Комитета.

Одновременно собрание заявляет, что оно не **допустит единой власти войскового правительства в области и всеми силами встанет на защиту завоеваний революции, свобод и прав неказачьего населения области,** если Войсковое Правительство не примет условий, пред'явленных об'единенной демократией, вышедшей из состава В.-Р. Комитета".

В самые критические минуты неравной борьбы, накануне занятия Калединым города, 1 декабря ст. ст. меньшевистские болтуны созвали снова „демократическое совещание", на котором, конечно, большевики не участвовали. Где совещание, там и резолюция. Где „демократическое", там никчемная и по существу контр-революционная резолюция. Вот содержание принятой на этом совещании резолюции:

„Признавая: 1) что с провозглашением свободы, равенства и братства борьба оружием недопустима, а пролитие братской крови преступно, 2) что никакие цели не могут оправдать такие средства, как разбойное нападение на демократические организации, гражданская война, расстрел мирных жителей и военное положение, 3) что захват власти и насаждение ее с помощью оружья в то время, когда народ в лице Учредительного Собрания мирно готовится осуществить свою свободную волю, есть грубое насилие над народной волей и узурпация его державных прав, принимая все это во внимание, собрание постановило:

1. Считать, что только все население Донской области через своих представителей на общем с'езде вправе разрешить спор о власти, а потому требовать немедленного созыва такового с'езда.

2. **Призвать товарищей солдат, казаков, матросов и рабочих не принимать участия в братоубийственной войне,** в этом позорном для революционной демократии, провозгласившей мир всему миру, деле.

3. **Немедленно предложить Военно-Революционному Комитету, матросам и Калединским отрядам прекратить всякие военные действия, считая что на сторону, отказавшуюся мирно ликвидировать конфликт и сложить оружие, падет вся ответственность за пролитую кровь.**

4. Поддержать демократические организации, об'единившиеся вокруг Городских Дум, стоящие на охране мирного населения и старающиеся мирным путем ликвидировать гражданскую войну.

5. До созыва с'езда **власть передается Войсковому Правительству,** пополненному в равном числе представителями Советов Крестьянских и Солдатских Депутатов и Городских Дум всей области.

6. Присоединиться ко всем положениям, выработанным представителями демократических организаций, вышедших из состава Областного Военно-Революционного Комитета.

7. Предложить Черноморской флотилии употреблять в дело оружие, только по просьбе всего населения.

8. **Требования свои собрание обращает как к Войсковому Правительству, так и к Военно-Революционному Комитету,** для чего избрать специальную делегацию в составе представителей Городских Дум, Совета Крестьянских Депутатов, Областного военного комитета, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов, полковых комитетов и солдатских депутатов и союза увечных воинов для поездки завтра же 2 декабря в Новочеркасск на заседание Войскового Круга и поручить президиуму передать решение настоящего собрания Военно-Революционному Комитету.

9. Поручить всем находящимся на настоящем заседании представителям рабочих, солдат и крестьян завтра же собрать своих избирателей, обсудить создавшееся положение дел и решение собрания и резолюции доставить в Городскую Думу.

10. **В Воскресенье, когда будут известны ответы, как Военно-Революционного Комитета, так и Войскового Круга, собрать такое же собрание для обсуждения конкретных практических мер проведения в жизнь решений настоящего собрания.**

Весь смысл этой резолюции сводился к тому же, к чему и воззвание по поводу выхода из Ревкома. Лишить Ревком вооруженной силы, а власть все-таки оставить в руках Войскового Правительства.

Такова практика безобидного меньшевистского „нейтралитета". На словах ни за ту, ни за другую сторону, а на деле это поддержка буржуазной контр-революции.

* * *

День 26-го ноября прошел во взаимных приготовлениях. Ясно было, что новочеркасская контр-революция не ограничится одной только неудавшейся попыткой ареста Ревкома и Штаба Красной Гвардии.

Какими же силами располагал Ревком?

Основной живой силой, бывшей в его распоряжении, была Красная Гвардия, во главе которой стоял штаб. На всех крупных фабриках и заводах были организованы отряды красногвардейцев, об'единенные единым центральным Штабом. Вооружение у красногвардейцев было плохое. Обучение также недоставало. В практике борьбы с Калединым встречались также случаи, когда рвущийся в бой красноармеец не умел зарядить ружья.

Но вся Красная Гвардия рвалась на фронт, была преисполнена желанием померяться силами с наступавшей белогвардейщиной. В этом отношении особенно характерен эпизод взятия вокзала Ростов-Дон и пленение ген. Потоцкого. Последний засел в одном из станционных зданий (тогда там помещался лазарет) с бандой офицеров, хорошо вооруженных и с несколькими пулеметами. Позиция противника была великолепна: с верхних этажей можно было держать под обстрелом все подступы к вокзалу. Не взирая на это, красногвардейцы несколько раз предпринимали аттаку по открытому месту, вдоль трамвайных путей, идущих от Темерницкого мостика к вокзалу. Их упорство увенчалось успехом. К вечеру, 27-го ноября, вокзал был занят красногвардейцами и пленный ген. Потоцкий доставлен на „Колхиду"

188583
188583
БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ Спец. фонд

Несмотря на энтузиазм и самоотвержение красногвардейцев, нашему успеху сильно мешала их необученность и неорганизованность в боевые единицы. Благодаря незнакомству с военным делом и непониманию фронтовой обстановки, установился своеобразный „рабочий день" на фронте. С утра товарищи красногвардейцы отправлялись на фронт в вагонах трамвая (трамвайщики в эти дни держали себя на высоте положения), и с наступлением сумерок возвращались на отдых.

Я уже сказал, что вооружение у красногвардейцев было плохое. К этому надо добавить, что в распоряжении Ревкома было некоторое количество пулеметов и несколько не вполне исправных пушек. В патронах ощущался сильный недостаток. Несколько пополнилось наше вооружение с прибытием сюда черноморских моряков.

Дело в том, что, учтя недостаточность вооружения, партийная организация послала товарища Ченцова к черноморским морякам за получением необходимого (речь шла о недостающих частях к пушкам). Узнав о создавшемся на Дону положении, с'езд черноморских моряков, на который как-раз случайно попал посланный товарищ Ченцов, постановил послать сюда на помощь ростовским пролетариям специальную флотилию. В это время командующим черноморским флотом еще был адмирал Колчак (впоследствии руководитель сибирской контр-революции), который, как „спец" своего дела и контр-революционер по убеждениям, принял с своей стороны все меры к тому, чтобы посылаемая флотилия оказалась возможно менее полезной. Удалось это очень просто: флотилия была послана слишком внушительная—один крейсер с аэропланом, два миноносца, три траллера и два истребителя.

Только траллеры и истребители смогли войти в Дон, все же остальное осталось в Мариуполе. При этом надо сказать, что траллеры вовсе не боевые суда, а потому и команда на них не боевая, а та, которая обслуживала их, когда они еще были простыми коммерческими шхунами. Пушки на них стояли прескверные, на гнилых полах, которые при первых же выстрелах крошились в щепки. Прислуга при них была настолько неопытная, что при бомбардировке позиций противника ни один снаряд не попал в цель. К тому же снарядов было до смешного мало. Запасы их остались в Мариуполе, но доставить их было не на чем (и это было предусмотрено „спецами"). Непригодность команды к боевой работе очень быстро сказалась: после первых же выстрелов среди команды началось недовольство, в результате которого все три траллера вышли за железный мост, откуда два самовольно уплыли вовсе с Дона.

Но все-таки, с прибытием в Ростов „Черноморской флотилии" (имело это, конечно, и моральное значение) в распоряжении Ревкома оказалось несколько пушек, более или менее пригодных, как на самих траллерах, так и на стоявшей в Ростове на ремонте бывшей царской яхте „Колхида". Кроме того, одна зенитная пушка, привезенная моряками, была установлена на грузовом автомобиле и, таким образом, можно было быстро перевозить в требуемое место.

Что касается ростовского гарнизона, состоявшего из четырех пехотных частей, то работа в нем меньшевиков принесла свои плоды: гарнизон оставался пассивен, за исключением только двух случаев. Первый был тогда, когда на рассвете 27 ноября юнкера повели наступление на солдатские казармы, находившиеся на границе между Ростовом и Нахичеванью, и на ближайшую сторону Балабановской рощи. Этим нападением с целью разоружения солдаты вынуждены

были к защите, надет был отбит и юнкера отступили по железной дороге к станице Аксайской.

Второй случай был однажды ночью. После неоднократных попыток воспользоваться организованной силой ростовского гарнизона, наконец, удалось получить две роты, которые явились к зданию Ревкома в полном боевом вооружении и при офицерах. Эти роты тотчас были отправлены на Нахичеванский фронт, откуда утром следующего дня преблагополучно разошлись. В последнем же было виновато отсутствие должного командования на фронте.

После попытки захватить Ревком и Штаб, последним ничего не оставалось делать, как перейти в контр-наступление, чтобы закрепить свою власть в городе. Стали приниматься меры к занятию почты и телеграфа, телефонной станции, вокзала, банков, устранению градоначальника. Весь день и ночь 26-го ноября производилась эта работа. 27-го утром в Ревкоме были получены сведения, что юнкера и кадеты Новочеркасского кадетского училища, высадившись в количестве двух эшелонов на ст. Нахичевань, наступают на солдатские казармы. Принятыми мерами и, главным образом, силами самих солдат, поддержанных артиллерией траллеров, юнкера и кадеты были отбиты, оставив в наших руках пленных и один броневой автомобиль.

В тот же день к вечеру был с боем занят вокзал. И фронт борьбы сосредоточился за заводом „Аксай", между Нахичеванью и ст. Кизитеринкой и Александровкой. Здесь днем происходили перестрелки и стычки, доходившие до штыковых схваток, а ночью наступил отдых. Нет никакого сомнения, что для Войскового Правительства суть была не в этой перестрелке. Она предназначалась для отвлечения нашего внимания и сил с двумя целями. Первая: окружение Ростова. Оно совершалось планомерно. Еще за несколько дней до занятия Ростова казачьи раз'езды показались у Армянского монастыря, что в 7 верстах от Нахичевани. Еще 27-го происходили мелкие стычки с казачьими раз'ездами у хут. Олимпиадовка. Эти раз'езды принадлежали тем частям, которые охраняли казачьи батареи, находившиеся на горе за Темерником под командой генерала Назарова. Наконец, накануне занятия города Калединым ночью были получены в Штабе Красной Гвардии сведения о том, что показались казачьи раз'езды против Нахичевани, на том берегу старого Дона, подходившие к деревянному мосту через последний. Сведения эти, полученные от нашего разведчика, вполне подтвердились.

Другая цель сводилась к необходимости втянуть в борьбу с Ростовом казачьи части, которые первое время от таковой воздерживались. Как раз через несколько дней после начала военных действий должен был открыться Войсковой казачий Круг, который и должен был подбодрить казаков и благословить на „подвиг ратный". И, действительно, как только Круг дал свое благословение, казачьи части двинулись на Ростов и утром 2-го декабря он был занят Калединым. Казаки вступили в город с двух сторон: со стороны Нахичевани и со стороны Армянского монастыря.

Сопротивление на улицах Ростова было невозможно. Ревком и Штаб Красной Гвардии вместе с отрядами красногвардейцев вынуждены были оставить город.

„Победители" тотчас приступили к разоружению пехотных частей, к обыскам и арестам.

По городу было расклеено такое воззвание Войскового Правительства:

„От Войскового Атамана.

Город занят войсками Войскового Правительства.

Жители приглашаются сохранить полное спокойствие, так как имущество и безопасность граждан будут охраняться всеми мерами.

Введенные в город войска останутся до полного разоружения Красной Гвардии и ухода моряков.

Все граждане, имеющие оружие от Военно-Революционного Комитета, приглашаются сдать оружие в 24 часовой срок в помещение градоначальства.

Не сдавшие оружие будут судимы по закону военного времени.

Войсковой атаман Каледин".

Так восторжествовал в Ростове Каледин. Так окончилась первая попытка рабочей революции в Ростове.

Виктор Филов.

Семнадцатый год.

Ротонда. *)

Мартовская революция в Ростове на Дону, как и везде почти в России, выдвинула в качестве своих именинников меньшевиков и эсэров, являвшихся в начале и середине 1917 г. хозяевами положения. Они определяли судьбу коалиционного Комитета Общественнной безопасности (в Ростове представлявшего Временное Правительство), они господствовали в двух советах (один — рабочих, другой — солдатских депутатов), они же имели большинство в профсоюзах, на фабриках и заводах. Почему то меньшевистская организация называлась об'единенной организацией Р. С. Д. Р. П.

Что касается большевиков, то последние вылупившись из подпольной организации, под именем Ростово-Нахичеванского Комитета Р. С. Д. Р. П. (большевиков) представляли собой небольшую группу товарищей, которые еле еле пытались противопоставить свое особое существование об'единенной организации.

Едва-ли не единственными руководителями этой группы были некто Мухин и Новочеркасская хуторянка, курсисточка Клавдия Дмитриевна Щелкунова.

Эту группу мы, я и приехавший со мною Михаил Петрович Жаков, нашли в помещении ротонды городского сада, занимавшей небольшую комнатку и терявшуюся среди только что организовавшихся и организующихся правлений профессиональных Союзов.

Вообще ротонда, как это было ясно из всего отношения к ней правящих партий, была чем то вроде вместилища всех организаций от которых им, правящим партиям, нужно было так или иначе избавиться.

Мы водворились здесь и почувствовали себя, право уж не так дурно, как это может быть мыслилось меньшевикам.

К Мухину и Щелкуновой тяготела по личному знакомству еще в подпольной организации большее или меньшее количество более старых членов организации в роде И. Дмитриевича Ченцова, Ботвинникова, Ив. Богданова и т. д.

Но знакомства эти переплетались и со связями с меньшевиками, и с общей неопределенностью в организационном отношении, так что самостоятельное существование организации не было вполне ясным.

Для того, чтобы определить эту самостоятельность, нами было устроено два — три узких совещания единомышленников; мы сговори-

*) Ростово-Нах. Ком. Р. С. Д. Р. П. (б). помещался в ротонде городск. сада.

лись о самостоятельных выступлениях и первым из них была выпущеная нами по каксму-то поводу листовка.

На этих узких совещаниях (узких по количеству участников, а не по способу организации, потому что мы с самого начала решили сделать заседания комитета открытыми) немедленно же определился, как явный сторонник самостоятельности и партийной последовательности, сделавшийся нашим сторонником, только что прибывший Станислав Степанович Турло, работавший в Ростове еще при царизме в 1915 г. в подпольной организации.

Лично я решил о невозможности общей работы с ростовскими меньшевиками под флагом „об'единенной" организации при первом же знакомстве с их отношением к руководству ростовскими рабочими.

Будучи введен в Совет рабочих депутатов еще до прибытия в Ростов и немедленно вступив в него по прибытии, я был избран в паритетную комиссию по выработке проекта постановления Совета о 8-ми часовом рабочем дне.

В этой паритетной комиссии, состоявшей наполовину из представителей Совета и наполовину из представителей промышленников, при общем составе комиссии человек в 10, я был единственным человеком, который считал что размах революции делает возможным осуществление хотя бы основных пунктов программы — минимум по рабочему вопросу. Меньшевики же очень быстро нашедшие общий язык с промышленниками, сговорились на таком проекте постановления, по существу которого я еще в комиссии уже основательно попробовал издеваться над ними.

Каково же было мое удивление, когда на очередном пленуме Совета Петренко (Председатель Совета) вдруг об'явил мне, что я являюсь докладчиком по поводу постановления комиссии.

Я получил слово и мог только заявить, что постановление, которое предлагается принять здесь, это постановление не о восьми часовом рабочем дне, а против 8-ми часового рабочего дня, результат соглашения с заводчиками, о котором мне то во всяком случае кроме плохого говорить нечего.

Среди полной веры в свои силы рабочего Совета, осуществлявшего 8-ми часовой день независимо от каких бы то ни было постановлений, несомневавшегося в своем праве и в своей силе, это заявление показалось весьма легкомысленным шагом. Постановление было принято для того, чтобы, действительно, никто на него не обратил внимания.

Ряд других обстоятельств, вроде игнорирования большевиков при организиции органов Совета, лживое освещение деятельности ротонды и большевиков центра, полная солидарность во взглядах у меньшевиков по этому поводу с буржуазным „Приазовским Краем" и кадетской „Донской Речью"—все это также способно было открыть мне глаза, в виду того, что я еще раньше знал всех этих Петренко, Гурвичей, Локерманов и т. д. Жаков тоже уже имел опыт совместной работы с меньшевиками, чтобы не знать их соглашательства.

Вот почему с самого же начала мы первой своей задачей поставили самоопределение организации.

Мы собирали наших единомышленников. Я разыскал своих старых знакомых по мастерским Влд. ж. д. Нашел тут Василия Терентьевича Соролова, Тыркалова, Зинченко и т. д. Ченцов повел работу в заводе Лели, где он пользовался величайшей популярностью, и на заводе Максимова, связав с таковым двух таких преданных товари-

щей, как Котенко и Кунда. Щелкунова знакомит нас с учащимися товарищами. Турло об'единил старых подпольщиков.

В апреле я отправлялся на Всероссийское совещание большевиков. Как раз в это же время меньшевики назначили общее об'единенное собрание социал-демократов города для обсуждения вопроса... об упразднении Ростово-Нахичеванского Комитета большевиков. Собрание предстояло на другой день моего от'езда.

Мы с Жаковым наметили план действия. Мы знали, что меньшевики устраивают свое собрание под фирмой общего собрания меньшевиков и большевиков. Это могло обмануть нестойкие или неопределившиеся элементы, а поэтому надо было действовать.

Мы наметили следующее: 1) потребовать от меньшевиков в наше распоряжение 50 билетов на собрание и или получить отказ и тогда разоблачить их, или получить билеты и продемонстрировать на собрании фальш об'единения. Если же билеты нам даны не будут, как организации, получить их от неопределившихся окончательно большевиков, снабдить ими дисциплинированную группу и также вскрыть картину „единства" Васильевых и Локерманов, заявив от имени большевиков, что никакого единства с меньшевиками нет и при создавшихся отношениях не может быть.

Я уехал. По приезде я узнал, что меньшевики билетов нам не дали. Жаков, проникший на собрание, при открытии собрания потребовал себе слова для заявления от имени Ростово-Нахичеванского Комитета, но ему слова не дали, и тогда группа большевиков демонстративно ушла с собрания. Попытка фальсифицировать „единую" организацию была большевиками разоблачена; неопределенным элементам стало ясно, что революционеры за Васильевым, Петренками и Гурвичами не идут.

Общероссийские события, партийное совещание, с'езд советов еще больше помогли уяснению картины, и с этой поры ротонда стала средоточием всего, что становилось революционным в городе.

Самое ее назначение, определенное властью меньшевиков, послужило к тому, что здесь образовался самый бурный котел организационной жизни. Большевики очень скоро заняли ее центр. Они овладели теми профсоюзами, которые были здесь размещены.

Раскинули закусочную, организованную приговоренным когда-то к смертной казни стариком Черепахиным, установили добровольное агитдежурство, книжно-газетную базу,—вообще сделали ее своим постоянным жильем, и к ней потянулось все, что так или иначе затронули передряги революции.

„Наше Знамя".

Определившись окончательно, как самостоятельная организация, мы, большевики, ясно видели, что аудитория наша значительно больше, чем наша группа, что она больше, чем ротонда, что она больше всяких организаций. А с этой аудиторией, пока у нас не было собственной газеты, говорили только контр-революционные буржуазные газеты и меншевистское „Рабочее Дело", которые клеветали и на большевиков, и на нас, большевиков Ростова, не давая, конечно, нам не только места для выяснения наших взглядов, а уродуя даже наши речи на заседаниях совета, так что от них в отчетах меньшевиков получалась одна несуразица. В этом отношении меньшевики не останавливались перед пошлостями, избрав предметом особой своей травли П. Жука, который в городской думе, будучи единственным

большевиком, и не совсем свободно владея русской речью, полонизировал иногда.

Как бы то ни было, газету было необходимо ставить. При отсутствии каких бы то ни было средств, об этом, казалось, нечего было и мечтать.

Но самоотверженный порыв революционных членов партии и тут обеспечил успех.

Члены организации: Гришин, Пашков и т. д. частью сложились, частью собрали необходимую сумму на покупку бумаги для первого номера; и вот вышел первый номер „Наше Знамя". Своим появлением он был обязан исключительно активности немногочисленной группы в то время членов организации. Один член организации (Ваня Кузнецов) взял на себя беганье по типографиям, дневную и ночную даровую работу по набору газеты, другая (Галя Самброс)—корректирование, третьи—корреспондирование и т. д. и т. д., а все мы вместе—распространять и продавать ее.

Демонстрацией 1-го мая мы воспользовались столько же для того, чтобы выявить идеологию и тактику партии, выступив на нескольких трибунах, сколько и для того, чтобы обеспечить организацию фондом на выпуск „Нашего Знамени".

Мы организовали продажу открыток, бантиков, своей газеты, книг; и вот к вечеру этого дня, когда наши энергичные сторонницы и сторонники стали возвращаться с празднества и высыпать выручennую мелочь, то у нас оказалось несколько сотен рублей денег, обеспечивших выпуск еще двух или трех номеров газеты.

Мы ликовали. Наши постоянно переругивавшиеся презабавными остротами Михаил Иванович Журавлев и Валентина Юльевна Черкасова праздновали общее торжество истреблением пива и колбасы возле закусочного прилавка Черепахина. Вячеслав Крылов, инвалид-солдат империалистической войны, ярко начавший как раз в это время выступать как разоблачитель меньшевиков, агитировал случайных посетителей ротонды; Жаков и Турло отдыхали, соображая со мной содержание следующего номера „Нашего Знамени". Работники профессиональных союзов сговаривались о защите пленных (австрийцев), которых мы об'единили во главе с т. Мельхером в большевистскую группу, вожака которых как раз градоначальник Зеелер решил выслать в какую-то казачью станицу. В „Нашем Знамени" предполагалось написать по этому поводу резкую статью.

С этого времени газета начала выходить регулярно от одного до двух раз в неделю первое время.

Товарищи помнят, как она систематически завоевывала себе симпатии широких масс рабочих. Что касается до меня, то я особенно помню один характерный случай того значения, которое имела газета в нашей работе. Это—вскрытие одной клеветы, пущеной в оборот в „Рабочем Деле" Локерманом.

Сей муж, больше всего, известен тем, что он хотел прославиться в писании только правды и больше всех употреблял перо как раз для того, чтобы клеветать в „Рабочем Деле". Примеры: в июне написал характерную для меньшевиков статью о том, что мол де рабочие разнуздались в пред'явлении требований заводчикам, не перестают все дальше в них итти, и в Харькове на паровозостроительном заводе дело дошло до того, что там уже заработная плата поднялась до 12 рублей в день. Это в то время казалось, действительно, высоким заработком. Но статья носила настолько грубосогла-

Помещение Ростово-Нахичеванского Комитета и Окружного Бюро Р. С. Д. Р. П. (б-ков) в 1917 г. (Ротонда городского сада).

шательский, продиктованный интересами буржуазии, характер, что мы в редакции решили разоблачить буржуазного подголоска до конца.

Я послал телеграмму в Харьковский комитет большевиков и в союз металлистов с просьбой ответить мне, верно ли сообщение Локермана. С своей стороны, не ожидая ответа, поместил статью в „Нашем Знамени", в которой предсказал, что дело идет к тому, что с развитием революции и выпуском бумажных денег скоро ничего не будет значить означение поденной заработной платы тысячами рублей. Сослался при этом на пример Французской Революции, когда извозчику за проезд по городу платили тысячами франков. Подверг я сомнению и правильность сообщения Локермана. Последний на собрании фабрично-заводских комитетов потребовал подтвердить свое сообщение. Какое же создалось о меньшевиках мнение, когда в следующем номере „Нашего Знамени" оказался напечатанным наш запрос в Харьков и 2 ответа на него от комитета большевиков и от правления союза металлистов, которые, протестуя против измышлений „Рабочего Дела", сообщили, что заработок квалифицированных рабочих паровозостроительного завода не превышает 4 — 6 рублей.

„Наше Знамя" стало приобретать популярность. Вокруг него стали группироваться уже постоянные газетные работники, как Зинаида Акимовна Фурсова (Чалая) и т. д. и т. д. Оно стало выходить ежедневно и тираж его все увеличивался и в октябре дошел до 18.000 экземпляров, какого еще не имела в Ростове до того времени ни одна буржуазная газета.

Перед Октябрем.

Разоблачавшее само себя коалиционное правительство и его агенты в Ростове — меньшевики, начали утрачивать свое влияние. С другой стороны, Ростово-Нахичеванский комитет большевиков начал постепенно служить идейным центром для возникавших там и здесь большевистских групп в Донецком бассейне. Таким образом, нам удалось достигнуть самоопределения Таганрогской организации в качестве большевистской, хотя ею также руководили меньшевики.

Туда поехал М. П. Жаков, наметивший внутри „об'единенной" организации тактику фракций. Затем, когда предварительной агитационной работой товарищей Хилкова и Шаблиевского почва была подготовлена, на общее собрание организации был вызван я для доклада. Группа большевиков провела свой порядок дня, резолюцию солидарности с Ростово-Нахичеванским комитетом, и меньшевики демонстративно покинули собрание.

Таким же образом к нам начали тяготеть сулинские рабочие и рабочие Александро-Грушевского района, руководимые товарищами Калмыковым и Андреевым. Эти товарищи выписывали от нас „Наше Знамя", присылали корреспонденции, организовывали собрания шахтеров, вызывая туда меня, Турло, Крылова и приехавшего к этому времени Сырцова.

Отношение Временного Правительства к рабочему вопросу в Донецком бассейне, назначившего особого комиссара на предмет подавления стачек, как нельзя более способствовало революционизированию настроения рабочих рудников. Я помню одну поразительную страничку приходо-расходной книжки шахтера этого времени, опубликованную в „Нашем Знамени" и воспроизведенную затем всеми нашими партийными газетами. Положение рабочих было каторжное. Однако, несмотря на это, коалиционное правительство принимало

меры не в защиту рабочих интересов , а выступило, как охранитель интересов капитала.

В общерусском же масштабе интересы этого капитала выразились в лозунге Московского заводчика Рябушинского насчет „костлявой руки голода".

Рабочие поняли значение этого лозунга и решительно качнулись в сторону тех, кто боролся с ним — в сторону большевиков.

В это время было провозглашено июньское наступление, и в Ростове устроен был день „Займа Свободы".

Лозунг наступления вызвал очень решительное возмущение среди стоявших в Ростове воинских частей, которым было об'явлено об их отправке на фронт.

К их стихийному выступлению мы не были подготовлены. Но нас вызвали. Мы придали движению (главным образом, М. П. Жаков, Вячеслав Крылов и выдвинутый солдатами Власенко) организованные формы протеста-демонстрации.

Мы стали разоблачать этот лозунг наступления.

Солдаты стали тяготеть к нам, теряя доверие к прежним своим руководителям.

Так дело шло до выборов в Городскую Думу. К этим выборам не имея еще директив от ЦК. партии, мы выработали самостоятельную платформу выборов, решив на общем собрании организации ни с кем не блокироваться в компании и не заключать никаких соглашений. Платформа весьма ярко обрисовывала наши требования и нашу оценку органов местного самоуправления, а также, чего мы от них ждем. Они были настолько жизненны, что почти без всяких изменений ее оффициально приняли также большевистские группы Царицына, Харькова, Новороссийска и Екатеринодара.

Агитация нами была развита колоссальная и—странно это, но факт исторический!—способы агитации, технику и итоги избирательной кампании и последовавшей затем кампании по выборам в учредилку заимствовали не мы, не знавшие примеров, рабочие ротонды у европейски образованных кадетов и меньшевиков, видевших технику выборов не раз за границей, а они учились у нас, копируя наши методы вплоть до формы плакатов и содержания газетных статей. Буржуазия—кадеты, меньшевики—чувствовали, что мы идем семимильными шагами к их ниспровержению. Это же чувствовалось в центре по отношению к успехам нашей партии в Петербурге и Москве. Инстинкт самосохранения заставил врагов пролетариата тогда прибегнуть к единственному еще оставшемуся в их распоряжении средству, чтобы спасти себя—к провокационной клевете самого сногшибательного характера.

Тогда то и разнеслось сообщение о запломбированных вагонах.

В атмосферу разыгравшихся страстей и полузадушенного было погромщической черносотенностью Ростова это сообщение дало необходимый повод для того, чтобы разрядиться против большевиков.

И свистопляска началась с прямого нападения на ротонду.

Толпа пьяных солдат и завсегдатаев меньшевистских митингов ворвалась в помещение комитета. Один из них дернул за знамя, оно очутилось под ногами. Наша группа сплотилась для самозащиты, и кое-как нам удалось вытеснить их за двери, где члены партии начали групповое митингование, разлагая дружным натиском черносотенное ослепление. Настроение, однако, поддерживалось меньшевиками, их газетой и их агитацией.

Наше выступление и наш явный успех, намечавшийся к выборам в думу, были сорваны.

Надолго ли?

Нет. Потому что и события на фронте, и корниловщина и голодовка солтаток, и не пустевшие, а все больше заполнявшиеся ранеными госпитали—все это кричало о том, что нужны героические социальные меры для облегчения бедноты и рабочих от нищенства—что нужен переворот.

Все к нему и стремилось.

На выборах в учредилку мы уже выступили, как готовая принять власть сила. Принятие большевистской тактики фабрично-заводскими комитетами, которыми руководили т.т. Филиппов, Кунда, Турло, Ронис, Решетков и т. д., начавшее производиться ими самовооружение, организация красногвардейства и принятие ими лозунгов контроля определили, что и об'явленные, наконец, перевыборы в советы обеспечили нам большинство.

Мы достигали перехода власти в руки совета. Но это как раз и было то, чего не могла допустить донская контр-революция, до поры до времени скрывавшаяся за соглашателями. Когда меньшевики и нераздельно поддерживавшие их эс-эры окончательно стали выходить „в тираж" и потеряли всякий кредит в глазах пролетариата, за их спиной показался Каледин и юнкера, для которых меньшевики еще ранее отвели недурные помещения вроде мореходного училища.

Начались нападения на „Наше Знамя". Они успеха не имели. Произведен был налет на Совет, после того, как из него разошлись депутаты, кончив пленум. Пали первые жертвы предательского нападения и последовавшей войны—Кунда и Казберюк.

Началась история Донской Вандеи. О ней расскажется когда-нибудь особо.

На пограничной Ростово-Нахичеванской меже возвышается могила Михаила Журавлева. Это—одухотворявший еще недавно ротонду ее революционный гений. Те, кто хоть изредка заглядывал в нее, знают, что ротонда без Михаила Ивановича была немыслима. В ней он начал свою службу Октябрьской революции в 1917 г., в ней он спаивал всех нас своим здоровым веселым юмором. Да будет о нем и о всех их, воспитавших здесь свою веру в великое будущее пролетариата и положивших во имя этой веры свою жизнь, легка память.

7/X—22 г.
Москва.

С, Васильченко.

Октябрь в Ростове *).

До октября в Ростове существовало две власти: с одной стороны, комиссар Временного Правительства, лидер кадетов Зеелер, а с другой, городское самоуправление во главе с социалистическим блоком (эсеры, меньшевики).

В Совете большевиков было несколько десятков и большинство Совета за меньшевиками было обеспечено.

При таком соотношении сил демонстрация против „займа свободы" 18-го июня 1917 года была полной неожиданностью для меньшевистско-кадетствующей братии.

*) Стенограмма речи, произнесенной на „вечере воспоминаний" в Нахичеванском партийном клубе 9 сентября 1922 г.; исправлена автором.

Вышедшие на улицу в день 18-го июня солдатские массы срывом плакатов „займа свободы“ демонстрировали свое враждебное отношение к политике Временного Правительства. Эта демонстрация показала, как ускользало влияние меньшевиков на массы.

Революционная активность масс возрастает. И в ноябре вооруженная борьба против донских вандейцев становится совершившимся фактом. Буржуазия, учитывая настроение масс, созданное демонстрацией, подняла бешеную кампанию против большевиков, обвиняя их в германском шпионаже, измене родине и отечеству и т. п. А за нею вслед, как попугаи, в бессильи с пеной у рта все это повторяли ее прихвостни меньшевики и эсеры.

Потерпев поражение в Ростовском гарнизоне, меньшевики бросились к оплоту и гордости меньшевизма—заводу „Аксай“, где они считали себя хозяевами положения. На созванном общем собрании завода „Аксай“ докладчиком о событиях 18-го июня выступал меньшевик Бибик, начавший свою речь следующими словами: „вчера на улицах Ростова была вооруженная демонстрация не то солдат, не то невежд-дикарей, ходивших и срывавших плакаты „займа свободы“. Выступление это было основательно дополнено рядом меньшевистских ораторов, которые как из помойного ушата обливали грязью демонстрантов, называя их недостойными солдатами, изменниками, предателями родины и т. д. Душеспасительные меньшевистские речи до того наэлектризовали рабочую массу, что присутствующий на собрании рабочий Бобылев назвал демонстрантов даже черносотенцами.

Представителю большевиков на этом собрании, тов. Турло, с большим трудом удалось получить слово и закончить речь.

Заключительным аккордом этого собрания была резолюция, клеймившая позором демонстрантов, принятая всеми при одном против и трех воздержавшихся.

Как-бы в отместку за 18-е июня, меньшевики развили сильную агитацию за поддержку „займа свободы“, но их агитация была поддержана небольшой частью рабочих. И впереди всех шел завод „Аксай“, где резолюция меньшевиков о поддержке „займа свободы“ была принята при 15 воздержавшихся и 13 против. За это комиссар Временного Правительства Зеелер лично благодарил аксайцев, ставя рабочих завода „Аксай“ в пример всем рабочим, как образец высокой „сознательности“ и любви к родине (буржуазии).

Если на заводе „Аксай“ меньшевики были хозяевами положения, то совершенно обратное мы наблюдали в то время в самих гущах масс. В этом отношении очень характерным может быть городской сад, представлявший из себя сплошной импровизированный митинг. На эти митинги буржуазия в поддержку меньшевиков мобилизовала все свои силы. Кого только здесь не было: присяжный поверенный Шик, Бышевский, золотая молодежь, черносотенное студенчество, меньшевиствующая курсистка, а среди них рабочие—большевики, резко выделяющиеся среди этой братии. Все кричат, волнуются, шумят, спорят о войне, мире, ленинцах и т. д.

В октябре в некоторых частях города без риску большевистских взглядов высказывать громко было нельзя.

Лично со мной, помню, был такой случай: около комитета партии „Народной Свободы“, помещавшегося по Большой Садовой ул., угол Большого проспекта, в группе студентов и гимназистов я попробовал в споре высказать большевистские взгляды, за что чуть-чуть у меня „не посчитали ребер“.

Таково было положение в Ростове после июньского выступления. Классовая борьба в октябре на улицах Ростова достигла своего наивысшего апогея. В воздухе начинало попахивать порохом; местами уже спорящие оттурнировав словами пробовали перейти к действию природным орудием.

Связь с Петроградом в октябрьские дни в Ростове отсутствовала. Петроградские газеты в течение нескольких дней не получались. Матросы стоящего судна „Колхида" предложили организовать связь через имеющиеся на судне радио.

Из Петрограда были получены первые известия по радио... Временное Правительство свергнуто... Вся власть перешла в руки Советов... Образован Совет Народных Комиссаров...

Полученные сведения тов. Сырцов оглашает на заседании Солдатского Совета. Председательствующий в это время меньшевик Мельситов пробует ослабить впечатление в солдатских массах, произведенное этими сообщениями. Но масса по мимо воли председателя принимает резолюцию о поддержке Питерского пролетариата.

В Ростов на поддержку прибывают черноморские траллера, в честь которых устраивается торжественное заседание Совета.

Член пятерки, прибывший матрос Драчук, во время выступления в Совете был встречен овациями. Меньшевики в своих выступлениях успехом тогда уже не пользовались...

Отношение меньшевиков к Октябрьской революции лучше всего было охарактеризовано выступлением председателя продовольственной управы меньшевика Гурвича С. М., заявившего на заседании Совета, „что узурпаторам хлеба нет".

Торжественное заседание Совета состоялось 25-го ноября 1917 г., закончилось ранее обыкновенного срока... Только успели члены его разойтись, как юнкера напали на здание Совета, убив при нападении члена штаба Красной Гвардии тов. Казберюка, члена Совета тов. Кунда и красногвардейца-реалиста, члена местной федерации анархистов. Этим нападением юнкеров был брошен вызов Ростовскому пролетариату, который и был принят.

На утро 26-го ноября к Совету были стянуты красногвардейские части. Подозрительные лица задерживались на улицах и препровождались в штаб Красной Гвардии—помещение „Марс" для установления личности. По улицам Ростова все время курсировал с матросами легковой автомобиль, вооруженный пулеметами.

С утра Красной Гвардией было приступлено к разоружению юнкеров, помещавшихся в Нахичевани в Екатерининской гимназии, которые после пред'явленного ультиматума, сдались.

В понедельник утром, 27-го ноября, Военно-Революционный Комитет обратился с призывом к рабочим встать на защиту революции. С завода „Аксай" группа, главным образом молодежи, направилась к штабу Красной Гвардии в количестве около 150 человек. В штабе в то время кипела работа, приходящих рабочих вооружали, снабжали патронами и сейчас же направляли к Ростовскому вокзалу, где наши части вели бой с засевшими во главе с Потоцким юнкерами, занявшими и укрепившимися ночью 26-го ноября на Ростовском вокзале.

В течение ночи, 27-го ноября, наши части три раза бросались в атаку на засевших в вокзале юнкеров, но каждый раз без всяких результатов.

На утро к вокзалу на грузовике матросами была подвезена „скорострелка", и юнкера, не выдержав натиска Красной Гвардии, сдаются.

Покончив с юнкерами на вокзале, Красная Гвардия перебрасывается в Нахичевань на завод „Аксай", так как в Кизитериновку генерал Каледин стягивал свои части для наступления на Ростов. Главные силы Каледина под Кизитериновкой состояли из отрядов юнкеров, студентов, офицеров, гимназистов и пр. сброда.

Бои у завода „Аксай" носили своеобразный характер. Утром все вооруженные рабочие выходили на позицию, где считали своим долгом выпустить несколько десятков патронов, а к ночи расходились по домам. На ночь на позициях оставалась только небольшая кучка самых сознательных рабочих. Если бы вздумали пройти и проверить секреты, то таковых бы вы не нашли, да их и не выставляли.

Отношение к борьбе рабочего класса со стороны населения было различное: одни считали борьбу необходимой, другие считали ее ненужной и стояли за гражданский мир, а третьи были простыми зрителями развертывающихся событий. Со стороны гарнизона отношение к борьбе рабочих ни чем не отличалось от населения. Помню следующий случай: на поддержку рабочих от гарнизона пришла рота солдат, попили чайку, поговорили, но на позицию не выступила, а направилась обратно в казармы, мотивируя свой уход не подходящими для боя позициями.

Меньшевики изнутри всячески разлагали рабочую массу, проповедуя „гармонию классов" и бесполезность классовой борьбы. С целью ликвидации гражданской войны к Каледину для переговоров выезжали „отцы города" из социалистического блока.

Отношение к юнкерам со стороны рабочих было очень предупредительное, рабочий класс очень много гуманничал с белогвардейскою сволочью, за что впоследствии он жестоко поплатился.

Отношение юнкеров к рабочим и красногвардейцам, наоборот, было самое зверское.

Калединские части, стянутые к Кизитеринке, все сильней и сильней наседали на Красную Гвардию. Последняя, не имея поддержки, должна была отступить, и в Ростов 2-го декабря при ликующих криках буржуазии вошел „белый генерал".

Занятие Ростова для многих из нас было полной неожиданностью. Лично я утром возвращался из штаба Красной Гвардии домой; дойдя до 20-й линии, услышал выстрелы. Чтобы быстрей дойти до дому, я свернул по 19-й линии вниз, где увидел бегущих красногвардейцев, от которых и узнал о нашем отступлении. Возвращаться в Ростов, не зная положения, с винтовкой была опасно. Тогда я решил зайти на 21-ю линию к одному из своих товарищей, чтобы оставить винтовку и направиться, пока не поздно, за отступающими нашими частями. С большими трудностями мне удалось добиться разрешения бросить винтовку в уборную. Выйдя на улицу, я увидел раз'езды, проверяющие документы у проходящих, и чтобы миновать раз'езды, решил направиться к сестре, где переждал прохода раз'ездов, после чего направился домой. На другой день отправился на станцию, где вскочил на маневровый поезд, и достиг Батайска. Там я встретил тов. Рожанского, председателя жел.-дорожного Ревкома, с которым в тот же день на тормазе проходящего эшелона Кубанских казаков добрались до Тихорецкой.

С. Зубов.

Накануне и в дни октября [1].

Корниловское выступление здорово расшевелило рабочие массы Ростова и Дона. Оно влило в их сердца тревогу за судьбы революции. Рабочие массы насторожились и зорко наблюдали за тем, что делает на Дону Каледин—союзник Корнилова.

Сентябрь и октябрь это были месяцы ожесточенной борьбы. В Ростове, как и во всей стране, шла огневая кристаллизация классовых сил. Бурную жизнь вел Ростов в это время. На улицах было весьма оживленно. На Садовой у городского сада и в саду шло беспрерывное митингование. Толпы народу днем и ночью горячо обсуждали и спорили о текущих жгучих вопросах. Громче всех ораторствовал наш брат большевик, охрипший голос которого неизменно и отчетливо слышался в митингующей толпе. Меньшевики не раз насмехались над нашим митингованием, издеваясь над нашей аудиторией, но это был смех над собственной куриной слепотой. Этим митингованием мы помогли массам правильно и ясно понять положение вещей. Этим мы организовывали рабочие силы.

Ротонда—наша партийная крепость, цитадель большевизма, гроза и страшилище буржуазии—жила в эти предоктябрьские дни особенно оживленно. Здесь клокотала большевистская мысль и пролетарская работа. Какой-то особенной интимной и в то же время боевой дружбой и непоколебимым боевым духом закалялись мы здесь. Шла горячая организация сил.

Чем ближе к октябрю, тем это оживление все ширилось и развивалось в стороны от городского сада, большевистской сердцевины Ростова. Митингование пошло вверх по Садовой. И у бывшей Городской Думы и даже у комитета кадетов был слышен шум горячо спорящих на улице классов. И у „Марса", где был Совет митингование становилось беспрерывным. Докатывалось оно и вниз по Садовой до вокзала и оттуда на Темерник.

На заводах шла та же бурная борьба. Рабочие в бурливом споре с трудом освобождались от влияния меньшевистских пут. Эс-эры к тому времени пользовались ничтожным влиянием в рабочей среде. Рабочий Ростов становился большевистским. Понятно, были и нередкие исключения. На таких заводах, как Аксай, где, в силу ряда условий, был тогда толстый слой кулаков, связанных с деревней и собственностью, мы большинство сразу получить не могли. Очень жестоко шла борьба на собраниях в столовой Владикавказских железнодорожных мастерских. Но большинство заводов при тогдашних перевыборах Совета послало депутатами большевиков.

Помню очень показательные выборы в Совет в трамвайном депо. В это время во главе тамошних рабочих органов стояли еще меньшевики. От партии большевиков на это собрание явились тов. Сырцов и я. Заводской комитет встретил нас недружелюбно и заявил, что собрание не состоится, так как нет представителей других партий. Было уже поздно и мы собрались уходить, но были задержаны беседой с нашими партийными товарищами. Вскоре появляются и представители меньшевиков и эс-эров: Васильев, Гурвич и др. Начинается собрание. При выборах председателя мы еще терпим поражение: проходит меньшевик. Но это была „лиха беда начало"; начинается жестокий бой. Говорит горячий Гурвич о продовольственных делах.

[1]) Стенограмма речи, произнесенной на „вечере воспоминаний" в Нахичеванском партийном клубе 9-го сентября 1922 г. Исправлено автором.

Винит рабочих „в'беспорядках и разрухе". Аудитория шумно возражает и не дает закончить ему речи. Выступает Сырцов, его слушают внимательно. Говорят еще меньшевики и эс-эры. Затем крокодиловы слезы начинает лить великий меньшевистский плакальщик Васильев. Он говорит о „высокой" политике. И горько винит во всем этих „извергов большевиков". Потом пришлось выступить мне. Настроение было уже накалено. И я рассказал всю большевистскую правду о войне и мире, о предательской политике Временного Правительства, и никчемности донских соглашателей. Собрание до того наэлектризовалось, что устроило шумную овацию большевистской партии. Ни Васильева, ни Гурвича к моменту выборов в Совет не стало уже на собрании. Выбрали большевиков. Такая же картина наблюдалась на многих заводах. К октябрю Совет и его Исполком стали большевистскими.

С дней Корниловщины усилилась работа по организации ячеек красной гвардии по заводам и фабрикам. В Ротонде все больше стали добывать оружие для вооружения рабочих. В ноябре штаб красной гвардии перенес свою работу из Ротонды в „Марс", ставший второй крепостью большевизма.

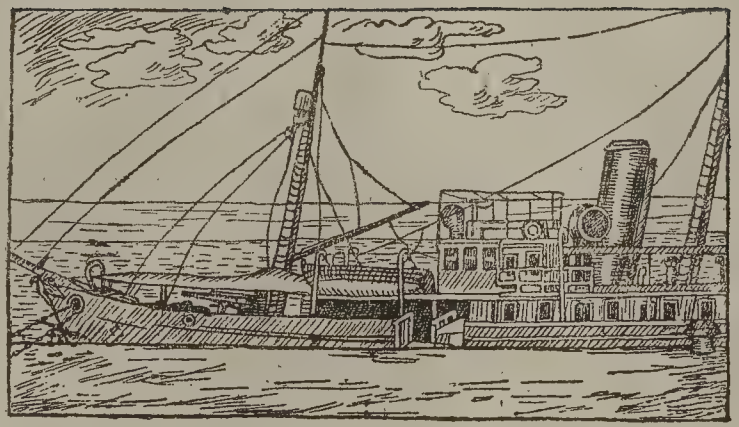
* * *

Октябрьская революция на Дону продолжалась долго, дольше чем во всей Советской России. Октябрь был только кануном октябрьской революции на Дону. К октябрьской революции рабочий Ростов был в густом черном окружении. Каледин расставил всюду в области казачьи части, ввел их даже в Ростов. Он захватил телеграф, телефон и другие средства связи в свои руки. Меньшевистско-эс-эровские радетели заливались прекраснодушным словоблудием и только бессильно кряхтели. С Калединым громко разговаривать они не смели. Только рабочих и солдат они звали не сопротивляться буржуазно-калединской контр-революции.

Связь у Совета с центром и с рудниками была плохая. Зато усилилась живая связь. И в комитет наш, и в Совет стали приезжать за литературой и за директивами рабочие, крестьяне, казаки—фронтовики из разных мест области, даже иногда и из соседней Кубани.

Когда со 2-го С'езда Советов вернулся наш делегат тов. Жаков, он застал уже организованный Советом Военно-Революционный Комитет. Последний ставил себе главной задачей: организацию и мобилизацию революционных рабочих сил и ослабление сил Каледина. Ревком был лишен возможности держать связь с советскими центрами и получать от них директивы. Из Петрограда мы получали только отрывочные сведения по радио. Телеграф и почта были заняты казачьими караулами. Отрезанность от внешнего мира и отсутствие связи было одной из главных причин, почему наш Ревком не мог должным образом мобилизовать и построить свои силы.

Каледин весьма умело вел свою предательскую работу. Он укреплял Дон казачьими частями, даже в Ростове посадил своего наместника генерала Потоцкого. С другой стороны, он старался дезорганизовать работу Ревкома. Ему деятельно помогали не за страх, а за совесть сердобольные меньшевики. Из Думы, куда они засели, изгнанные из рабочих органов, они своими овечьими голосками разносили волчий вой Каледина о ненужности гражданской войны. И они принесли очень много вреда делу революции и ростовским рабочим, путаясь меж ногами у них, как цепи. Своими нудными переговорами о „соглашении и примирении" они отняли много времени и сил у Ревкома, дезорганизовали борьбу рабочих.



Яхта „Колхида".

* * *

Особенно предательски они действовали среди солдат в гарнизоне. В Октябрьские дни гарнизон с трудом раскачивался. Он выдвинул немного революционных командиров, так же мало мог он дать революционных бойцов. Но силой вещей гарнизон, подвергшись нападению калединских бандитов, был активно вовлечен в борьбу. Тогда, как иуды, меньшевики Васильев, Гроссман и другие появились на поле борьбы и стали вести контр-революционную агитацию среди солдат, предательски уговаривая их не участвовать в борьбе. А через несколько дней представители этих же меньшевиков и эс-эров ездили на поклон к Каледину. Яснее, чем когда-либо массы тогда увидели, что „нейтралитет" меньшевиков, о котором больше всего поют эти „социалистические" соловьи в самые решительные минуты борьбы пролетариата с буржуазией, на самом деле есть явное пособничество контр-революции. В ноябрьские дни меньшевикам удалось дезорганизовать борьбу ростовских рабочих и солдат. Но эта была лебединая песнь меньшевистской партии. Опоганенная, она в глазах рабочих тогда умирала, чтобы больше не воскреснуть.

* * *

Ноябрь был месяцем кипучей работы. Наша партия и Ревком кинули по области клич к организации и к вооружению. Кого только можно было, разослали на места. Но сил было чертовски мало. Отсутствие хорошей связи еще больше ослабляло работу. В Ростове мы захватили пару больших типографий и отпечатали большое количество листовок к рабочим, крестьянам, солдатам, казакам, которые мы разослали по области. В казачьи части мы послали нескольких агитаторов. Наша агитация оказывала свое действие, ибо она соответствовала и желаниям казаков: не драться, а разойтись по домам. Много хлопот в те дни доставил нам областной военный комитет, приехавший к нам из Новочеркасска. В большинстве своем он был в то время соглашательски настроен и тянул ту же лямку „переговоров", что и меньшевистские дипломаты из Думы.

Были в Ревкоме и революционные представители от солдатских комитетов. Через них же, особенно благодаря поручику Кузьмину, Ревком получил из гарнизонного арсенала оружие.

* * *

Популярность Ревкома в рабочих массах была большая. Его осаждали целый день делегаты и посетители, приходившие за разрешением различных вопросов. – Ревком, готовясь взять всю власть в свои руки, приступил к организации экономического отдела, в котором работал председатель совета фабрично-заводских комитетов тов. Кирзнер. Ревком начал брать хозяйственные органы в свои руки, назначил комиссара продовольственного отдела, комиссара государственного банка. Градоначальник, кадет Зеелер, который был и комиссаром Временного Правительства, был смещен и арестован. На его место Ревком назначил тов. Решеткова. У Ревкома было очень мало сил и потому овладеть органами управления и хозяйственными органами он не успел. Он только делал первые попытки.

Ревкому пришлось в горячие ноябрьские дни улаживать и забастовки, где ясно сказывалось, каким влиянием он пользуется в рабочих массах. Забастовали как-то трамвайщики в знак протеста против хамского обращения ростовских буржуев, которые избивали кондукторов за то, что они не давали перегружать вагоны. Дума упрашивала

трамвайщиков стать на работу, но тщетно. Когда им приказал сделать Ревком, они немедленно двинули трамвай. Забастовали грузчики на экономической почве. Их уговаривала Дума, Продовольственная Управа, где работал меньшевик Гурвич, но тоже тщетно. Когда же к грузчикам явился представитель Ревкома т. Решетков, они стали на работу.

* * *

Прибытие Черноморской флотилии, присланной из Севастополя, куда Ревком послал за поддержкой тов. Ченцова, значительно улучшило положение Ревкома. Но это в то же время и послужило сигналом Каледину для выступления против революционного Ростова. Началась самая страдная неделя октябрьской борьбы. Лихорадочное вооружение, беспорядочная стрельба, борьба на „фронте". „Марс" и „Колхида" превратились в военные штабы. Ревком стал во главе начавшейся вооруженной борьбы. Рабочие, не только коммунисты, но и беспартийные, иногда даже и меньшевики храбро боролись против Калединского нашествия. У Ревкома было весьма мало знающих военных командиров и организаторов. Наша красногвардейская и военная организация была весьма слаба. Припоминается очень характерный случай: дня за три до нашего ухода из Ростова, на „Колхиду" явился на совещание командовавший нашими отрядами прапорщик Арнаутов. Дело было поздно ночью. На вопрос, как дела на фронте, он спокойно, только горько усмехаясь, ответил: „там совершенно спокойно. Я прошелся дважды по фронту, но не нашел там ни одного красногвардейца. Они ушли на ночь спать".

И Каледину при его хорошо налаженной организации не трудно было хорошо обученными офицерскими и казачьими силами победить Ростовских рабочих, отрезанных от всей Советской России.

Войдя в Ростов, Каледин сказал встретившей его и готовившей от радости буржуазии: „не торжествуйте; я вхожу в Ростов не как победитель". Каледин, как чуткий контр-революционер, понимал, что это было не поражение революции, а временная неудача. И первого вожака русской контр-революции не обмануло его классовое чутье.

А. Френкель.

Октябрьские воспоминания. [1])

Это было бурное время. Рабочий и весь революционный Ростов ожесточенно и пламенно обсуждал боевые вопросы дня. В пылу беспрерывного митингования, он готовился к осуществлению лозунга, который больше всего воодушевлял массы и вокруг которого ломалось столько копий: „Власть Советам". Рабочие ряды под руководством большевиков организовывались и строились, как могли, в боевые шеренги.

* * *

Как только в Ростове стало известно, что в Петрограде 25-го октября произошла рабоче-крестьянская революция и власть взяли в свои руки Советы, здесь немедленно был образован Военно-Революционный Комитет. Это было в один из последних дней октября. Весьма трудно было работать Ревкому. Очень плохая связь, отсутствие твердых директив и сведений извне, боевые приготовления кругом со

[1]) Запись речи, произнесенной на „вечере воспоминаний" 25-го октября 1921 г. в Москве, в 4-м военном госпитале.

стороны калединской контр-революции, предательские действия соглашателей—все это обостряло положение. И Ревком напрягал все свои силы, члены его и активные работники буквально горели в работе, кидались во все стороны, работали круглые сутки, организовывали, поднимали, вооружали массы, налаживали связи и учреждения.

Раз ночью я вернулся с какой-то работы на заседание Революционного Комитета. Это было в первые дни его существования. Тов. Васильченко и Сырцов, которые были тогда лидерами нашей большевистской организации в Ростове, сообщили мне, что я назначен редактором органа Совета и Ревкома. Для меня, тогда еще молодого парня, эта работа была новая и совершенно незнакомая, что меня немного смущало. Помимо того, мне очень не хотелось удаляться от боевой работы Ревкома. Но это нужно было делать, и разговоры были коротки. С места в карьер я приступил к работе. Товарищ Селиванов, наборщик из типографии „Яковлева", анархист по убеждениям и большевик тогда, по своим действиям, находился как раз в Ревкоме. Он взялся научить меня, новичка, технике редакционного дела и организовать работу в типографии. В сопровождении двух красногвардейцев, мы взяли в свои руки типографию Совета, что на Почтовой улице, которая тогда еще находилась в руках меньшевиков. Селиванов меня усадил и говорит: „пиши, что надо". Минут через двадцать—тридцать он явился с наборщиками и печатниками. Я написал воззвание от Ревкома, несколько статей, ряд приказов о всякого рода назначениях, которые мне были известны и информацию о событиях в России и Ростове. В типографии закипела работа. Селиванов набирал и помогал верстать газету. К утру первая советская большевистская газета была готова. Я получил боевое редакционное крещение. Редакторская работа, в те ноябрьские дни была весьма своеобразна. Вечером и ночью ходишь в Совет, на заседание Ревкома, на „Колхиду" (эта яхта стояла тогда в Ростове в ремонте), в Штаб Красной гвардии, исполняешь между делом всякую нужную работу и тут же видишь и слушаешь — это материал для хроники в газете. К утру ты в редакции. Ты и передовик, и хроникер, и редактор, и корректор. Туго было в первые дни с информацией из Питера. Но на „Колхиде" было радио. И мы стали тайком оттуда получать первые декреты Совнаркома, отчеты заседаний ВЦИК. Не раз по ночам ходил я в радио-телеграфную будку, что была на палубе. И под звуки сердитого гудения мачты дожидался в этой ярко освещенной и уставленной массой аппаратов и приспособлений комнате, пока матрос не составит телеграмму. Буржуазная конт-революция, захватив телеграф в свои руки, была вне себя от изумления, читая наши питерские телеграммы и раздумывая, как эти отчаянные большевики ухитряются сноситься с Питером. Надо сказать, что в глазах обывателей это делало нас чем-то в роде волшебников. Раза два мы получали также тайком телеграммы и с почты. Пытались мы прибрать почту и телеграф к свои рукам, но не смогли этого сделать.

Ревком лихорадочно работал и часто забывал давать в газету нужные сведения. Приходилось ему помогать. Хорошо зная работу Ревкома, от которого я, как член его, и находясь в типографии, не отрывался, я писал от его имени приказы, постановления, о назначениях и т. п. Теперь это кажется странным, но тогда это было в порядке вещей. Составлять газеты было трудно, ибо все приходилось делать одному. Не мало приходилось уговаривать и наборщиков. Большевиков среди них не было, руководили ими меньшевики. Без протеста они прежде работали на погромном „Листке" махрового

мракобеса реакционера Костричина, а печатание большевистской газеты встречало с их стороны всяческое сопротивление и саботаж. Раз, когда я ранее обыкновенного пошел на заседание Совета, меньшевик, некий Герзон, рассыпал набор газеты и помешал этим ее выходу. Приходилось проверять каждую строку набора, как бы нам меньшевики не напакостили. Несколько раз ко мне приходили помочь корректировать товарищи Козелева, Черкесова, Толмачев, Маркус и еще кое-кто. Но это были редкие гости. Целый день почти приходилось сидеть в типографии. Связью с внешним миром были товарищи красногвардейцы, охранявшие типографию. Их поставили сюда после того, как казачья банда произвела раз налет на частную типографию, где печатался наш партийный орган. После этого последний стал печататься в типографии Совета. После налета на Совет, нашу типографию стало охранять несколько десятков рабочих красногвардейцев. Типография превратилась в маленький боевой центр, отсюда нередко высылались патрули по городу. Когда началась перестрелка по улицам Ростова, к нам перестали являться газетчики, и тогда товарищи красногвардейцы брали на себя распределять газету по городу. Наша типография печатала и уйму листовок. Не вспомнишь, как много листовок, воззваний, декретов мы тогда писали и печатали.

* * *

В те горячие незабвенные дни приходилось нести и всякую другую работу, приходилось ухитряться находить и для этого время.

Вот выборы в Учредительное Собрание. При составлении списков, я сидел на Темернике в какой-то школе. Много приходило рабочих, работниц, ремесленников узнавать, что это за выборы и кого выбирать. В комнатке нельзя было агитировать, здесь были чужие уши (а это было запрещено законом). Выходил я с ними из комнаты и по-большевистски, что называется, накачивал. И они уходили довольные. При выборах приходилось сидеть в какой-то школе на Большом Проспекте внизу у Дона. Из редакции я бегал туда и обратно.

Раз вечером звонят в Ревком с вокзала и сообщают, что на Ростов двигаются Калединские войска. Требуют присылки члена Ревкома для указаний, как действовать с движением поездов. Посылают меня. Как раз в тот день казачьи офицеры пытались отвести в Новочеркасск поезд с автомобилями, прибывший вместе с тракторной школой из Царского Села. Съезд железнодорожников, происходивший тогда, по своей собственной инициативе, разобрал пути и не дал это сделать. Около двух суток я просидел на вокзале на аппарате, где сообщалось о передвижении поездов. На помощь мне прислали тов. Баяна Мальцева, который заменял меня, когда я уходил в редакцию. На вторую ночь моего комиссарства на вокзале сообщают, что к Нахичевани движутся направленные Калединым казачьи части, которые хотят выслать в Ростов делегатов. Предлагаю им приехать. На автомобиле мчусь в Ростов, разыскиваю где-то спящего уже тов. Сырцова, уславливаюсь, как действовать. С вокзала на паровозе двигаюсь по обводной линии в Нахичевань и доставляю оттуда в Ревком казачьих делегатов. Они сообщили, что Каледин уверял их, будто в Ростове хозяйничают бандиты и т. д. Увидев, что в Ревкоме сидят рабочие и солдаты, побеседовав с ними, делегаты казаков твердо заявили, что воевать с нами не будут и что это же скажут в своей части.

Раз прихожу как-то днем в Ревком. В нашем санитарном отряде, что был при красной гвардии жалуются, что нет нужных медикаментов, и что не могут сами раздобыть. Беру красногвардейца и напра-

вляюсь в аптечный склад „Лемме“, кажется, что на Среднем проспекте. И моментально после двух слов открывается железная дверь склада и выдают все, что надо. Тут же пишу росписку от Ревкома в получении.

Пришел раз поздно вечером в Ревком. В Штабе Красной гвардии большая суета. Нужны снаряды и патроны. На грузовике отправляюсь с товарищами на „Колхиду“ и траллеры, стоявшие здесь. Матросы немного „волынили“. Пришлось их упросить дать патроны и снаряды. Оставляем последнее в Ревкоме, а патроны и пулеметы везем в Нахичевань на „фронт“.

Всего, понятно, не вспомнишь. Но и сказанного достаточно, чтобы понять, как работали в октябрьские дни ростовские большевики и как они в тяжелой борьбе метались во все стороны. Но контр-революция была тогда сильнее нас.

Вспоминаю день вступления в Ростов Каледина. Мы с товарищем Георгием Тащиевым работаем в редакционной комнате. Это было часов около двух дня. Красногвардейцев в типографии не стало. Нам передают, что на „фронте“ мы потерпели поражение. Звоним в „Марс“, но безрезультатно. Звоню на завод „Максимова“. Тов. Векин сообщает, что казачьи раз'езды находятся у их завода. Дело было дрянь. У нас было очень много воззваний к казакам и мы решили их свести на „Колхиду“. Под'езжаем, а ее и след простыл. Не мало озадаченные, мы вернулись в типографию. Распустили рабочих, взяли патроны и гранаты, находившиеся здесь, и двинулись, сами не зная куда. Сзади базара проезжал уже казачий раз'езд. У комитета меньшевиков мы встретили тогдашнего председателя союза металлистов Емелина, Он был бледен и зол. Он рассказал, что город занял Каледин, что он, Емелин, ходит и предупреждает красногвардейцев, которых белые расстреливают. Прощаясь и крепко пожимая нам руки, он говорил, что у него в кармане револьвер, который он ни за что не отдаст белым. На углу Малого проспекта встречаем нашего „дедушку“ Орлова. Старик шел в свое статистическое бюро, готовый там встретить неизвестное грядущее. Плохо было нам в те минуты. Оружие пришлось спустить в уборную. До ночи мы скрывались по товарищам. Они помогли нам перерядиться. Ночью мы отправились на вокзал. Пустынно было в городе. Только гарцовали веселые казаки. У вокзала казаки везли какой-то трактор. Боязно было на вокзале, много здесь было офицерья, гимназистов с винтовками и другой белой погани. Мы стояли на пероне и читали развернутую буржуазную газету, чтобы не навлечь на себя подозрений. На первый поданный поезд мы сели и поехали, не зная куда.

Мы уходили из Ростова с горьким сердцем, но с твердой решимостью продолжать борьбу и победить или умереть.

А. Френкель.

На заводе Пастухова.*)

Я хочу остановиться на участии рабочих завода Пастухова в Октябрьской революции в течение периода со дня нападения на С. Р. Д. и до отступления из Ростова. По моему, период этот определяется 7 днями: с 26-го октября по 2-е ноября 1917 года. Нужно прежде всего отметить, что завком завода Пастухова, несмотря на то, что в партий-

*) Стенограмма речи, произнесенной на „вечере воспоминаний“ в Нахичеванском Партийном Клубе 9 сентября 1922 г., исправлена автором.

ном отношении не был большевистским, все же принимал активное участие в Октябрьской, или вернее, Ноябрьской Революции в 1917 г. в Ростове. Завком завода Пастухова в то время был в составе: председателя т. Фурмана, я был секретарем, члены Мейлун, Пенчайкин и т. Заржевский (ныне председатель Азовского Исполкома). По инициативе этого завкома завязывалась связь с организовавшейся в то время красной гвардией. Завкомом был выделен представитель для этой цели, который и являлся связывающим звеном между заводом и штабом красной гвардии. Налаживание связи относится к средине октября 1917 года.

По инициативе завкома была произведена запись рабочих в боевую дружину приблизительно в средине ноября, в результате чего оказалось 35 человек записавшихся дружинников; на заводе в то время работало около 250 человек и из них было процентов 20 женщин. Произведя запись в гвардию, завком был поставлен перед необходимостью произвести обучение записавшихся рабочих военному искусству, так как из записавшихся абсолютное большинство не имело понятия об обращении с оружием. Члену завкома, т. Пенчайкину, токарю по профессии, прибывшему в завод по демобилизации, предложено было взяться за эту работу. Выполнена она была, правда, не полностью, но все таки 35 человек могли ходить по команде и кое-как обращаться с винтовкой. Все это обучение было проделано в течение полуторы недель.

Само обучение происходило во дворе завода. Изумленный Пастухов, хозяин завода, смотрел, как окончивши работу, рабочие для чего-то маршируют по двору и упражняются с винтовками. Таким образом, на глазах крупного эксплоататора ростовских рабочих, г. Пастухова, нарастала маленькая боевая единица, которая должна была помочь Российскому рабочему классу свергнуть иго капиталистов.

После подготовки необходимо было, согласно указаний Штаба, принять боевой вид дружине. Из штаба от т. Бабкина были получены 30 штук винтовок и 2 ящика патронов. Были немедленно установлены дежурства у телефона завода и в заводском комитете, где хранилось оружие.

Заводской комитет, зная, что на складе у Пастухова хранятся около 1000 штук гранат, изготовляемых заводом для европейской войны, предложил штабу таковые использовать, и, по его поручению, они были нами доставлены в штаб.

В день нападения на Совдеп дело было таким образом. Я, являясь членом Сов. Р. Д., избранным от завода, пошел на торжественное заседание Совета. После заседания разошлись все честь честью. Ничем как-будто в воздухе не пахло. А на другой день утром я узнал, что ночью совершено нападение на С. Р. Д. Потоцким. Спешу на завод, где дежурный у телефона товарищ передает в заводской комитет требование выслать охрану в Совет. Мы немедленно выставили около 20 человек для охраны разгромленного Совета. На второй день после нападения открылась перестрелка. Мы собрались и порешили, что воевать надо и поставили перед собою задачу нести охрану железнодорожного пути по берегу Дона, от Пастуховского завода и до железнодорожной будки около завода „Аксай". Изо дня в день мы расставляли патрули, обыскивали всех, которые приглядывались с биноклями на траллера, обстреливавшие в то время Александровку, и несли караул. Затем мы отрядили часть товарищей для того, чтобы в конце сделать баррикады, так как мы рисковали тем, что может появиться броневик и подойти ближе к

траллерам. Мы наворочали шпал и проч. около будки возле завода „Аксай". Так продолжалось все 6 дней. Другая часть боевиков была отправлена в распоряжение штаба в „Марс" и участвовала 28 ноября, когда разоружали генерала Потоцкого на вокзале и препровождали арестованных в „Марс" и здесь дежурили у них. Кроме того, эта часть, в которой и я был, посылалась с вагонами трамвая на Нахичеванский полустанок. Это было уже на 4-й день перестрелки. Проехав туда, мы увидели 4-х расстрелянных кадетами товарищей, приставленных к стене. Мы охраняли там полотно. С т. Фурманом, председателем заводского комитета, мы возвращались домой с винтовками. Из любопытства к тому, что делается в Городской Думе, мы заходили туда. Как раз было заседание Городской Думы. Мы встретили там бывшего в то время председателем Думы Петренко и заявили ему: „Вы обсуждаете здесь, а надо воевать".—„Ну, говорит, воюйте, если это вам так понравилось". Это произвело на нас плохое впечатление и лишний раз показало, что с этой интеллигенцией дальше ехать, действительно, некуда.

Тов. Пенчайкин, начальник нашей боевой дружины, числа, кажется, 30-го был убит при перестрелке на заводе „Аксай".

И. Красненко.

На заводе „Аксай".*)

В то время рабочие не могли спокойно и без волнения относиться к событиям. Я в то время был меньшевиком. Естественно, что когда события развертывались сначала, то мы не чувствовали их; но когда события развернулись, то каждый рабочий, будет ли он меньшевик или кто другой, он прежде всего рабочий. Первый случай, который сдвинул рабочих — это разгром Советов. Я прибежал тогда в Совет и увидел т. Красненко,[1] который тогда также был меньшевик и охранял погреб, где лежали убитые т.т. Кунда и Казберюк.

Я тогда работал на заводе „Аксай". Мы сошлись там и решили, что много здесь думать не приходится, что спорить о том, кто меньшевик, кто большевик, не стоит, а дело такое, что разгромили наш Совет и надо организовываться. В этот момент мы стали слышать, что юнкера заняли женскую гимназию в Нахичевани, где теперь наши командные курсы, и ведут агитацию, держа себя слишком вызывающе. Нам пришлось нарядить часть товарищей из милиции, часть из рабочих и часть от большевиков. Под их руководством мы решили разоружить этих юнкеров. Надо было быть все-таки осторожными, так как они были обучены, имели учебный пулемет и пр. Подкравшись к ним на двух грузовиках, некоторые т.т. вылезли, а остальные окружили это здание и стали входить и требовать выдачи оружия. Правда, там произошли некоторые недоразумения, публика любопытствующая разбежалась, и в конечном счете этих юнкеров разоружили. На следующий день рабочие завода „Аксай" испытывали боевое настроение. Полтораста человек взялись за оружие и решили, что придется может быть и умереть. К нам в это время пришли из 6 милиционного участка т.т. милиционеры, которые принесли еще часть оружия, и

---

[1]) Тов. Красненко, сейчас член РКП (б-ков), в то время был членом РСДРП (меньшевиков).

*) Стенограмма речи, произнесенной на „вечере воспоминаний" в Нахичеванском Партийном Клубе 9 сентября 1922 года.

мы постепенно решили сами оборонять завод, принимая во внимание, что в заводе мы все-таки работаем, и что налеты юнкеров могут попортить завод и не дать возможности работать. Эта была первая предпосылка к тому, чтобы вооружиться. После этого пришли вести, что надо отправить часть рабочих на вокзал, где засел генер. Потоцкий с казаками. Мы решили отправить половину. После отправки их стали слышны выстрелы из станицы Александровской. Человек 70 рабочих, оставшихся на заводе, решили выступить за балку за кирпичный завод и кладбище, чтобы посмотреть в чем дело. Я помню, как сейчас, многие товарищи, жившие в Александровке, придя сюда, уже не пошли домой, а вооружившись, сели под кладбищем и были наготове. Оттуда стреляли и мы туда тоже стреляли, но эта стрельба была бесцельная и бессистемная. В это время завод „Аксай" еще только достраивался и там был первый штаб Александровского фронта. Привезли пулеметы, собрались более или менее активные товарищи, побеседовали, как надо обороняться. Устроили наблюдательный пункт на башне водонапорной и уже утром на следующий день (на третий) началась более или менее планомерная стрельба. С „Колхиды" приезжал Сырцов на завод „Аксай" и привозил сведения, как себя держать и говорил, что нам будет подкрепление из Ростова и других фабрик, и таким образом Александровский фронт вошел в настоящую колею. По балкам рассыпались товарищи, на трамваях подвозили рабочие отряды, которые шли в бой.

В первый же день у нас на заводе „Аксай" был устроен перевязочный пункт, так как мы знали, что раз идет драка, то естественно будет нужда в этом. Приехали сестры милосердные, фельдшер и доктор; и уже с утра пришлось тащить одного товарища с простреленной ногой. Ему сделали перевязку и он остался жив. Был у нас один эсер Иванников, который только что женился. Я ему говорю: „Смотри, убьют, жена останется молодая". Но он не выдержал, пошел на фронт, и в первый же день его убили. Был т. Горшевский в заводском Комитете, он был настолько отчаянный, что в самую опасную минуту подносил патроны в середину балки. Его также подстрелили наповал пулеметным огнем. Мы стреляли часов с 8 и кончали к 4—5 часам. Это, действительно, был восьмичасовой рабочий день, а потом мы расходились по домам. В самый разгар боев мне приходилось наблюдать, как пролетали пули по Нахичевани. Нахичевань-имеет уклон к берегу, и вот в верхних улицах, начиная с Соборной, пули попадали большею частью по ногам прохожих, которые проходили и часто попадались. Но чем ниже были улицы, то пули проходили выше, а в нижних улицах пули летали над головой—и там было безопасно. Я помню, что мы делали так: там, где улицы были повыше, мы старались подпрыгивать, а где улицы были пониже—старались нагибаться, чтобы пули проходили сверху. Мы так привыкли к перестрелке, что последние дни женщины стали ходить на базар.

Зеелер похвалил „Аксай" за то, что хорошо выполнил „заем свободы", но надо сказать, что когда началась Октябрьская революция, то Зеелер уже не похвалил бы. Там работало 800 человек. и полтораста из них воевали. Впоследствии Егорушкин, который был от'явленным меньшевиком (я с ним 15 лет знаком и вместе бродяжничал и был два года под надзором); он тоже с винтовкой болтался. Он ругался с большевиками, но без винтовки тогда не ходил. В 18 году он, вопреки всем нашим уговорам, ушел, как тогда говорили—к большевикам. После он был где-то комиссаром и погиб. Я хочу еще напом-

нить, товарищи, тот момент, когда мы собрались в конторе: сидит, как помню сейчас, т. Сырцов и говорит: „сейчас все тихо, а завтра „Колхида" начнет греметь и, может быть, мы прорвем в Александровке и прогоним их, иначе они довольно хорошо укрепились на мельнице и в хатах на самой опушке". Наши рабочие часто доходили до этих хат, но оттуда приходилось уходить, так как был сильный огонь. У нас был парнишка лет 18, который все время чистил пулемет, и как начиналось утро выносил его в балку, чтобы окопаться и наладить „Максим", который так страшил, что от него многие разбегались. По вечерам, когда все улегалось, мы собирались и обсуждали дальнейшую нашу работу. Но вот настал момент в нашей бессистемной, отчаянной, но с большим под'емом начатой войне, когда мы не выдержали. Мы узнали, что нас начинают уже с левого бока строчить. Затем стали приходить вести из Ростова, что рабочие трамвая больше не подают, и что фронт пустеет, и, наконец, мы стали замечать, что по Нахичевани (29—35 линии) стали ходить белые. Тогда многим, особенно аксайцам пришлось прятать оружие. Попрятав оружие, кто как умел, мы стали расходиться по более или менее укромным уголкам. Я, как сейчас помню, вышел без винтовки. Дохожу до завода Гудермана, вижу стоят несколько рабочих с винтовками. Не успел я сказать им: „бросайте винтовки и прячьтесь", как налетело 5—6 казаков и пристрелили их на месте. Я оттуда выскочил и стал смотреть, нет ли других наших товарищей, которые могут подвергнуться такой же участи. Когда мы убедились, что все разбежались, мы через некоторое время спокойно пришли на завод „Аксай" В это время туда вошло много казаков, которые стали обыскивать завод, нет ли оружия. Обойдя завод, казаки ничего не нашли и удалились. Я чувствовал себя тогда скверно.

Когда мне приходилось приходить к нашим меньшевистским лидерам в эти дни боя по вечерам и спрашивать: „а как нам, рабочим, держаться?", то они говорили: „это, собственно, ваше дело, как знаете, так и делайте". Они говорили, что если чувство подсказывает рабочим, то пусть дерутся, но что из этого все-таки ничего не выйдет. Но никто из рабочих не послушал тогда своего комитета, хотя дисциплина и была хорошая. Я старый работник с 900 года, но все-таки удивляюсь той расхлябанности, которая была в меньшевистском Комитете. И после, когда был Каледин и здесь закрывали клубы и не давали возможности собираться, и нам приходилось чуть-ли не зайцами выскакивать из клуба, я спрашивал: „Когда же мы начнем выступать более активно и раскажем, что к нам несправедливо относятся?" Но они и в то время боялись открыть рот. Между тем рабочий класс совершенно отворачивался от меньшевиков.

М. Матвеев.

Как дело было в октябре и ноябре 1917 г.[1])

Мало помню кое-чего. Припоминается вот какой случай: когда в Петрограде взята была власть, то мы здесь обсуждали, а как же нам действовать. Нас было немного в партии большевиков. И вот в ноябре было закрыто собрание партии, на котором решался этот вопрос и ломали копья. Было два мнения. За одно были т.т. Васильченко, Жаков и др., а за другое т.т. Сырцов, Равикович и др. Я пом-

[1]) Стенограмма речи, произнесенной на „вечере воспоминаний" в Нахичеванском партийном клубе, 9 сентября 1922 года.

ню тоже пару слов сказал, чтобы моя копейка не была щербатой и очутился на стороне Васильченко. Этот вопрос прошел маленьким большинством (3—5 неболее голосов) за Васильченко. Тут скоренько мы закончили и пошли на торжественное заседание Совета, 26-го в субботу мы встречали флотских товарищей—представителей с „Колхиды“ и траллеров и т. д. Заседание Совета закончилось в 11 часов. Никогда Совет в это время не кончал, а всегда в 1 или половина второго. Теперь же просто были приветствия и разошлись. Утром мне говорят, что Совет растрелян. Выхожу на Садовую; встречаю по Малому проспекту тов. Крылова. У него перевязан палец один и винтовка через плечо. Крылова я до этого не видал с винтовкой. Подхожу к нему. Не успел подойти, как он остановил двоих и заявляет, что они арестованы. Проверяя документы оказалось, что это оказались офицеры кубанцы какие-то. Пред'являют документы и доказывают, что они свободно могут шествовать. А он им: „Пожалуйте бриться в Ревком, пожалуйте за мной“. Те подчинились Я, конечно, ему помог, с голыми руками пошел—как ни как, думаю, своей фигурой подсоблять буду. Когда я пришел туда, то тогда убедился, что это факт: само здание было разгромлено, разбиты стекла, прострелены стены и т. д. Входим мы туда. Прострелены и внутри стены и портреты. Дальше иду вглубь. Мне говорят, что здесь убили дежурного члена Исполкома Кунда. Фу ты, батенька мой, недавно приехал он из Москвы (был на каком то с'езде). Когда мне сказали это, то я пошел их искать (на заднем дворе, в погребе). Верно, лежат рядом Кунда и Казберюк. На второй или на третий день после этого я стал требовать от т. Решеткова в „Марсе“ работы. Он сказал, что буду здесь мешать и послал пока в экспедицию газеты. И я засел в нашей ротонде, распространяя „Наше Знамя“. Накануне дня за два приходит один гражданин, теперь активный товарищ в нашей организации (Лукашин) и предлагает свои услуги работать. Я спрашиваю: „Вы откуда?“—„Из Петрограда“.—„Где работали“? Там то и там то.

Я повел его к более зубастым чем я, так как я прибыл только 28 мая сюда в Ростов из ссылки из Енисейской губ. Канского уезда, села Тасива. Привожу его в редакцию по Старо-Почтовой. Представил Лукашина т. т. Тащиеву, Френкелю сдал монету и пошел. На другой день меня с утра начинает беспокоить молодежь тем, что начинает говорить, что Каледин вот уже в Ростове. „Да идите вы, чертенята, что вы морочите голову“ . . Тут некогда, приехали из Тихорецкой за газетами. Через полчаса прибегают опять с заявлением: Каледин в Ростове. „Да идите вы к чертям“. Наконец приходит т. Богуслав. На Сенной он держал слесарную мастерскую и авторитетно заявляет, что заберет мои пожитки и говорит: „я тебе помогу“. У меня тогда денег скопилось около 300 р. мелкими (15 и 20 копейками). И верно, я слышу, что пушки стреляют. Он забрал некоторую литературу ценную. Я пошел только с деньгами, с тем, что пройду в редакцию и сдам, как это делал всегда. На Садовой мне представилась такая картина, но я все-таки не верил этому. Настолько я в этом отношении бываю (черт его знает) как деревянный: быть не может, чтобы сдавались . . . На Садовой я вижу, что публика уже какая-то не наша. Прихожу в редакцию. Только до дверей. Меня не пускают и кто же? Сами рабочие. Я спрашиваю у них Френкеля. — „Да его уже нету здесь“. Опять странно. Пушечная перестрелка идет, а по городу никакой суеты. Ну раз так, то я больше убеждаюсь, что и в самом деле где-нибудь Каледин близко. Направляюсь по Казанской ул. к „Марсу“. Только вышел на Большой

проспект, встречается Жаков, у которого физиономия немножко переменилась. Усы у него были порядочные, а у Васильченко еще больше — теперь же были подстрижены. Я здороваюсь с ним, козыряю. Он подзывает.

Я спросил его про свои документы. Он сказал что сжег. Он идет впереди, а потом я. Сзади перебрасываемся словами:— „ну желаю благ". Я о том, что Каледин здесь ни слова. Мы понимаем инстинктивно. Я поворачиваюсь уходить и желаю всех благ, но вот идет Васильченко. Я только хотел уходить, а Васильченко говорит: „шествуй, шествуй обратно". Идя до Казанского, я их провел, пожелал благ и ушел. Слышу „ура": на Садовой уже войска. Я тогда имел котелок, пальто и пр. роскошь; наскоро все это надел и пошел наблюдать эту картину: подношение цветов дамами и солидными мужами Ростова, как это происходило; но меня интересовало не это, а как же рабочие? Верно, и рабочие здесь, но рабочие, действительно, злобствуя на это смотрят. Так было до вечера. Потом на другой день начинается другая работа. Когда товарищи ушли, то меня не касаются бои, так как я на фронтах не был в Нахичевани и Ростове, а все время был в экспедиции. Через два дня опять собираемся в этом же самом Марсе, только в саду. Там было помещение в роде жилого. Там были т.т. Беспалов, Васильев-Фадеев, Коваленко и другие. И вот тут начинается опять вторичная партийная работа: организуем, мобилизуем. связываем, сковываем Комитет и начинаем работать. Здесь были некоторые из Центра присланные товарищи, делали информационные доклады. Мы потихоньку, не спеша нагрузили публику работой. Я тогда был членом Комитета и Совета. Нас осталось немного большевиков в Совете. Дальше много можно вспомнить, но разве все передашь. Так потихоньку можно будет, а пока—довольно.

В. Ботвинов.

Ростовские металлисты в Октябре. *)

В период сентября—декабря 1917 года в завкомах преобладали большевики. Если возьмем в отдельности заводы, то крупный завод Аксай был меньшевистский. А в мелких фабриках, преимущественно, было течение большевистское или, если там были беспартийные, то настолько революционными, что можно было в дальнейшем расчитывать на их защиту. Завод „Нитнера", например, по его предыдущим настроениям, можно было считать прямо монархическим. Но в тот серьезный момент он проявил героизм: всем коллективом завода, по зову члена профсоюза, повел активную работу в пользу большевиков. При начинавшейся борьбе при нашествии юнкеров большая часть рабочих „Нитнера" и завода „Жесть" взяла винтовки и пошла, чтобы отбить зарвавшихся белых. Правда, они недолго устояли, ибо сильная агитация меньшевиков, которая здесь преобладала, частично сумела их снять.

Численностью союз металлистов безусловно преобладал над всеми. У нас насчитывалось 12.000 членов. Когда вступил Каледин, союз начал распадаться; работники тогдашние в лице Евлина—казначея, Копылова—секретаря и других струсили и не могли вести деятельно профессиональную работу. Правда, против них Каледин принял репрессии. Когда я выбыл из состава правления, я оставался на

*) Стенограмма речи, произнесенной на „вечере воспоминаний" в Ростовском Партийном клубе 29 сентября 1922 г.

заводе „Жесть". За весь этот период у нас литейный цех, в котором работал я, был зачислен в социал-демократическую партию большевиков. Хозяин вздумал нас уволить, союз по отношению к нам никакой поддержки не проявил. Он сказал, что вы своей левизной этого заслужили и вас уволили. Я в то время уже не появлялся, меня преследовали; я случайно отстал, не выехавши во время наступления Каледина. С членами Правления союза встречался и доказывал, что они должны защитить тех, которые состоят членами партии большевиков.

П. Егоров.

Ростовские трамвайщики в октябре.

С 28 сентября 1917 г. организовывалась группа трамвайных рабочих в отряд красной гвардии под руководством заводского комитета. Началась успешная работа по добыче оружия. С большим трудом добыли часть в госпиталях, часть от войсковых частей. Собрали всего около 30 винтовок разного калибра и привели их в полный порядок. В это же время по вечерам секретным порядком производили занятия по военному обучению, готовясь к назревавшей борьбе с контр-революцией.

Так продолжалось до 25 ноября, когда мы получили от Военревкома секретное предписание в срочном порядке явиться в Ревком для охраны в полной боевой готовности. Эта работа была возложена на меня. Не медля, я сорганизовал вокруг себе 30 сознательных рабочих, выдал им оружие и патроны и не сообщая даже своему семейству, стройными рядами повел свой отряд в „Марс". В этот же день там происходило торжественное заседание Совета—встреча Ростовскими рабочими матросов Черноморского флата. Началось заседание; я со своим отрядом охранял Ревком. Начальник штаба Красной гвардии т. Тулак велел мне собрать самых лучшмх и сознательных рабочих, которые могли бы безоговорочно выполнять все приказы Ревкома. Я собрал всю свою команду и об'яснил им, в чем дело. Товарищи как один дали клятву не на жизнь, а на смерть бороться с Калединым и выполнять все распоряжения Ревкома. Получив соответствующий мандат, мы отправились к берегу, где получили 2 пулемета, патроны, 4-х пулеметчиков и стали искать пароход, могущий отвести нас в гирлы Дона, занять и охранять каковые нам и было дано задание Ревкомом.

Нас, между прочим, предупредили, что там находится казачий отряд в 50 человек. Мы стали искать пароход, на котором можно было бы отправиться. Все почти пароходы, по заявлению машинистов оказывались „поломанными". Пригрозив расстрелом мы получили пароход „Казбек" и в 11½ ч. вечера мы выехали по назначению. Приехав в г. Азов мы узнали, что казаки оставили гирлы. Жители встретили нас хорошо, гостеприимно. Дня 2 было спокойно. Сношения с Ростовским Ревкомом не прерывались до занятия Ростова Калединым.

Узнав о занятии Ростова, не имея абсолютно никакой связи, мы все же не теряли присутствия духа.

В первых числах декабря в нескольких верстах от гирлов мы заметили какое-то судно. Оказалось происходит обмен пленными. мы получили двенадцать матросов взамен генерала Потоцкого и Ростовского бывш. градоначальника Зеелера.

На утро в полной боевой готовности мы отправились в Мариуполь. По дороге, захватив Таганрогских красногвардейцев, поехали в

Севастополь, где были влиты в ряды матроских отрядов. Было сорганизовано два эшелона и мы были направлены в Белгород на помощь морякам Балтийского флота, сражавшимся с Корниловым. По направлению к Александровску, где была власть гайдамаков, по их распоряжению был разобран путь. Мы были направлены в Синельниково; там, оказалось, тоже гайдамаки, о чем нас не предупредили. Через полчаса с Лозовой пришло два эшелона наших красных бойцов из-под Белгорода, каковые разбили там Корнилова. Собран был митинг, на котором участвовали и гайдамаки. После митинга все эшелоны были направлены в Севастополь, но, не доезжая последняго раз'езда перед Александровском, мы простояли там около двух суток, в виду разбора пути. Собрали митинг и решили двигаться в боевом порядке. Была выдвинута разведка. Она выяснила, что идет поезд с делегатами от гайдамаков по направлению к нам. Переговорили с ними, сейчас же направили два эшелона с артиллерией. По прибытии в Александровск нам дали путь и пропустили на следующую станцию. На два дня сделали остановку, устроили митинг, была установлена Советская Власть. Получаем сообщение, что гайдамаками занят Александровск. Мы двинулись по направлению к нему. Не доходя пять-шесть верст до станции, вступили в бой, который продолжался более двух часов; в результате город был занят, была установлена Советская Власть, много гайдамаков было взято в плен. С нашей стороны насчитывали двенадцать человек убитыми. Они были перевезены в Севастополь, где торжественно и были похоронены.

Н. Матюта.

Ростовские трамвайщики в октябрьские дни.

(Из воспоминаний на открытом собрании рабочих и служащих в трамвайном депо 1 октября 1922 года).

I.

Когда 26-го ноября 1917 года белогвардейщина стала угрожать нам—ростовским рабочим, рабочие трамвая горячо откликнулись на зов Совета. Когда привезли нам сюда винтовки, рабочие шли и без призыва брали винтовки, чтобы итти на позиции, не ожидая никакого приказа, на беспощадную борьбу с этими белогвардейцами, ибо рабочие знали, что эта белогвардейщина никакой пощады для рабочих не может дать. Но вследствие малой силы, мы не победим. Когда мы взяли в руки винтовки, не все товарищи были военно-подготовленные. Среди нас мало солдат старой армии, а остальные совершенно не имели понятия о винтовке. И горе было с такими товарищами: им говорят „ложись", а они поднимаются и идут. Когда им говоришь: „тебя убьют", а они говорят: „пускай убивают, я за этим сюда и пришел". Рабочие шли без всякой остановки, дружными и организованными рядами, несмотря на то, что рабочие не проходили военной науки; но сил было мало, вся эта сгруппированная белая сволочь наступала умело на нас, и нам пришлось отступить. И, конечно, мы скорбели. Многие товарищи наши пали, отражая этого врага народа. Нам пришлось отступить до Ростова, а потом дальше. Часть нас отступила на Кавказ, а часть осталась здесь. Тогда же был убит тов. Сурженко, который погиб в сражении у Нахичеванского полустанка, где его забрали в плен и расстреляли. В то время мы были неорганизованы и поэтому разбиты. Часть рабочих, как я указывал, шла охотно; а другие, не зная и не понимая, что несет рабочим револю-

ция, отнекивались. Я тогда был связан с заводом „Аксай“ и Владикавказскими мастерскими. Рабочие трамвая и Владикавказских мастерских одни из первых взяли винтовки и пошли отражать ненавистную контр-революцию Каледина. И если бы нам была поддержка, то мы не допустили бы его в Ростов. Белых была только кучка, но у нас было мало умеющих держать винтовку. И если бы мы проходили обучение винтовкою с 12 лет, как и они, то никогда не допустили бы их в Ростов. И вот, когда мы организованным путем стали наступать сюда через Нахичеванский полустанок, дойдя до бульвара, где болото наполнено водой, мы видим, что на нас наступает со всех сторон казачья кавалерия и пехота. Мы видим, что наши силы слабы, и было отдано приказание: „отступить“. Мы отступили до самой Нахичевани и Ростова. Часть рабочих отступила дальше на Батайск, другая часть в гирлы, а остальные рассыпались по Ростову. Банды вошли в Ростов и взяли его.

Ф. Запорожцев.

II.

Я в то время был в заводском комитете. Когда мы пришли утром на наряд, то услышали, что на „Марс“ напали и убили наших товарищей (в ночь с 25 по 26 ноября). Я тогда пошел на конюшню и сказал, чтобы запрягли лошадей, взял Барышникова и поехал в „Марс“, чтобы узнать, можно ли нам выпускать вагоны в движение? Когда приехали туда, мы увидели убитых и изуродованных товарищей и узнали, что пока вагонов нельзя пускать. Вся наша масса ожидала, пока я вернусь. Здесь об'явили, что вагоны сегодня не пойдут, так как неизвестно, что будет, и может быть откроется огонь. Заводской комитет собрался и пошел на заседание. Открыли заседание и вынесли постановление, во что бы то ни стало вооружить всех своих товарищей рабочих, чтобы быть наготове к борьбе. Все наши товарищи ожидали нашего постановления. Мы вышли и об'явили, чтобы кто может носить оружие вооружались. Масса безусловно была на это согласна и осталась, часть только разошлась. Надо было добывать оружие. Я поехал в Революционный Комитет, стал распрашивать т. Жука и просить оружия. Он сказал, что может дать только 20 винтовок. Я пошел посмотреть, где оружие. Оружие лежит без затворов и пр. Отобрал я 30 винтовок и привез сюда. Я выпустил из виду, что т. Жук сказал мне, что оружия пока нет, а если вы узнаете, где есть оружие, то можете забирать. Потом я поехал в 3-й участок и взял там 17 винтовок. Потом я послал Целковского на средний проспект в госпиталь, где мы взяли 90 винтовок и три ящика патронов. Мы привезли это сюда. Кроме того, товарищи приносили оружие, и у нас собралось большое количество. Когда собралось оружие, то начали вооружать тех, кто способен носить оружие, и записывать их. А кто не мог носить оружие, тех назначали на вагоны возить патроны и красногвардейцев на фронт, а с фронта раненых. И вот моя работа была, чтобы разослать повсюду эту вооруженную армию, где потребуется по телефону; затем часть ходила у меня на позиции, а остальные работали на вагонах. Вот это была моя работа до самого последнего дня, пока пришел Каледин. Тут пришлось нам с т. Донским, который был заведующим оружием, уничтожать списки. Мы взяли из конторы адресные книжки, чтобы не знали наших адресов.

Человек 40 вооруженных ночевало со мной, кроме тех, которые были на позиции; а всего вооруженных было человек полторасто.

В. Ампилогов.

III.

26-го ноября мы дежурили здесь в трамвайном депо. На утро, когда мы узнали, что разбит „Марс", я пошел посмотреть: там стекол нет совершенно. После этого я пришел сюда, когда Ампилогов привез винтовки. Стали раздавать винтовки. Часа через 2 я отправился — и в роще была уже полностью стрельба. Надо было отбить белых от казарм 252 полка. Тогда я пробрался в канаву. Они оттуда пулеметами, а мы винтовками. Тут мальчик лет 12 подносил нам патроны. Я пробыл там часа 4, а потом вернулся сюда. Вечером возвращаются наши и говорят, что они отступили. Мы тут ночевали, а утром назначил Тескле нам и еще трем пройти в рощу, посмотреть, не остался ли кто. Мы прошли рощу, Нахичеванский полустанок и по третьей роще вернулись сюда около Софиевского кладбища. Некоторые товарищи продолжали уходить туда, им раздавалось оружие, патроны и пр.

Кажется, 29 ноября прибыл эшелон казаков на станцию Ростов. Нам было задание взять этих казаков. Мы отправились на вокзал, окружили его со всех сторон и начали обстреливать эшелон. Казаки сначала отстреливались, а потом сдались. Мы забрали казаков и офицеров и представили их в „Марс".

Дня через три я опять отправился в Нахичевань. И так мы продолжали ходить туда. Когда мы тогда вернулись и забрали винтовки, то не добрались до границы, так как Нахичевань была уже занята. Я пришел сюда, и мы спрятали на сеновале несколько винтовок, а свою винтовку я зарыл в мусор в сарае. Я одел черный полушубок и пошел на Лермонтовскую. „Их" встречают „веселые" ростовские женщины, белые везут пулеметы, а молодые офицера и кадеты говорят, что пришли очистить Ростов от красных. По городу проходила белая пехота. Через некоторое время является Каледин к Московской гостиннице, где ему буржуи подносили цветы, хлеб — соль. На утро сюда приезжает кадет и спрашивает: „а где такой-то, кто получал оружие" (Целковский). Последнего сейчас же снабдили отпуском, деньгами—и он уехал в Киев, и они его сразу не взяли. Нас спрашивали, где оружие? Мы сказали, что отдали на электрическую станцию. Они сказали, чтобы завтра было оружие, а когда приехали, то Целковского уже не было. Тут был швейцар, который сказал одному казаку, что на сеновале есть винтовки. Казаки полезли и давай скидывать. Одно было ружье заряжено: как ухнет, а они в рассыпную. На утро они стали узнавать по улицам, где красногвардейцы. Ребятишки маленькие и говорят: „вот тут во дворе с винтовкой ходил", и некоторых забрали. Доходит до нас очередь. Мальчишки тоже указывали. Ну думаю, дело плохое. Взял вечером полушубок, надел, пообедал и до свиданья. Прибегаю на вокзал, хотел удрать к Матюте в гирлы. Прибегаю, а уже на Таганрог поезда не ходят. Слышу третий звонок на Владикавказ. Я скорей в 1-й класс на площадку. Приезжаю в Батайск, а они оцепили кругом поезд и проверяют документы. Я сейчас же сел в товарный вагон в уголок и сижу. Оттуда я направился до станции Тихорецкой, а там пересадка в Великокняжескую. Когда в Батайске дали третий звонок и они вышли, я опять на площадку и залез в 1-м классе в купе под лавку. Денег нет ни черта, и я заснул там. Приезжаю на ст. Кавказскую; там стоят стражники и солдат с фронта ворочают. Приехал я перед утром, вышел, хожу по платформе. Вижу, идут казаки с эшелоном. Я хотел поехать, но они не подпускали близко к поезду. Смотрю пришел из Екатеринодара эшелон с солдатами. Там были сослуживцы из Ростова. Я рассказал

им про все и поехал с ними в Кисловодск. Там мне показалось скучно, денег не было ни копейки. Я встретился там с солдатами, которые сказали: „ну, вали с нашим поездом". Из вокзала в Ростове я вышел в час ночи (тогда был снег и мокро), чтобы не встретить знакомых. Дошел до Таганрогского, вижу—тут погреба, откуда вылезают пьяные офицеры. Утром дома мне говорят, что тут каждый день приходят и спрашивают: „кто тут из красногвардейцев"? Я удрал к сестре. Потом я отправился на службу. Меня заметили и спрашивали, что это за новый старик—его раньше не было. Но я говорил, что был больной - и этим дело кончилось. Так я жил, пока белых отсюда выбили.

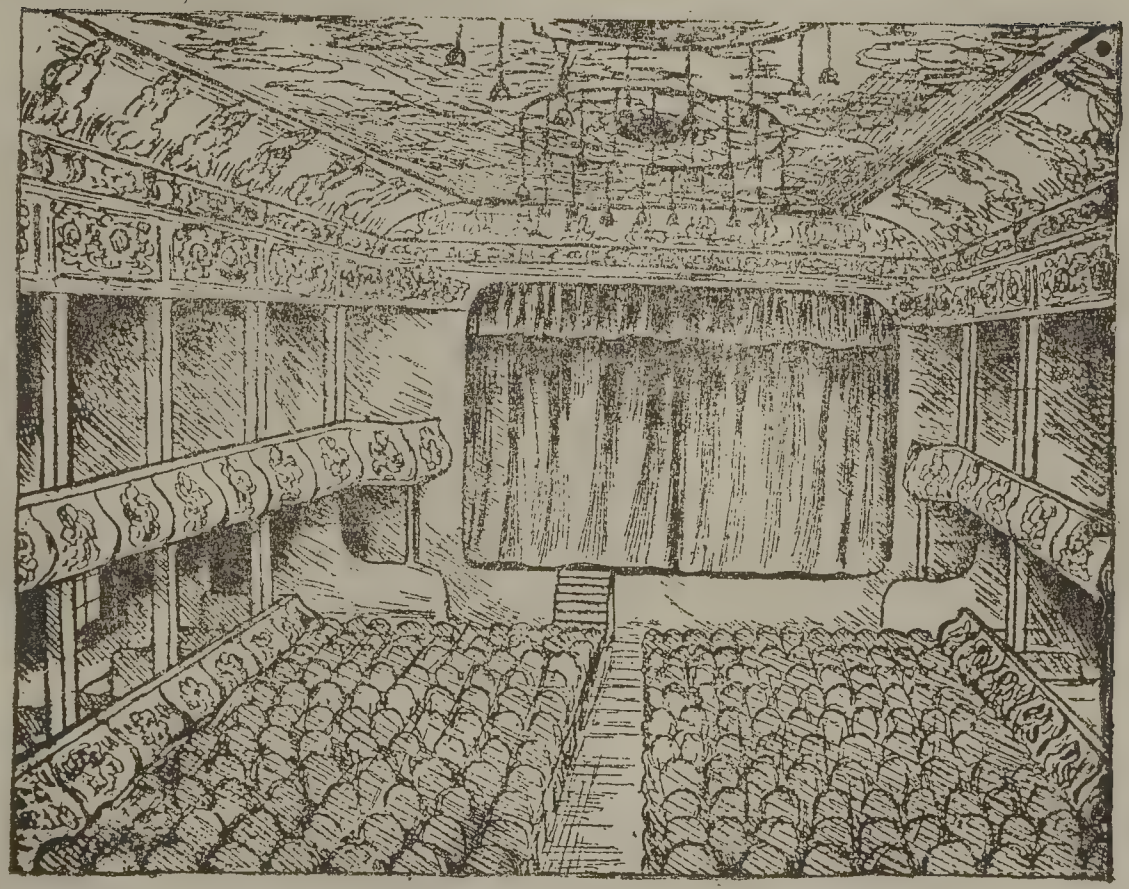
А. Донской.

IV.

Я с товарищем был в Комитете и принимал участие в охране города. Ампилогову был приказ от Сырцова, чтобы все рабочие выдвигали вагоны и шли, какая бы опасность ни была. Приказ, чтобы все оружие брали, а в трамвае нет оружия; поэтому был приказ пойти в рощу и отобрать оружие от хулиганов. Я встретил студента у Совета, когда вел туда сдавать двух человек с оружием. Я спрашиваю его—„Вы откуда"?—„С Александровской".—„Как дело"?—„Казаки наступают". Он взвел меня на бугорок и показал, как мелькают точки. Я, конечно, пошел сказать в Марс, но там не поверили. На утро они вступили сюда; как говорил студент. Наши товарищи перед вступлением белых не успели сдать оружия. Мы с Ампилоговым прибрали его на сенник (винтовки и ящики с патронами), но швейцар доказал это. Пришли офицеры человек 5 с бомбами и говорят: „Доказывайте оружие, а то сейчас убьем". Они искали во дворе, но не нашли. Швейцар сказал им и они при нас стаскивали оружие с сенника. Прихожу домой (на второй день после вступления белых), сижу под окном, пью чай. Входит 6 человек и говорят, что вышел приказ немедленно сдать оружие. Выходит дворник и говорит: „вам кого надо—красногвардейцев, вон под окном сидит". Казаки ответили, что им велено искать оружие.

Г. Кузнецов.

Я был в 252 полку. Утром в начале 9 часа мы сошлись на поверку. Я был в строевой роте. Оружие у нас было. Пришли мы на поверку, только что построились, тут сразу выстрел. Проехали верхами солдаты и скомандовали фельдфебелю: „В ружье!". Патронов у нас не было, так как, когда караул занимали, сдавали патроны обратно. Я тогда стоял на посту в офицерском клубе, где находились патроны. Когда казаки выскочили из казарм без патронов, я сказал, что знаю, где патроны (в офицерском собрании). Нас побежало туда человек 15. В собрании сидело 6 офицеров, а кладовая была на замке. Я подхожу к офицеру и говорю: „господин прапорщик, откройте сейчас кладовую, нам нужны патроны". Он не хотел, но я сказал, что мы иначе будем ломать дверь. Он помялся, а потом открыл. Мы набрали патронов и направились на Байковский хутор, где солдаты расставляли цепь. Я тоже встал в ряду. Мы поймали одного кадета. Один кричит „убить", а другой кричит „расстрелять". Я говорю: „на что его стрелять, отведите его в Марс, там с ним расправятся". Рабочие взяли его и повели в „Марс". Я пробыл там до вечера, а вечером прихожу с винтовкой на квартиру. Под'ужинал немного, пошел в депо. Я тогда служил в полку, но он был почти демобилизован. Прихожу сюда часов в 10. Здесь формируется отряд. Рабочие собрали



Зал заседаний Ростово-Нахичеванского Совета в 1917 г. (зал б. театра „Марс").

винтовки, но они не могут ими владеть. Я стал показывать, как надо обращаться. Потом я пошел в „Марс", где тов. Чернухин выдавал винтовки. Я смотрю и говорю ему: „кому ты даешь?", а он: „чорт его знает". Я говорю, что так нельзя, что нужно формировать ряды и назначать старшего, ведь могут приходить кадеты. Часа в два ночью вернулся домой. На утро побежал в депо и с вагонами поехал под Кизитеринку. Когда пришел Каледин, то издал приказ, чтобы сдать оружие. Я тогда был солдат, но винтовка на меня не была записана. Я прихожу, а разводной и говорит: „ну, Дмитриенко, сдавай винтовку". Я говорю, что не брал, а она у меня на квартире была.

И. Дмитриенко.

VI.

Мы были почти все вооружены. Так как я жил на 35-й линии, то мы держали позицию в Кизитеринской балке. Когда Берберовская балка была занята, то мы видим: с левого фланга бежат к Нахичевани. Что остается делать? Правый фланг к заводу Аксай еще держался. Оставалось бежать и все побежали. Когда я побежал на 2-ю Соборную, то я наткнулся на страшный кошмар. Поставили возле нашего депо трех рабочих и расстреливали. И сейчас есть отметки, где пулями были пробиты кирпичи. Я тогда вернулся на Георгиевскую. Впоследствии выяснилось, что это были драгиля с 33 — 34 линии. Я побежал к жене и сказал, что ухожу в Ростов. Она спросила про мальчика. А я говорю, что его нет. Потом встречаю своего мальчишку, он говорит: „да я подносил патроны". Я говорю; „тебя же убьют". „На то и революция", так он отвечал. Я сказал ему, чтобы он бежал домой и аккуратно перебегал в переулки. Мы отступили. Я отдал винтовку знакомому и ожидаю сведения, как семейство. Ходят слухи, что расстреливают. У меня здесь была девченка, я беру ее на руки и иду к границе, оттуда идут казаки и кадеты. Я как будто ничего не знаю, спрашиваю, можно-ли пройти, так как я иду с больным ребенком. Они говорят: „ну теперь можно идти; мы эту красную гвардию всю перевешали". Я пришел домой, но слышу стучатся. Ворвались ко мне и спрашивают оружие. Я говорю, что нет. Тогда хозяин дома говорит: „как нет, ты все время с винтовкой мотался. У него винтовка дома. Он наверно в сортир бросил". Посмотрели: дуло торчит оттуда. Ну, думаю, значит расстрел. Но тут стоял квартирант, который сказал хозяину: „зачем ты напрасно человека топишь? Винтовку эту бросили два казака Кубанской области, которые работали на ближней фабрике Симоненко. Это они бросили, я сам очевидец". Тогда заставили молодых людей вытаскивать винтовки оттуда. И казаки ушли.

З. Урянский.

VII.

В октябрьские дни у нас была организована Красная гвардия и тов. Целковский привез нам оружие. Мы винтовки разобрали и должны были наблюдать защиту своих интересов против появившейся белой гвардии. Винтовки брали многие товарищи, но не все боролись часть расходились по домам.

Это был факт. Волков, Емельянов и Германов были в Комитете. Можно сказать, что у нас в организиции было 60 человек и, в конце концов, осталось 50. Собираются вагоновожатые и спрашивают: „поедем мы сегодня, или нет?" „Нет не поедем. Поэтому, значит, „до свидания" и все уходят по своим местам. Когда получилось нападение с Нахичеванского полустанка на казармы полка, мы высылали караул не только по трамвайному об-

ществу, но и по городу. Мы разослали караул по городу, чтобы не было грабежей и убийств. Когда получилось нападение на Совет в ночное время, все товарищи сказали, что мы не выйдем. Когда случилось это нападение с полустанка на казармы, то приходят и сообщают: „товарищи, что вы спите, вас всех перережут". Мы спрашиваем—„что такое?"—„Кадеты наступают". Тогда солдаты в одних подштаниках и ночных рубашках схватываются за винтовки и отражают белого врага. Рабочие также приняли участие в этом и взялись за винтовки, чтобы дать отпор буржуазной сволочи. Они прогнали ее за Кизитеринскую станцию и станицу Александровскую. Меня оставили здесь охранять депо. Бывало прихожу проведать жену и говорю: „не плачь, я всегда с тобой". Но скоро уходил из дому, делал выстрел в воздух, с женой оставаться не хочу, я должен быть товарищем. Я прихожу в караул. В этот момент выходит тов. Соловьев и говорит: „долго будете спать здесь?"—„Нет", отвечаю, „мы здесь находимся на страже революции."—„Извольте идти на фронт". Я говорю, что пойду на позицию. Спрашивают Кочетова. Тот говорит, что еще чаю не пил и после пойдет на позицию. Нас отправили 19 человек в открытом вагоне. У Нахичеванского депо к нам явился командир. Нас отсюда выехало только 20 человек, а всех служащих было около тысячи человек. Наш командир говорит: „мы должны занять эту позицию на левом фланге и перебежать эту балку поодиночке". Это было утром в 8 часов. У нас был один матрос. Он бегает, смотрит, какие винтовки, какие прицелы. Мы дрались до самого вечера. У нас был санитар на случай какого-либо ущерба. Нам привезли три хлеба по образцу позиционного и мы закусили.

Наши товарищи захотели взять пулемет, из которого нас обстреливали. Мы их отговаривали, но они напали. Когда по ним стали стрелять из пулемета, то все они бросились врассыпную и дали нам черный флаг, что на них наступают. Мне попал тяжетый камень в ногу. Я думал, что это камень, но это оказалась пуля, которая разваливала мне валенок. Я говорил: „товарищи, не бойтесь и держите свою позицию; из Таганрога прибудет два полка солдат". Но никаких полков не было и мы очутились одни. Рабочие подступают, под'езжают опять, а солдат нет никаких. Когда я почти без сознания упал в балку, потом вылез с трудом за кирпичный сарай, то видел, что наши товарищи в этот момент обстреливались. У нас в потайном месте сарая был пулемет, которым мы отстреливались, когда на нас нападали. Если-бы не это, то мы бы все погибли до одного. Когда к нам подошли задние резервы, то я сказал, что страшно утомлен, и что если у кого не хватает патронов, пусть возьмет у меня, а я уезжаю домой. Дома я крепко заснул. Утром явился хозяин и говорит: „что-же господин Муратов (тогда господами называли) спите, ведь белые наступают". Они заняли кладбище, а у меня винтовка стоит во дворе, как у часового. Что делать с винтовкой? Ведь все видели, что я в красной гвардии, теперь значит погиб. Прибегаю сюда в Комитет, но ничего нет. Что с этим делать? На утро был издан приказ, что все должны сдать винтовки, у кого есть. Хорошо. Мне во дворе говорят, что ты носил, иди, сдай винтовку. Я говорю, что вам желательно, чтобы Муратов расплатился, хорошо расплачусь. Говорят моей жене: „иди, смотри, как его будут убивать и расстреливать". Я взял винтовку и патроны и пошел. Вышел и встретил казака, который спрашивает: „куда идешь?"—„Позвольте, я иду винтовку сдавать".—„Ты кто, красногвардеец?"—„Ничего подобного, нет". Я говорю, что есть предписание сдавать винтовки и просил указать, куда нести. Он говорит:

„ты красногвардеец и тебя надо убрать". Он спрашивает: „ты участвовал в Красной гвардии, почему у тебя винтовка?" Я стал об'яснять ему, что я служащий трамвайного общества, и что винтовки были выданы для охраны депо. Он говорить: „давай сюда, а то там тебя в расход пустят". Тут мне и было спасение.

Ф. Муратов.

VIII.

Я пришел в заводский комитет после убийства в Совете наших товарищей и мне поручили отвезти 13 ружей на станцию. Потом пришли пленники и я их охранял. После этого я возвратился в трамвай и меня назначили обыскать кладбищенскую церковь. Мы вчетвером обыскали ее (со мной был Донской) и возвратился в депо. После этого я был назначен в Красную гвардию, где пробыл около недели, после чего меня выбрали секретарем фабричного Комитета. Я вел две недели отчетность Красной гвардии. На фронт мы не ходили, я охранял исключительно депо.

М. Дударь.

IX.

После торжественного заседания Совета 25 ноября, которое окончилось часов в 12 ночи, я вернулся домой. Часа в два слышу выстрелы на Садовой. Выбегаю к больнице „Красного Креста". Я боялся подходить к „Марсу" и видел там только два автомобиля.

Утром члены заводского комитета говорят, чтобы все были в готовности. Мы пошли как-то с т. Косенко на Крепостной переулок. Слышим, что белые наступают на 252-ой полк, о чем солдаты еще не знали. Когда мы пришли к ним, солдаты уже вооружились и рассыпались по кладбищу, а мы залегли на левом фланге. На этот раз белые были отражены. Дальше я не пошел, так как тут стали выпускать вагоны для подвоза патронов и оружия.

Рабочие стали отрядами приходить на фронт, чтоб вместе с солдатами отбить нападение Калединской банды. Дней пять наши позиции держались, потом стали слабеть. Видя это, Каледин двинул на Ростов войско по полотну железной дороги, расставил орудия и пулеметы под рощей. А у рощи на углу Лермонтовской улицы сделали обманное воззвание солдатам: „бросайте оружие, тогда вам ничего не будет". Солдаты поддались на эту удочку белых и поэтому мы потерпели поражение.

Д. Ефимов.

X.

В депо были товарищи Нелепо, Запорожцев, Зеленев, Тескле, человек 20. 27-го утром раздались выстрелы и Анпилогов сказал, что кто воюет, берите винтовки и под руководством Тескле (он был старшим по команде) идите. Мы вышли сюда к бойне. Мы тогда слабо организованы были. Когда мы пришли и укрепились внизу, то отбили там молодой питомник (древонасаждения). В этой чаще мы отбились с покойным товарищем вдвоем и оказались у кадетов. Мы растеряли своих товарищей, и он, как старый солдат (он был в японской войне) говорит, что весь наш исход — запрятать винтовки, а потом итти просто на дачи, как будто жители. Вот мы и пошли на дачи. Нас голубчиков сцапали и повели. Доводят нас до трамвайной будки. Только доводят, смотрим—уводят с револьверами т. Сурженко, а потом смотрю—он лежит убитым. Там на всякого, кого привели, кричали: „давай сюда". Откуда то взялся студент знакомый, Левин. Он у них был вроде санитара. Он подходит и спрашивает: „чего попал сюда

Иван Иванович"? Я побелел и не знаю, что сказать. Говорю, что живу на даче. Он тогда и говорит: „этого человека я знаю отлично— это мой хороший знакомый, который ничего не имеет политического. Он живет в дачном поселке и теперь идет с работы". Словом соврал, и меня препроводили на станцию. После этого мы с Зеленевым зашли на станцию. Тут слышим: идет бой под станцией. Мы видим, что на станцию входят наши люди и вышли. Мы пошли смотреть тов. Сурженко. Глаза у него повыжжены, так как его убили в висок. С ним лежало еще 7 человек, тоже расстрелянных. Мы убрали его и отправили в Красный Крест. Мне его пришлось нести с Красного Креста на Ясную Поляну на кладбище в Нахичевани, где его похоронили.

Д. Степанищев.

На Ростовском телеграфе в Октябре. *).

Я остановлюсь на утверждении т. Френкеля, что еще с самого мая был выработан план борьбы с русской революцией и что этот план определенно опирался на юг. С самого 1917 г., когда меня называли маленьким большевичком, я думал что партия с самого начала упустила из виду телеграф. Как работник почты (был раньше почтальоном, и нас тогда называли мелюзгой и иронизоровали над нами), я должен засвидетельствовать, что то, что было создано под руководством Каледина, Алексеева и французских генералов, было непосредственно связано с Новочеркасском, который и руководил Ростовом в то время, по указаниям Московского телеграфа. И теперь про это можно найти документы в архиве телеграфа. У нас ежедневно рассылались приказы Каледина стянуть лучшие казачьи части на Дон. Почему это было? Почему на это не обратили внимания? Что это за слет был, и какую цель он преследовал? Я убежден, что в этом был наш промах, что мы не учли этого. А потом уже здесь был организован штаб. К октябрю ходили слухи, что где-то на дачах имеется телеграфный аппарат, что там штаб и что туда непосредственно передаются все приказы как Советского правительства, так и от центра. Контр-революционная организация была тогда дальновиднее, и Каледин придавал большое значение Ростовскому телеграфу. Прислал сюда своего помощника Волошина, который каждую неделю устраивал собрания и говорил речи. Эти собрания были очень бурные. Мы пытались выступать под лозунгом „ленинцев", как нас называли, но нас никто не мог поддержать, и за это нам пришлось дорого платить. И безусловно, что когда назревал вопрос о большевистском контроле, то эта „братия" старалась, чтобы телеграф забастовал. Нашу корпорацию обрабатывал гражданский комитет, который присылал Зеелера и других лидеров, которые распинались. Помню, когда было убийство Шингарева и Кокошкина, то Зеелер расплакался и говорил, что большевиков в отместку за смерть этих „лучших" людей надо уничтожить. Были случаи, что на нас указывали, и часовые рвались застрелить нас, говоря, что ничего не будет, если нас убьют. У нас был один сочувствующий Пономарев, но он не обладал даром слова и только отчасти нас информировал. Он работал много с Георгием Тащиевым. Впоследствии он стал баптистом, толстовцем и вышел из партии. Затем я хотел отметить роль

*) Стенограмма речи, произнесенной на „вечере воспоминаний" в Нахичеванском партийном клубе 9 сентября 1922 г.

Дона в проведении плана Корнилова. Сюда стали стекаться неказачьи офицеры (великороссы). Иду я раз по Садовой в разгаре борьбы, вижу офицера, который идет, хвастаясь и блестя своими эполетами, и говорит, что не для того они сидели в юнкерском училище, чтобы какой-нибудь лапоть ими командовал и что они заставят этот лапоть снова работать. И вся буржуазная ростовская публика старалась их приютить и обогреть. Мы—группа в 15 человек обсуждали тогда вопрос, как нам быть; тогда здесь нам было очень трудно ориентироваться, как действовать. Теперь-то я отдаю себе отчет, как надо было действовать в 17-м году.

У нас был молодой работник Федай, затем была Настя, хороший друг этого Федая. Они первые проникли в штаб Революционного Комитета и приносили туда сведения. И, к сожалению, он не мог тогда притащить к нам хотя бы тов. Френкеля или Тащиева, чтобы мы послушали настоящее большевистское слово. Я должен сказать, что „Наше Знамя" заделывалось пачтальонами вниз в почтовые посылки, чтобы оно не уничтожалось. Комитет должен был курьерами рассылать газеты. В Ростов были стянуты части, которые заняли прежде всего телеграф и почту. Почту и телеграф охраняли польские легионы. Они гордились тем, что пришли сюда и выгнали большевиков. Они пытали наших черносотенных чиновников, чтобы они выдали всех, кто был за большевиков и за Ленина. И в результате был составлен список в 100 человек и через Волошина, по приказу Каледина, была создана комиссия, которая должна была собрать следственый материал. Эта комиссия работала месяц и написала толстый том, но выстрелы под Таганрогом расстроили ее работу. Материалы эти стали уничтожаться, а члены комиссии стали заискивать и говорить, что когда прийдут красные, чтобы и мы поступили с ними так же, как они с нами.

Д. Фандиков.

Организация Красной Гвардии в Ростове.

Исторические дни героической борьбы Ростовского пролетариата в конце 1917 года светлой полосой легли в моих воспоминаниях. Много пережито, пережито быть может, глубже, острее, больнее, но таких переживаний больше не было и не будет. Нет и не может быть тех чистых, полных порывов борьбы, борьбы, захватывающей тебя всего без остатка, захватывающей тебя здорового, с крепкими нервами, с неисчерпаемым запасом энергии и желания борьбы. Все мои воспоминания этого периода теснейшим образом переплетены и связаны с жизнью и борьбой Красной Гвардии.

Когда и как организовалась Красная Гвардия?

Первая попытка организации Красной Гвардии относится к так называемому, Корниловскому периоду до октябрьской революции. Движение Корниловщины заставило на время, правда на очень короткое время, мелко-буржуазные партии забыть о своих коалиционных бреднях с правыми партиями и броситься влево, в коалицию с рабочей партией—большевиков. Конечно, эта коалиция с большевиками, да еще при наличии монархического движения в стране, кое-чему обязывало господствующих тогда меньшевиков и эс-эров, и мы видим, как организуются с большим шумом и треском, так называемый, „Комитет спасения России и революции"—весьма крикливая, а в сущности, безсильная организация.

К числу такой же коалиционной, правда, без кадетов организации, нужно отнести и штаб Красной Гвардии этого периода. В сущности, никакой Красной Гвардии не было—имелся лишь штаб этой гвардии, состоявший из представителей социалистических партий и, кажется, совета профсоюзов. От партии большевиков в этом штабе представительствовал я.

Первое время этот, с позволения сказать, штаб регулярно собирался и заседал. Велись прения и все прочее, что полагается при порядочных заседаниях. О чем прели, теперь уж не помню. Словом, первое время, когда еще корниловщина не была ликвидирована и когда нужно было „на страх врагам" бряцать оружием, и штаб Красной Гвардии, превратившись в „говорильный штаб", бряцал ... языками, не предпринимая ничего реального, конечно, коалиционные болтуны, „герои парламентарской борьбы", не могли изменить свою тактику и поставить штаб Красной Гвардии на должную ногу. Впрочем, все это теперь понятно и ясно, но тогда я—грешник и, пожалуй, и наш комитет кое-какие очень, правда, маленькие надежды на этот штаб и его руководителей возлагал. Однако через несколько дней, по получении сообщения о ликвидации Корниловского восстания, представители социалистических партий не стали являться в штаб. Надобность в „бряцании" миновала.

В виду такого положения, я решил взять штаб в свои руки и провести свою линию. Через несколько дней штаб с оставшимися еще представителями был переведен мною в Ротонду городского сада—в нашу „крепость" (до этого штаб помещался в доме, где теперь помещается Дворец Труда) и на ближайшем же заседании поставил вопрос о формировании и вооружении Красной Гвардии. Но все эти вопросы повисли в воздухе. Соглашательская власть, не давая никакого вооружения, не помогая штабу, вела линию ликвидации его и вооружения рабочих.

Нужно сказать, что даже некоторые большевики тогдашнего правого толка смотрели на штаб и Красную Гвардию, как на уже ненужную организацию.

Таким образом вооружения не было. А раз не было вооружения, то и формирование шло из рук вон плохо. Рабочей массе требовалось вооружение. Неоднократные мои указания на этот счет работавшим в Совете товарищам не дали и не могли дать, в виду нашего меньшинства в Совете, желаемых результатов.

Штаб окончательно распался. Красная Гвардия, не родившись, умирала—и это за месяц до октябрьского переворота!

Через несколько дней и я от этой работы ушел. Поводом для этого послужил незначительный конфликт. Причиной же ухода была моя неудовлетворенность работой.

Приблизительно в начале ноября—если мне не изменяет память—когда всем нам стало ясно, что дело без вооруженной борьбы на Дону не обойдется и что борьба эта не за горами, я снова явился для работы в штаб Красной Гвардии, который помещался уже в бывшем театре „Марс". Во главе штаба, кажется, стоял т. Ченцов. С моим приходом в штаб т. Ченцов совершенно отошел от непосредственной работы в Красной Гвардии и ушел на другую работу. Состояние Красной Гвардии мало чем изменилось с тех пор, как я ушел. Вооружения также не было, организация Гвардии была плохой (она такой и осталась до конца дней), но теперь уже рабочая масса давила на штаб. Атмосфера была накаленная.

Через несколько дней, приблизительно в средних числах ноября я об'явил через нашу газету „Наше Знамя" о созыве общего собрания рабочих, желающих вступить в Красную Гвардию, а на следующий день под крышей летнего театра „Марс", во дворе, состоялось об'явленное собрание, собралось человек 200.

На этом же собрании мною после очень короткой речи о целях его созыва, о чем они вероятно, без моих слов знали, была произведена разбивка всех добровольцев на десятки (по территориальному принципу — по месту жительства на случай ночной тревоги); во главе каждого десятка был поставлен десятник, преимущественно, большевики; (был один анархист, кажется, Селиванов, живущий где-то возле границы).

Десятники должны были на следующий день представить в штаб списки для регистрации десятков. В этот вечер впервые была сделана попытка урегулирования вопроса организации гвардии.

Позже кроме территориального принципа организации отрядов и параллельно ему проводился другой принцип организации по месту работы — фабрично-заводских отрядов. Но здесь уже не было никаких десятков. Все рабочие добровольцы красногвардейцы комплектовались в один отряд с начальником (выборным) отряда во главе. Через несколько дней после вышеуказанного собрания, по моему поручению, т. Козелева М. Г., при ближайшем участии т. Черкесовой В. Г. и всех наших женщин - большевичек организовали санитарный отряд красной гвардии (кажется, в общей сложности до 25 человек), который впоследствии разбился на несколько отрядиков по 5 — 7 человек для обслуживания разных пунктов.

Занятия как в красной гвардии, так и в санотряде пошли боевым темпом. Красногвардейцев обучали, главным образом, ружейным приемам. Санитарки под руководством специалистов бинтовали друг другу головы, руки и т. д.; но все же, несмотря на боевой темп занятий, к моменту решительных действий красногвардейцы оказались слишком слабо подготовленными. Многие не умели заряжать винтовку и уж в боевой обстановке обучались этому. Отсюда всякие случайные выстрелы на улице, в помещении и т. д. Будучи на линии огня под Аксаем, я, например, заметил, что почти все красногвардейцы стреляли из постоянного прицела на расстоянии до 2 верст и допускали целый ряд таких же грубых упущений. А с северной части той же линии в безумной храбрости человек 5 красногвардейцев шли по гладкой площади в атаку на пулемет, скрытый где-то на мельнице на полуверстном расстоянии от них и, конечно, сделав несколько десятков шагов, были скошены.

Штаб красной гвардии этого периода состоял из меня, т. Тулака, Казберюка и еще 2 — 3 человек начальников крупных отрядов.

Тов. Тулак (большевик) был моим помощником; не помню хорошенько был ли он безработный рабочий или отпускной солдат, но знаю что он был без дела. Тов. Тулак, как и я, никаких военных познаний не имел.

Тов. Казберюк — большевик никаких специальных знаний не имел. Как бывший Московский красногвардеец, он явился в штаб. В частной беседе с ним я расспрашивал, как дела обстоят в Москве, как организована красная гвардия и т. д. У него даже оказался списанный с массой поправок и ошибок устав Московской красной гвардии, утвержденный 3/IX (этот устав до сих пор у меня сохранен). Устав этот я взял, как материал для составления своего устава, а его как интеллигентного человека, умеющего писать (члены штаба, кроме

меня писали не ахти как) ввел в штаб и поручил привести в порядок списки красногвардейцев, своевременно получать новые и т. д.

В ночь на 26/XI тов. Казберюк, ночевавший, ввиду неимения квартиры в штабе, был убит в числе прочих оставшихся в „Марсе" членов Совета.

А с начала боевых действий т. Тулак тоже ушел из штаба, представляя собой живую связь с боевыми участками (он где-то достал белую лошадь и, умея хорошо ездить, добровольно нес эту обязанность). Таким образом с 26/XI в штабе, если не считать 2—3 начальников отрядов, которые бывали редко в штабе, да и никакой работы в штабе не несли,—остался я один.

29/XI, когда вся борьба велась почти исключительно силами красной гвардии, когда дело дошло чуть ли не до поголовного вооружения рабочих, через штаб Красной гвардии мною для технической работы—регистрации выданного оружия—был привлечен актер, беспартийный, некто Сабинин, давно „якшавшийся" в Ротонде *).

Как-то не верится, когда вспомнишь, что Штаб Красной Гвардии вплоть до нападения на него и Совет 27/XI не имел оружия. Трудно сказать, почему это так случилось: была ли здесь вина общих условий или другого чего-нибудь; но факт остался фактом. Оружие Красная Гвардия получила лишь тогда, когда было произведено нападение на его штаб. Да и то, что было получено, было недостаточно. Мы вооружали гвардейцев однозарядными „гра" и „итальянскими" винтовками, не было ни гранат, ни бомбометов и пулемет-то, кажется, был один—„Люис".

Мне вспоминается один эпизод. Кажется 29/XI вечером прибегает в штаб мальчишка лет 7-8 и сообщает, что он только что от бандитов, похитивших сына местного богача Дедова. Мальчик рассказывает подробно где находится притон бандитов, сообщает что у них имеется масса оружия. Сообщения мальчика были настолько правдоподобны, что я поверил ему и, желая отбить оружие, взял с собой отряд Хеливцева в 10 человек и 10 человек из военсекции и отправился к притону бандитов. Притон по словам мальчика был в землянке, в балке за братским кладбищем, недалеко от заброшенного кирпичного завода.

В целях получения оружия дело доходило не только до обезоружения бандитов, но и пробовали даже свои бомбы изготовлять. Я договорился на этот счет с одним из анархистов-коммунистов—бомбистом. Он должен был быть главным руководителем по начинке бомб. Товарищей же Богуславскую и Веселовскую я попросил съездить за динамитом на ст. Шахтную, а по приезде они должны были стать помощниками по начинке бомб указанному анархисту. Но и эта затея не дала ничего. Динамит поспел поздно и чуть не выдал „геройских транспортеров". Анархист же, за неимением материала, ничего не смог сделать. Помнится, кажется, были еще разговоры на счет оболочки снарядов в заводе „Лели".

---

*) Примечание редакции. Тов. Джус-Даниленко (псевдонимы Сабинин, Маевский) в средине 1917 года явился в Ротонду в наш Комитет большевиков и заявил о своем желании помочь в театральной работе, так как он сочувствует большевикам. С того времени он часто навещал Ротонду и усердно стал работать по устройству в ней сцены. В октябрьские дни артист Сабинин выдавал оружие в „Марсе". За это он был посажен в тюрьму после занятия Ростова Калединцами. В 1918 г. при Советской власти на Дону он был назначен комиссаром по театрам, кинематографам и зрелищам. После отступления, как член партии, работал на южном фронте в Красной армии. Сейчас заведует Нахичеванским партийным клубом и учится.

Ясно поэтому, что при недостаточности вооружения, позднего получения его, без заранее подготовленного плана, раздача оружия должна была быть беспорядочна. Так же обстояло дело и с питанием. Первые дни 27, 28-xi—необходимость питания удовлетворялась просто отобранием явочным порядком по моей записке хлеба (до 40 пуд.) из пекарни Иоффе—но потом, кажется, товарищами Зубковой и Блохиным были наспех организованы питательные пункты.

Санитарный же отряд всецело состоял на иждевении моих „явочных" записок. Приходит Козелева или еще кто-нибудь из наших большевичек, сообщает что нет того-то и того-то. Я пишу на листке блок-нота записку в какую-нибудь аптеку, подкрепляя свою подпись одним красногвардейцем, который идет вместе с ней в аптеку, и все требуемое получается. В одной из аптек даже был случай, когда посланный мной красногвардеец нечаянно прострелил свой палец. Ему там же из полученных медикаментов сделали перевязку.

В первые дни гражданской войны (27, 28, 29) охрана города, расстановка постовых, смена их и проч. лежало тоже на обязанности штаба гвардии.

Смешно теперь вспоминать эти посты. Ну и доставалось тому, кто попадал на какой-либо пост: он стоял без смены на посту до тех пор, пока сам не приходил и не просил смены. Не нужно предполагать, что смена не высылалась. Она высылалась подчас по несколько раз, но вся отправляющаяся на смену публика настолько хорошо знала „Устав гарнизонной службы", что по пути вместо смены сворачивала, куда ей взбредет в голову, а постовые в результате целые сутки стояли без смены.

Несколько удалось урегулировать этот вопрос позже назначенному т. Чеботареву, который исключительно стал ведать охраной города.

Нужно сказать, что город, действительно, уж стал нуждаться в серьезной охране. Кроме меньшевиков и эс-эров, которые с первых дней гражданской войны стали вести контр-революционную агитацию, появились тут и там с агитацией вообще обнаглевшие черносотенцы, папенькины сынки, офицеры и проч. Ко мне то и дело водили красногвардейцы всю эту братию. А я наспех опросив их, обезоружив, отправлял, пока было место, на гауптвахту 252 запасного полка.

Делая общую оценку, нельзя сказать, что красная гвардия могла бы приняться в расчет, как боеспособная единица. Причин этих недочетов красной гвардии было много. Но зато редко когда приходилось встречать такой под'ем, такое воодушевление в массах.

Были и головотяповские выходки. Например: 30-xi я с поручиком Жуком отправился на Аксайскую линию. Пришли на линию огня. С южной стороны, часть храбрецов—человек 30 выдвинулась вперед, а позади этих храбрецов шагов на 100-150 отстали трусы, притаились за кирпичными заборами. Попытались влить „линию" трусов в линию храбрецов— ничего не выходит. Оставили эту затею. Повели наступление с выдвинувшимися вперед товарищами, прошли балку, выровняли линию. Казаки стали отходить к деревне. Прошли вдоль всей линии, дошли до северного конца, оставили офицера командовать линией (к вечеру того же дня он был убит), сами же стали возвращаться в город другим направлением. Не дойдя на версту до „укрепления" трусов, мы с удивлением заметили, что укрепившиеся открыли по нас огонь. Стреляли пачками. На наше счастье так метко, что, как говорит т. Жаков, попадали в белый свет, как в копеечку. Т. Жук, чтобы угомонить их воинственность, стал махать белым платком. В ответ

стали стрелять еще дружнее. Пришлось отступить. Желая поскорее выбраться из этого смешного положения, мы в конце концов попали под пулемет кадетов, но все же выбрались.

Г. Захарьянц.

Рассказ Красногвардейца*).

Когда началась вооруженная борьба в октябре месяце, мы—рабочие первоначально думали, что главное участие в борьбе будет принимать гарнизон (4 полка), который выносил резолюции, что будет поддерживать Совет Депутатов. Первое мое участие—это было разоружение юнкеров здесь на Нахичевани. Должен сказать, что, может быт, из-за трусости, (может быть, черт его знает, я ни разу не воевал) часть нас отделилась на охрану заводов. По утру на понедельник 27 ноября, когда раздались выстрелы за Нахичеванским полустанком, когда пронесся слух, что высадились юнкера и кадеты разоружать гарнизон, то вся наша публика (мыслящее большинство) бросилась влиться в ряды солдат, чтобы воспрепятствовать разоружению гарнизона. Загнали мы эту детвору, которая была обманута классом, с которым мы боролись и будем бороться, за полустанок и завели деятельную перестрелку; и нам вливали и мы им. Здесь по линии определенно пошел слух, что надо строить баррикады по Ростову. Мы отделили группу с т. т. Сырцовым и Жаковым и отправились в „Марс" (штаб Красной Гвардии). Отсюда нас отправили на Парамоновскую мельницу, чтобы забрать материал на постройку баррикад. Мы потребовали там мешки; мы брали, не считали, сколько нам следовало. Мы пошли с мешками на пристань и заставили драгилей возить. Мы устроили баррикады на границе возле теперешней третьей государственной типографии и возле Николаевской больницы. Должен оговориться, что тогда была вооруженная борьба вроде равномерного рабочего восьмичасового дня: пообедал и иди опять воевать. Просто—нас была толпа рабочих, которые шли неорганизовано на это дело, которые смотрели на это дело, как будто это составляет необходимость, а с другой стороны, как будто это была игрушка. С понедельника под вторник разнесся слух о том, что со стороны Батайска появился эшелон казаков во главе с Потоцким, чтобы разоружить нашу гвардию. Повторяю, это было позже полуночи. Часть офицерства и казаков, и генерал Потоцкий на вокзале сели „в бэст" по персидски и стали отстреливаться. Часам к 12 эта группа нам сдалась. После этого в ночь на среду получилась тревога, что со стороны Аксай—Александровка надвигается отряд юнкеров, которые со стороны Нахичевани хотят занять Ростов. Здесь было мое боевое крещение. С одной стороны, нас подвозили трамваи и выгружали возле кирпичного завода. Прямо с балки выныряли через железную дорогу, рассыпались и никто не знал ни команды и что такое прицел. И здесь у нас был восьмичасовой боевой день, и здесь он оказался как раз. Прийдя с утра и постреляв немного, можно было преспокойно отправляться спать. Только надо было умело отползти от линии огня по балке. Самый главный бой, который пришлось выдержать, это было в четверг 30 ноября, когда белые поставили пулемет на церковь и на мельнице. Здесь трамвай выгрузил нас 35 человек под командой унтер-офицера ударного отряда. Он даже погоны имел.

*) Стенограмма речи, произнесенной на „вечере воспоминаний" в Нахичеванском партийном клубе 9 сентября 1922 г.

Это считалось не важным, а главное бороться. Мы не успели спуститься в балку от кирпичного завода, как потеряли одного человека. В дальнейшем, постреляв немного, мы кончили патроны. Помню, меня выдвинули отползти набрать патронов. Здесь я встретил Жакова, который отдыхал, так как все время находился на позиции; он, сидя спал. Он нагрузил меня патронами в платок одной работницы. Я пополз к позициям и распределил патроны. На левом фланге мы имели мельницу и просто решили без всякой команды, что просто двинем на Александровскую станицу и будет дело. Но когда мы пробежали несколько шагов, то нас вместо 35 осталось только 6 человек. Впереди нас разорвался снаряд и мы залегли. Я увидел впереди себя одного товарища, который был ранен тяжело в шею и молил: „за что вы бросаете меня?". Я был ранен в обе ноги на вылет и перевернулся на спину, как это полагается по уставу раненых. Некоторые товарищи помогли, и я очнулся ночью, кога лежал в клинике Богораза. Служанка говорила, что нас красногвардейцев или рабочих никто не хотел принимать из той интеллигенции, которая сейчас пропагандирует свою буржуазную идеологию. С этого времени я боролся, борюсь и буду бороться за нашу власть Советов.

Я. Руденко.

Рассказ санитарки Красной Гвардии.

К Штабу Красной гвардии после нападения на Совет стали тянуться отряды рабочих красногвардейцев. У третьей рощи возле Нахичеванского полустанка начался бой. Сил у нас было очень мало, да и те необученные, пришедшие прямо от станка. Солдат местного гарнизона было очень мало, ибо многих из них разагитировали меньшевики сдать оружие и итти по домам. Возле пулеметов было мало знающих, и бывали случаи, когда подстреливали своих же. Еще с утра поднималась стрельба из орудий с „Колхиды" и траллеров. К сожалению, было только много шуму, а попадали снаряды в лагерь противника очень редко.

Я была на фронте возле кирпичных заводов в Нахичевани. Будучи в санотряде, я занималась приемкой раненых на заводе „Аксай", где был устроен перевязочный пункт. На Нахичеванском фронте был убит 15-летний член союза пролетарской социалистической молодежи т. Барковский, ученик реального училища.

Так как казаки все время обстреливали „Аксай", оставаться здесь нельзя было. Мы разместили раненых по близлежащим лазаретам и перенесли пункт в Нахичеванский городской театр.

На границе Ростова стали строить баррикады, но драться на них не пришлось, ибо решено было отступать. Санотряд наш отправился в мореходное училище, где принялись прятать все перевязочные материалы. Отсюда вместе с Ольгой Ильиной и Бородкиной мы направились в станицу Гниловскую, где были арестованы и препровождены к генералу Назарову. Нас обыскали, но ничего не нашли и отпустили. Через тов. Фадеева (Васильева) мы получили из партийного комитета документы и уехали в Армавир.

Лидия Тимофеева.

В Ростовском гарнизоне.

Вспоминаю лихорадочные сентябрьские дни, когда я, благодаря мобилизации, попал в один из полков Ростовского н/Д. гарнизона, именно в 255 запасный полк. Среди солдат активную большевистскую работу было трудно вести. При том, будучи еще беспартийным, я был большевикам совершенно неизвестен и не имел с ними связи.

Но вот счастливый день 1-го сентября 1917 года. Я—рядовой 255 зап. полка, 1-й роты; быстро ознакомился с солдатами своего полка поближе, с некоторыми и из других полков. Настроение в пользу большевиков—среднее; 249-й совсем враждебно относится: там преобладал элемент мелко-буржуазный, кое-какие купчики, приказчики и просто „свободные художники", в большинстве, местные, пристроившиеся. 248-ой—масса сырая; можно бы обработать, но командный кадр слишком керенщиной отдает, да учебная команда там была слишком старым духом пропитана. 252-ой—тот исключительно был из почтенных отцов семейств—крестьян, которые только и думали, как бы скорее „до дому", а комсостав был—просто пьяная банда. Зато 255-й полк был молодец; в большинстве там был элемент чисто пролетарский и настроен безусловно революционно, но вследствие меньшевистско-эсеровской провокации и отсутствия большевистской литературы и сносной хотя бы будирующей силы в лице какого-нибудь активного работника, был несколько расшатанный, колеблющийся. Но 2 недели моих бесед с солдатами сделали полк неприступными для всяких меньшевистских бредней.

У меня лично политический багаж был небольшой, но все же кое-что было, да в Ростове уже из полка кое-что узнал еще в комитете большевиков. Раздобыл там кое-каких брошюрок; солдаты начали ловить газеты „Социал-Демократ", „Наше Знамя", издания левых эсеров с Темерника, Ростовского комитета большевиков. Однажды пришел к нам тов. Васильченко С. У нас был тогда большой митинг: было переизбрание полкового комитета, выборы делегата от гарнизона в Сов. Раб. и Солд. Деп.; проводились лозунги: „Долой империалистическую войну", „Да здравствует рабочая социальная революция", „Да здравствуют Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов", „Да здравствует партия большевиков". В это время 255-й полк настолько уже был революционно спаян, что диктовал свою революционную волю и остальным частям гарнизона, даже и 249-й полк успел основательно расшатать с монархических устоев. После этого митинга, где я был избран в полковой комитет и депутатом в Сов. Раб. и Солд. Деп., числа 20 сентября тов. Васильченко пригласил меня на областную конференцию партии большевиков, состоявшуюся 25/IX в ротонде городского сада. Там, между прочим, было решено стараться задерживать маршевые роты, не выпуская на фронт, а подготовлять их к защите Ростова, если понадобиться. С этого времени я познакомился с некоторыми другими товарищами, которые все же, кроме тов. Васильченко, относились ко мне как к неизвестному и новому, слишком сдержанно, отчего, откровенно говоря, в общем дело особенно среди гарнизона несколько портилось тем, что я не мог проводить определенной твердой линии, какая подчас необходима была.

Под конец сентября мне удалось задержать и не выпустить из Ростова три маршевых роты: одну — 252, одну 248 и одну свою 255-ю,

и 249-ю на неделю затормозили, но потом все-таки она ушла, хотя до фронта дошел только один эшелон пустых вагонов.

В начале моего пребывания в полку местное высшее начальство почему-то не успело обратить на меня свое любезно-волчье внимание. К концу сентября только спохватились, да уже поздно, начали зубы точить, да укусить не могут — буржуазное отродье вообще не отличается храбростью. Но зато взялись травить меня из подворотни „Приазовского Края". Золотопогонники с Войскового Круга зачастую приезжали нас уговаривать, да запугивать, чтобы мы отправлялись на фронт спасать отечество. Помню один митинг, когда после моего выступления наши солдаты прогнали с митинга Черноярова и Богаевского со свистом и с гиком. Потом было секретное распоряжение забрать у нас винтовки караульной роты. Мы во время узнали, поставили свой усиленный караул, не дали исподтишка забрать, а в своей силе они не были уверены.

В Исполкоме фракцией большевиков было решено устроить на 1-е октября общий демонстративный протест против продолжающейся захватнической войны и за власть Советов. Демонстрация должна была быть общая с участием всех рабочих и солдатских организаций.

Наш 255-й полк всегда первый проводил все решения и постановления большевиков. Предложение о демонстрации было принято единодушно и сейчас же началась агитационная кампания среди других полков; был проведен ряд митингов на Софиевской площади с участием рабочих прилегающих заводов. На митингах выступали т. т. Васильченко, Кунда, Сырцов и целый ряд других. Какой был революционный под'ем духа, единодушия, сплоченности, безусловная готовность на какой угодно подвиг для защиты революционных позиций. Имя т. Ленина и в то время уже действовало магически, и лозунги его принимались безаппеляционно, как закон. И когда господа лже-защитники рабочих интересов Петренко, Васильев, Локерман и, бывший в то время в их лагере, Заварзин выступали на том же митинге и, в противовес нашему призыву к демонстрации, запугивали рабочих и солдат и призывали не устраивать демонстрации, а оставаться солидарными с Временным Правительством, то им просто кричали „долой!", свистали и совершенно не давали оканчивать речей.

Петренко со своей компанией на митингах и на заседаниях Совета определенно заявлял, что „если пойдете на улицу демонстрацией, вас разгонят штыками; эта демонстрация обагрится кровью и даже нам в Совете не усидеть здесь, что с Временным правительством и Калединым шутить нельзя".

И несмотря на все эти запугивания Петренко и К°, и заячьи страхи, все же гарнизон весь до единого с оркестрами и своими лозунгами в строгом порядке выступил и прошел по улицам Ростова 1 октября 1917 г.

Это был день общего протеста в Ростове, протеста против продолжения империалистической войны, против соглашательской политики Керенского и категорическое требование полной власти Советам.

7 октября состоялось переизбрание Совета. Список большевиков в гарнизоне был принят единогласно, было дано только три места меньшевикам. Что же касается II-й части Совета, т. е. гарнизонного Совета солдатских и офицерских депутатов (в то время такое учреждение еще существовало), то здесь офицерскому составу удалось закулисным путем протащить в свой Совет большинство эсерствующих и беспартийных делегатов. Большевиков туда прошло только

трое—я и два товарища, и то только потому, что солдаты всех полков категорически потребовали, чтобы в гарнизонном Исполнительном Комитете обязательно были представители партии большевиков.

Здесь я должен отметить два характерных явления того времени: с одной стороны, вся масса солдат в целом была безусловно за программу большевиков, но, с другой стороны, недостаток хороших и стойких активных военных работников и руководителей, хотя бы по одному на каждый полк, неналаженность связи с местным партийным центром, отсутствие согласованного плана действий,—все это приводило к тому, что масса оставалась только массой; на митингах и общих собраниях она была безусловно сильна, и требования ея принимались; но когда дело доходило до узкого обсуждения и организованного проведения в жизнь этих требований, тут то все и проваливалось, потому что весь командный состав, за малым исключением 2—3 человек, был безусловно контр-революционный, поддерживал эс-эров и меньшевиков и часть из солдатской среды, особенно из 249-го полка, где был мелко-буржуазный собственнический элемент, был против лозунгов большевиков. Эта вторая группа, хотя и незначительная по сравнению с массой рабочих и солдат, но как более хитрая и способная на какую-угодно подлость в интересах собственной корысти, была между собою спаяна. И ей хорошо удавалось закулисным путем разрушать наши планы и ставить нам палки в колеса; проще говоря, они были сильны нашей слабостью.

Это выразилось и в том, что они сумели все таки нахально и самозванно протащить свое большинство в гарнизонный Совет, не выдать мне мандата на с'езд Советов в Петрограде. 11-го октября им удалось меня арестовать и продержать до 21-го октября. Лишь на катеторическое требование всего гарнизона и под угрозой солдат пустить штыки в ход меня освободили. Насколько эта публика низка, подла и коварна, можно судить по следующему факту. За 2—3 дня до моего освобождения я подавал заявление генералу Черноярову (начальнику гарнизона), требуя освобождения, согласно постановления Совета, о чем я знал чрез камерного надзирателя тов. Гурвича. В ответ на мое заявление меня вызвали в кабинет, любезно обещали освободить, если я распишусь, что на требование следователя сам явлюсь, если это потребуется. Я, не подозревая ничего, с одной стороны, а с другой, желая скорее вырваться к своим товарищам-солдатам, подписался, что по первому требованию судебных властей, явлюсь сам. Эти же господа использовали этот момент иначе; меня все-таки не освободили, а когда 21-го октября полковая делегация меня почти силой вырвала из их рук, то они, дабы подорвать мой авторитет и в глазах гарнизона, и в глазах партии, пустили провокационный слух, что я якобы дал обещание ставить их в известность о планах партии. К сожалению, некоторые члены партии вначале поверили этой гнусной провокации; правда, после тщательной проверки выяснилось, что это ложь, но все же некоторое время мне было тяжело работать и переносить незаслуженное недоверие, было больно.

За время моего ареста в полках произошли довольно крупные перемены: сюда слетелись золотопогонники с Войскового Круга. При помощи местных соглашателей удалось им расколоть умы солдат, часть распустили по домам в отпуск, часть отправили маршевыми ротами, часть запугали. Остались верны революционным заветам все же часть 255-го полка и нестроевые команды прочих полков. Но эти остатки, по своей сравнительной малочисленности, уже серьезного революционного авангарда, как боевая сила, не могли представлять. По-

этому генерал Потоцкий и дерзнул так смело приехать прямо в Ростов и нахально требовать полного подчинения ему всего гарнизона, а главное, отдачи ему боевых запасов с артиллерийских и пороховых складов. Это было в последних числах октября. Интересно еще то, когда Потоцкий приехал в Совет, у нас как раз было заседание гарнизонного комитета. Тут-то и сказался весь лакейски-рабский дух у наших „революционеров", членов к-та: при появлении Потоцкого все, как один, встали; остались сидеть только нас двое. Зато после ухода Потоцкого нам было заявлено председателем (прапорщиком 249 полка), что все-таки он генерал и мы должны быть поэтому вежливыми. Это говорил человек, называвший себя членом парти соц.-рев., и председатель солдатского Совета в революционное время. На замечание мое при Потоцком нашему председателю, что вопроса о допущении казачьего караула к пороховым погребам мы решить не можем без Военно-Революционного комитета (который в это время был только что сконструирован), председатель ответил, что это не важно. Но тут всетаки еще несколько товарищей поддержали мою мысль и было решено внести вопрос в Ревком.

После этого, убедившись, что в Ростове революционная позиция, особенно в гарнизоне, слабеет, я, переговорив с тов. Васильченко, уехал на румынский фронт для выяснения настроения фронтовых частей. Кстати, как-раз приехала делегация от Ростовских маршевых рот, раньше ушедших на фронт, с наказом добиться моего освобождения и просить, чтобы я ехал с ними. В числе делегатов был тов. Меркулов, это был стойкий работник.

Выехал я из Ростова в первых числах ноября. По приезде в Бельцы, Бесс. губ., где стояли запасные прифронтовые части, я в тот же вечер побывал в 2-х биографах, где было много солдат и всем об'явил, что завтра будет митинг. Тут мне сообщили, что о митингах здесь нельзя и думать: есть приказ дежурного генерала, запрещающий всякие собрания. Но солдаты, знавшие меня, узнав, что митинг буду проводить я, об'яснили солдатам местного 22 полка и прочим мелким частям, которые жаждали, как воздуха, нового революционного слова, тем более от большевика; и в результате, к ужасу местных военных властей, на следующий день к 10 ч. утра в Бельцах—необычайное явление: вся громадная площадь запружена солдатами и любопытными обывателями.

Мне с трибуны видно было, как в задних рядах между обывательской толпой кое-где изредка поблескивали погоны, но ко мне никто не решался подойти с вопросом: „на каком основани и с чьего разрешения устраивается митинг", очевидно потому, что я, предупрежденный о запрещении, сразу категорически и определено заявил на митинге, что препятствовать митингам и всяким собраниям никто не имеет права, что, наоборот, право нам дано октябрьским петроградским переворотом. Солдаты здесь даже не знали о том, что в этот момент уже был назначен главнокомандующим тов. Крыленко.

В течение следующих дней был создан полковой комитет, повелась решительная компания за выборы местного Совета Раб. и Сол. Депут. После урегулирования до некоторой степени жизни и революционной работы здесь, я предполагал отправиться на самый фронт. Но ошеломленная в начале контр-революционная реакция постепенно начала оправляться и в свою очередь тоже действовать. Вскоре появились контр-агенты, начали провоцировать и проводит грабежи, погромы, развивать антагонизм против преобладающего там еврейского населения. Появился приказ о моем аресте с последствиями фронтовых

правил. В это время у меня не было никакой связи на предмет действий с партийными органами.

Обсудив положение с некоторыми товарищами, решили отправиться на Дон в Ростов, предварительно подготовив местный полк; по первому требованию из Ростова, немедленно двинуться на поддержку, если это понадобится. В конце ноября я, в числе 18 человек, уехал обратно в Ростов и спасся таким образом от ареста.

6 декабря приехали в Ростов ночью и тут только я сразу увидел печальную картину: Ростов уже в руках кадетов и юнкеров.

Товарищам моим, как не активным, сошло все гладко, меня же сейчас сцапали и с места в карьер препроводили в Новочеркасск, в новую тюрьму. Просидел я там в ожидании суда до конца февраля 1918 г. Но это был конец и моему заключению и царству Каледина, т. к. в это время к Ростову уже подступали доблестные отряды питерских красных орлов с Трифоновым и армия Сиверса.

Т. А. Власенко.

Рассказ бывшего солдата. *)

Я был рабочим и в тоже время находился в гарнизоне в 252 запасном полку. И вот после займа свободы мне приходилось проводить свою линию среди солдат. Будучи председателем в роте, я должен был некоторых товарищей направлять и разоруживать. После этого займа свободы мне приходилось работать на заводе на 25-й линии. Раньше, когда было наступление Корнилова и было воззвание о записи в Красную Гвардию, я приглашал вооружиться всех товарищей, знающих военный строй. Мы собрались на Софиевской площади, чтобы получить оружие. В тот момент меньшевики и эс-эры, бывшие в полку—Нудельман и др. и находившиеся в „Комитете спасения", передали солдатам, что будто-бы рабочие возле Софиевской площади собираются отнять у гарнизона оружие. Мы послали к солдатам представителей спросить, дадут ли они оружие, но Нудельман заявил, что солдаты оружия не отдадут. Сборным пунктом был театр „Марс" (теперь имени Максима Горького). Мы постановили и солдаты обещали, что если нужно будет, то они дадут оружие. После этого я пошел опять в роту. Я был 17-й роты председателем. Партийный Комитет постановил сделать демонстрацию и подсчитать свои силы. Когда эту демонстрацию стали устраивать, я был председателем и работал в польской секции партии. Когда мы стали учитывать военные и рабочие силы для демонстрации, то в тот момент я назначал на разные посты и караулы солдат, так как офицеры относились „хладнокровно" к своей работе. Они чувствовали, что что-то делается, но не знали, что будет. Мне пришлось в этой демонстрации быть за вестового. Не помню точно числа, но перед этой демонстрацией издают приказ по полку, чтобы вооружить известные роты по полкам, так как будет демонстрация „большевистских банд". Так как дежурный спал, то я подошел к телефону и стал слушать: „передать от генерала Черноярова". Я прослушал телефонограмму и хотя не писал, как малограмотный, но понял. Писарь отпечатал и дал мне разносить всем командирам полка. Я с этой телеграммой направился в Ротонду дать прочесть Партийному Комитету. Прихожу туда, а там заперто. Я и

*) Стенограмма речи, произнесенной на „вечере воспоминаний" в Нахичеванском Партийном Клубе 9 сентября 1922 года.

двери ломал, но ничего нельзя было добиться. Мне не удалось туда передать. Передал командирам, но не всем. Потом я прибежал в полк, разнес по всем ротам. В 252 полку были назначены для вооружения учебная и 12 рота, но они не согласились и ни одна рота не выступила, а постановили выступить с большевистской организацией. Тогда весь Ростовский гарнизон выступил совместно с большевиками. Мы, не имея с собой офицеров руководителей, зашли на Пушкинскую 66, к старому командиру полка и заставили его вести нас.

Когда был организован наш Военно-Революционный Комитет, в котором мне приходилось держать связь от 252-го полка, от нас был еще один рядовой Замковой, а от 255-го полка—Ефименко. От других же полков раньше не было, так как Нудельман и другие были ярые меньшевики, которые вели ярую пропаганду против большевиков. Когда мы узнали, что офицерство и полковники не идут с нами, Военно-Революционный Комитет постановил, что мы должны сами вооружиться.

Когда я в роте узнал, что было нападение на Совет, мы наладили учебную команду, которая была надежна, так как она была вооружена. В роте у нас на 250 чел. было только 15 винтовок, а учебная команда была вооружена, так как она обучалась. Мы наладили ее для охраны Совета. После этого я узнал, что убиты некоторые товарищи. Мы экстренно созвали заседание полкового комитета и немедленно решили вооружить всех. Вооружение у нас было очень плачевное и мы занимались вооружением целый день (воскресенье и ночь). Революционный Комитет издал приказ, чтобы все офицеры были возле своих рот. Мы, не имея надежных офицеров, стали выбирать командиров полков. Наш старый командир чувствовал свою слабость и назначил другого. Но этот заболел и назначил третьего, а третий—четвертого. И когда был издан приказ, то у нас в комнате командира полка поселились все четыре командира. До 7 часов мы не уснули и были вооруженные. Всем солдатам были розданы патроны.

Когда приехал юнкерский эшелон и рассыпался цепью и начал давать по нас залпы, офицеры не остались ни в одном полку, так как об этом прекрасно знали. Они до того стали говорить, что просидели ночь и надо отпустить домой и стали меня уговаривать, чтобы шел домой. Я отпустил их, но затем вдруг слышу залп. Откуда и что мы не знаем. У нас в 17-й роте люди были без пальцев, слепые, глухие, самые бедовые люди воевать и перепугались: „что нам делать"? Я говорю: „ложитесь", У нас был один унтер-офицер, который решил узнать, откуда стреляют. Мы пошли на Собачий хутор и узнали, что цепь лежит по канаве в два ряда, начиная от хутора и на Софиевском кладбище. Была налажена связь между председателями рот, чтобы, пока мы вернемся с разведки; взялись за оружие. Если же, в крайнем случае, нам будет плохо, можно будет отступать по всему Ростову. Прийдя с разведки, мы стали уговаривать солдат, что можно сделать наступление, начиная от Собачьего хутора, чтобы выйти им в тыл, и начали наступление. Когда 17-я рота вышла (человек 20—25) в канаву против Собачьего хутора и дали залп и крикнули „ура", то белые перепугались и стали отступать. Мы по канаве их начали бить, а остальные части очистили тогда Софиевское кладбище. Этот бой был тогда у нас неорганизованный: не имея ни одного командира полка и ни одного офицера, наша рота оказалась в 249-м полку. Ни одного полка не было, чтобы в них была рота ротой и взвод взводом. Когда угнали мы их на ту сторону рощи, стали прибегать рабочие и получилось недоверие у рабочих: мы заняли ту сторону рощи, а рабочие

бегут, не знают этого и давай стрелять. Тут мы осмотрелись, стали некоторых рабочих разоружать и держали фронт до вечера на полустанке. Потом нам удалось окружить и разбить этих кадетов, от которых наши солдаты воспользовались конфектами, колбасой и пр.

После этого начали держать фронт более организованно: привели своих офицеров, своего полковника. И что же от этого фронта получилось? Когда мы этот фронт держим, а нашим солдатам приносят приказы, издаваемые белогвардейцами и разносимые меньшевиком Васильевым прямо по ротам. Принесет и прямо говорит: „что вы стоите здесь? Каледин издал приказ и расходитесь по домам". Мы, с своей стороны, говорили, чтобы не подчинялись этим приказам, что у нас есть Военно-Революционный Комитет. Тут приходилось очень трудно держать фронт, и вот кто слушал нас, стоял на фронте, а другие уходили и говорили: „чего ты стоишь на фронте, пойдем лучше попьем чаю". Мы тогда отправили своих парламентеров (был кажется Нудельман и др.) в Александровку. Оттуда являются и говорят, что дело плохо и что надо сдаваться, так как если не сдадимся до 12 часов, будет плохо. Некоторые побоялись, но другие решили еще бороться. Держимся.

На другой день мы еще не были разбиты, но после этого началось наступление. Мы опять собирали полковой комитет, который заседал в бараках.

В тот момент учебная команда хоронила нашего солдата убитого на фронте. Когда они обошли в круговую, то дали залп. Кругом кладбища их окружили белые и, когда наши солдаты дали залп, те стали стрелять по солдатам. Учебная команда бросила непохороненного солдата, прибежали в полковой комитет и говорят, что их окружили и не дают похоронить. Офицера говорят: „берите оружие и идем отбиваться". Мы знали, что ничего не получится и сказали, что берите вы оружие и идите воевать, так как раньше вы все время отговаривались, а теперь хотите воевать. Они выскочили, увидели белых, взяли платки на палочки и пошли встречать.

Я сам бросил винтовку, увидя казаков. Я с ними прошел по Большому проспекту и отправился в „Марс", чтобы передать нашим что наш гарнизон пропал, но там никого уже не было. На границе была устроена баррикада красногвардейцами. Я им сказал, чтобы они убирались со своими винтовками дальше, но они стали ругать меня, как провокатора. Но я сказал им, что их тут могут схватить, и они, когда увидали, что, действительно, идут казаки, побросали винтовки в Дон.

Когда я пришел домой, то у меня был обыск. Спрашивают: „винтовка есть?" Говорю: „была, а теперь нет". Говорят: „кто ты?" Говорю: „солдат 252-го полка". Спрашивают: „что-же ты не воюешь, и куда дел винтовку"? Я говорю, что сдал. Меня ротный потом арестовал, держал под своим арестом целую неделю. Всех распустил, а я был арестован. Он добивался, партийный я или нет, но ему не удалось добиться этого. Потом он выдал мне документы, и я ушел.

А. Гродский.

Из воспоминаний бывшего меньшевика.

Ростов 25 октября . . . . 6 часов вечера. На улице сыро и туманно. Около Совета толпятся рабочие, солдаты и просто обыватели.

Идут разговоры о наступлении Каледина на Ростов. То там, то здесь завязывается спор рабочих и солдат с меньшевиками.

Я спешу в театр „Марс“ и пробираюсь сквозь толпу на заседание фракции меньшевиков.

В небольшой комнате фракции меньшевиков толпится человек 30 членов Совета. В комнате темно, накурено и чувствуется подавленность. Лидер меньшевиков Б. С. Васильев старается ободрить и поддержать настроение, в особенности среди рабочих, примыкавших тогда к меньшевикам. Рабочие смотрят невесело. Болит их пролетарское сердце. На вопросы Васильева они что-то цедят сквозь зубы и глядят исподлобья. В сборе все лидеры меньшевиков.

Идут доклады с мест, т.-е. с фабрик и заводов. Председательствует Васильев.

— Как у вас, в „Аксае“?—спрашивает председатель.

— Хорошо,—докладывают с мест.—Надеемся, что рабочие против Каледина не выступят.

— Какое настроение у вас?—спрашивают у Калмыкова.

— Отличное. Мои милиционеры хоть сейчас в бой с большевиками...

Глаза у лидеров сверкают, они многозначительно переглядываются между собою. Рабочие же бросают на Калмыкова презрительные взгляды.

Дальше что-то неблагополучно. Настроение у лидеров падает. Все ждут чего-то и часто посылают навести справки, скоро ли кончится заседание.

Оказывается, что фракция меньшевиков командировала в бюро фракции большевиков Эрлихмана для переговоров о роли меньшевиков в деле борьбы с нашествием Каледина. Наконец, давно жданный делегат появляется в дверях и за ним семенят несколько курьеров из меньшевиков. Все взоры обращены на него. Его закидывают отрывистыми вопросами: как?... что?... в каком положении дело? Лидеры стараются сохранить спокойствие. Васильев призывает к порядку и предлагает Эрлихману сделать доклад.

Эрлихман, волнуясь и спеша, с возбужденным лицом, докладывает:

— „Революция в опасности. Воинские части Каледина с артиллерией двигаются на Ростов со стороны Аксайской станицы. Необходимы срочные меры к отражению врага. Надо поддержать большевиков. Большевики уже принимают меры. Идет запись в отряды. Назначаются руководители. Нам бездействовать нельзя, ибо рабочие будут считать нас предателями дела революции“...

Васильев прерывает речь Эрлихмана вопросом:

— „Какой ответ вы дали фракции большевиков?“.

— „Я ничего не обещал, но они ждут ответа по этому поводу фракции“.

Выступает Васильев и произносит свою обычную иезуитскую речь, что, дескать, нужно сперва выслать парламентеров для переговоров, нельзя проливать кровь, да и воинские части в г. Ростове сдадутся немедленно и участия в сражении не примут (это хорошо было известно лидерам, ибо они разложили части и подготовили их к сдаче оружия). В крайнем случае, наше дело—сторона. В крови мы неповинны и благополучно можно умыть руки. Далее выступает Локерман, Гурвич, Петренко и опять Васильев и опять Петренко и т. д. и затуманивают головы представителям рабочих.

В результате резолюция и ответ большевистской фракции, что активного участия мы в борьбе принять не можем, так как не знаем программы Каледина и так как по этому поводу с ним переговоров не вели, а посему предлагаем выслать парламентеров для переговоров.

Заседание фракции закрывается.

Так в Ростове совершается предательство рабочего класса меньшевиками.

Все идут на историческое заседание Совета, на котором должны присутствовать приехавшие на помощь Ростовским рабочим из Севастополя моряки...

Н. Фурсов.

Октябрь в Ханжонкове. *)

На Юго-Востоке, в частности на Дону, значительную роль в революции играли горнорабочие.

В то время Донским Окружным Бюро партии я был командирован в Макеевский округ. ответственным организатором. Будучи секретарем профсоюза, я должен был заняться, главным образом, организацией рабочих, настроенных большевистски. Я был около ст. Ханжонково, где разбросано ряд рудников. Еще в сентябре фактически всей жизнью, как политической, так и хозяйственной на этих рудниках руководили сами рабочие. Эти рудники назывались „анархическими". Анархистского, в собственном смысле этого слова, там ничего не было, но рабочие совершенно не подчинялись никаким распоряжениям Временного Правительства, администрацию забрали в руки, и меньшевики окрестили такое управление анархическим. На самом деле это была кипучая самодеятельность рабочих, предоставленных самим себе. Там не было ни опытных партийных, профессиональных работников, не было и промышленных организаторов; администрация спасовала, делала то, что приказывал Совет. Отсюда следовало, что лозунг, „Власть Советам" был жизненным, — власть находилась в руках Советов. Те Советы не представляли собою таких организаций, где бы главенствовали большевики, однако на некоторых рудниках представители эс-эров и меньшевиков шли по течению за рабочими и лишь изредка вспоминали свою оффициальную линию. У нас в Ханжонкове председателем Совета был тоже эсер, но вел политику нашей партии. Членами нашей партии были только пред. профсоюза и еще несколько человек. Нужно было браться за создание организации. В течение двух недель работы нам удалось набрать членов нашей партии до 400 человек. Дальше нужно было связаться с другими рудниками. Было два отдельных совершенно не связанных между собой рудника: „Бурос" и „Ясиновский".

На Ясиновском руднике, верстах в 7 от Ханжонково, в балке и подавно жизнь текла по своему собственному руслу. Там 3 наших товарища, довольно опытных организаторов, сформировали отряд красной гвардии, привезли оружие и человек 400 обучили. Вместе с организацией нашей партийной работы, с работой в рудничном комитета и в самом Совете, необходимо было на первых порах, в силу той ситуации, которая имелась, браться за подготовительные мероприятия по организации красной гвардии. Это было основной целью

*) Стенограмма речи, произнесенной на „вечере воспоминаний" в Ростовском партийном клубе 29 сентября 1922 г.

нашей посылки сюда. Уже в первых числах октября, после партийной конференции в Ростове, нами на митинге был поднят вопрос (все вопросы разрешались на митингах Советы здесь представляли собой тоже митинги) о красной гвардии. К этому времени связь с другими рудниками была налажена и была образована нечто в роде оперативной комиссии, которая должна была руководить обороной, если-бы Макеевский казачий гарнизон попробовал сделать на нас нажим. На Ясиновском руднике работали т.т. Вишняков и Соколов. Таким образом, на этих рудниках организационная работа велась довольно успешно. 1-го октября в Ростове была партийная конференция, на которой коренной вопрос о власти Советов разрешился в положительном смысле. Вернувшись в Ханжонково, мы сейчас же поднялли перед Макеевской организацией вопрос о более широкой подготовке вооруженных сил. Были посланы товарищи для покупки оружия. Это было в последних числах октября. Приблизительно 10-го ноября в Ростове происходила конференция профсоюзов. Здесь вопрос о власти Советов ставился тоже прямо. Представитель меньшевиков, Гросман по старому говорил об авантюризме лозунга: „Вся власть Советам". Но положение наше было среди рабочих прочно и, вернувшись в горные округа, мы были твердо уверены в том, что в схватке с Временным Правительством мы победим, нужно было обратить внимание на подготовку реальных сил, которые должны были сыграть решающее значение. Я лично настаивал на том, чтобы здесь в Ростове до тех пор, пока не будут подготовлены рабочие рудников, никаких выступлений не было. Разумеется, такое выступление здесь кончилось бы разгромом. Кончилось ли бы оно разгромом в другом случае — трудно сказать, но с теми силами, которые были здесь, иначе быть не могло. Когда мы занимались подготовкой боевых сил, получены были сведения о том, что в Ростове начались бои. 2.000 винтовок только-что были привезены в Ханжонково и розданы рабочим. Это было 1-го декабря. 2-го декабря мы получаем сведения, что Ростов пал и наши силы должны были быть направлены в другую сторону. Мы отступаем в Никитовку, так как знали, что теперь казачество направит свои силы на нас. Значение нашего района увеличивалось, однако мы должны были подумать о том, как-бы наше выступление не привело к такому-же результату, как выступление ростовских рабочих. На ст. Никитовка мы организовали наскоро штаб и направились в Белгород, чтобы привести оттуда в Донскую область отряды. Часть рабочих была выведена из Ханжонково и помещена на отдельных рудниках Горловского района. В промежуток между парт. конференцией и привозом оружия в Ханжонково мы деятельно готовились к забастовке. Причиной, побудившей нас браться за испытанное средство рабочих, послужила неожиданно вспыхнувшая стачка на Должанских рудниках, руководимая неким Переверзевым, впоследствии убитым казаками. Мы созвали в Макеевском районе конференцию, и вопрос о забастовке у нас разрешился несколько иначе: на этой конференции большинство было меньшевиков и резолюция была вынесена компромиссная. Всего присутствовало человек 40. Эта резолюция прошла большинством одного голоса. На этой конференции мы встретились с начальником гарнизона Чернецовым, впоследствии знаменитым калединским бандитом. Он выступал в защиту Каледина и говорил долго о нем, как о человеке, перед которым необходимо преклоняться, что всякие выступления, неуважительные отзывы о Каледине он будет пресекать в корне. Все-же в это время он старался еще быть сдержан-

ным. Вернувшись в Ханжонково, мы образовали стачечный комитет и энергично готовились к забастовке. Чернецов между тем тоже не дремал и, усилив Макеевский гарнизон, стал посылать раз'езды на наши рудники, а затем добился того, что и в Ханжонково поставили охрану, взвод казаков. Они были распропагандированы и ушли. Другой взвод тоже пришлось снять. Тогда Чернецов сделал налет на Ханжонково, но уже с партизанами. Он ворвался в Совет, разогнал его—пока без жертв и опять оставил здесь гарнизоном взвод казаков и несколько человек кадетов и юнкеров. Взвод этих казаков был тоже распропагандирован, сел в вагоны и уехал в Иловайскую, оставив лишь караул около каких-то вещей. Кадеты и юнкера напали на этот караул и застрелили стоявшего на посту казака. Казака рабочие похоронили и собрали денег семье. Это сближало казаков с рабочими и озлобляло против офицеров. Дело дошло до того, что однажды, вновь присланные казаки, повздорив из-за караула, набросились на офицеров, избили их и были отведены в сотню. Конечно, так продолжаться не могло и на смену распропагандированным казакам послали юнкеров, а вооруженные рабочие должны были бежать в Никитовку.

Из Белгорода отряды нам вывести не удалось, а пришлось ехать в С. Только оттуда с отрядом питерских рабочих мы прибыли в горные районы и в декабре месяце сформировали первый Красной гвардии Донецкого бассейна полк, командиром которого назначен был некто Шимановский, приехавший из Москвы, а начальником штаба я.

30 декабря мы повели наступление на Ханжонково.

До того, как пришли отряды из Питера, мы много перенесли мытарств: рабочие Ханжонково за месяц столько хватили голода и холода, что и теперь удивляюсь, как они тогда могли все это перенести. В этот же период был организован в Никитовке Революционный Комитет Донецкого Бассейна, куда от нас, насколько мне память не изменяет, от Макеевского района входили Митрофанов, Рябцев, и Хилков, а от других районов наиболее деятельными были Харечко и Глузман. В Никитовке же я в первые встретился и с т. Жлобой, с которым собирали пулеметы и который затем был нами послан с 480 красногвардейцами ясиновцами к Егорову в Лозовую, а оттуда с Муравьевым в Киев.

Таким сбразом, октябрьские события в горных округах были растянуты на три месяца. Работа этих дней носила еще неоформленный, но напряженный характер; уверенность была полная, хотя много людей топталось на месте, чем мешали рабочим в их первоначальных схватках. Однако рабочие шли прямо к намеченной цели. Перестрелка их только подзадоривала, заставляла искать правильных организационных форм, стягивать свои главные силы. Это-же время было богато и поисками форм руководящих организаций. С'езды, конференции, штабы—все носило характер кипучей жажды боя, а с громом прохоровских пушек наши силы приняли боевую форму,—построились в баталионы. Началась гражданская война классов.

А. Фролов.

Октябрьская борьба в Миллеровском районе.

Должен сказать, что октябрьская революция в Миллеровском районе, о котором я буду докладывать, началась в начале января 1918 года. В сентябре после того, как Корнилов поднял мятеж, Каледин подтягивал все силы на Дон. Конечно, здесь была заранее подготовленная планомерная работа и все те места, как Миллеровский район, где Донская область соприкасалась с Харьковской и Воронежской губернией, и, главным образом, Донецкий округ были сосредоточением войсковых частей. В самом Миллерове был штаб одной дивизии. Здесь, помимо штаба дивизии, находился 35-й казачий полк, состоявший из хоперских казаков. Хотя в то время я еще не был в большевистской партии, но работая с апреля месяца в военных организациях, я разделял точку зрения большевиков и принимал участие в Совете Миллеровского района. К концу сентября 35-й полк, имея в своей среде революционно настроенных казаков и будучи тесно связан с организацией партии большевиков (других организаций среди рабочих Миллерово не было) совместно работал с рабочими в ячейке Миллеровского района. Полк был настроен лояльно и, несмотря на то, что атмосфера была наэлектризована, ибо после июльских событий рабочие и здесь были настроены большевистски, ими руководила местная группа нашей партии. Совет Рабочих Крестьянских и Казачьих депутатов пользовался большей популярностью среди Миллеровских рабочих, чем тот гражданский комитет, который дышал на ладан. Уже в середине октября гражданский комитет почти заканчивал свое существование и Совет Р. К. и К. Депутатов без особой борьбы почти фактически руководил работой. В момент переворота в октябре, здесь казачество 35-го полка было вполне на стороне совершившегося переворота, но здесь присутствовала руководящая головка дивизии и несколько иначе настроенных полков, стоявших в Тарасовке и в Глубокой, которые не давали возможности этим казакам совершить переворот. Но я помню, что с момента Октябрьской революции в центре, мы здесь себя совершенно свободно чувствовали, везде о ней говорили, были попытки организации власти Совета депутатов, хотя власть фактически он имел благодаря тому, что настроение казаков 35-го полка было на нашей стороне.

Нужно остановиться на событиях здесь после октября. Приехал один из видных генералов—Назаров. И вот на одном из казачьих собраний Назаров пытался договориться до чего-нибудь, чтобы найти какой-то выход без большой борьбы. Представительство от Каледина в лице генерала Назарова было не уверено, что казачество, стоявшее здесь, пойдет против наступающих из Чертково большевиков. На этом заседании не особенно большие группы кадетов пытались арестовать „зачинщиков" 35-го полка. Назаров приказал оцепить все собрание кадетам. Нам пришлось принять соответствующие меры: после того, как было арестовано собрание, нам удалось окружить пулеметной командой 35-го полка кадетов, которые арестовали собравшихся казаков. Часть кадетов была разоружена, часть убежала на Каменскую. Так мы избавились от присутствия кадетов, которые должны были взять власть. Нам пришлось взять власть в свои руки, ибо наличие 35-го полка как-будто этому не мешало. Я помню тов. Ерохина,

---

[1]) Стенограмма речи, произнесенной на „вечере воспоминаний" в Ростовском партийном клубе, 29 сентября 1922 года.

который все время держал связь с Советом. И среди офицерства были лойяльно относящиеся к событиям; это были товарищи Гранин и Семенов. Но когда настал решительный момент, Семенов оказался предателем и ушел в другую сторону. После неудачи Назарова была попытка наступать на Чертково, но и эта попытка не увенчалась успехом. Когда подходили к Чертково, казачий полк рассыпался. После этого полк был отозван в Глубокую. Мы имели и после связь с 35-м полком, который, находясь всецело под влиянием рабочей организации, на общем собрании решил не слушаться своего начальства и отправиться в свой Хоперский округ. Этот момент относится к концу декабря и началу января. Нами была здесь окончательно закончена та стадия борьбы, которая протекала в присутствии этих войсковых частей. Я должен отметить, что, как ни слабо были развиты рабочие, как ни слабо работала там организация, тем не менее, спайка рабочих была настолько велика, что при попытки Чернецова наступать по направлению к Миллерово, все рабочие взяли винтовки, выступили против него и он должен был отступить. Рабочие участвовали в октябрьских событиях как один, никакой агитации не было. Единственная партия, которая была здесь в зародыше—наша партия настолько соединяла рабочих, что они дружными усилиями выступали против Чернецова. После того, как он вынужден был отступить от Миллерово, мы пытались произвести мобилизацию. Правда, она закончилась не особенно успешно, вследствие того, что солдаты, в том числе даже революционно-настроенные, стремились вернуться домой. Но многие явились к нам по призыву охотно. Однако, когда пришлось поставить их перед лицом новой войны, масса солдат из крестьян, возвращавшихся с фронта не охотно шли на борьбу, и мы призывали только тех, кто умел носить оружие и добровольно и сознательно шли с нами. Нужно сказать, что Каледин в это время еще до октябрьской революции усиленно заселял этот район казаками, среди которых было недоверие к крестьянским массам.

Д. Черепашенко.

Октябрьская революция в Морозовской.

Население станицы Морозовской по социальному составу слишком пестрое. С одной стороны, казачество, с другой стороны, иногороднее население, которое состоит из крестьян, батраков, рабочих и служащих депо и станции железной дороги. По количеству иногороднее население превышает количество казачьего населения.

С момента февральской революции в Морозовской организовался Исполнительный Комитет, который, главным образом, обслуживал иногороднее население и очень часто предъявлял требования станичному атаману о передаче ему власти, на что получал отрицательные ответы. Вплоть до организации власти Советов в Морозовской существовало двоевластие.

По мере того, как в центре разгоралось революционное движение в сторону захвата власти Советами, рабочие и крестьяне, получая через железнодорожников те или иныя сведения о центре, организовались и подготовляли сами себя к столь важной работе по борьбе с кконтр-революцией.

В последних числах августа 1917 года Каледин, об'езжавший в то время станицы Донобласти возвращался из поездки через Морозовскую. В это время, по распоряжению Временного Правительства,

за ним устраивались погоня из Царицына: вслед за его поездом, который отправлялся из Нижне-Чирской был пущен поезд с охраной, коему была дана задача преследовать и изловить Каледина. На основании этого Царицын запросил Морозовскую, возможно-ли сделать остановку поезда в Морозовской, где и захватить Каледина. С Морозовской был дан ответ, что поезд задерживать в Морозовской нельзя, потому, что возникнут, недоразумения; и было предложено остановить поезд на полустанке в 20-ти верстах от Морозовской. На полустанке поезд был задержан, и в момент стоянки поезда под'ехали два автомобиля, на которых и ехал станичный атаман Иванов, который задался целью разыскать Каледина и скорей отвести в Новочеркасск. Автомобили остановились, надеясь на то, что вагон Каледина находится в составе поезда и поэтому Каледин тоже должен быть. В это время под'ехали царицынцы и немедленно арестовали эти автомобили, а после, просмотрев поезд, все же Каледина не нашли.

После выяснилось, что Каледин нелегальным образом остановился в Морозовской, откуда и добрался до Новочеркасска. Станичного атамана Иванова вместе с другими арестовали, и отправили в Царицын. Все были в надежде, что он больше не возвратится, но через некоторое время Иванов возратился обратно и уже, чувствуя себя свободным, он проделывал все, что ему хотелось и неуклонно проводил все директивы Каледина.

Благодаря близости красного Царицина мы имели хорошую связь, которую старались поддерживать сами же царицынцы. После октябрьской революции они присылали своих товарищей для той или иной работы в Морозовской и снабжали нас большевистской литературой. Помимо получения газет или брошюр, нами добывались газеты у пассажиров, главным образом, мы добывали газеты „Борьба", издаваемые царицинским Советом. Получая эти газеты, группа товарищей прочитывала их вслух, собирая вокруг себя в зале вокзала порядочное количество граждан и, помимо чтения, также вели устную агитацию. Главным образом, такую работу вели товарищи Моисеев Алексей, Капустины (старик и его сын). С одной стороны влияла наша агитация, с другой стороны, проходящие эшелоны войск революционизировали беднейшую часть населения, доказательством чего служил следующий факт. В ноябре месяце в Морозовскую прибыл эшелон солдат. Солдаты из этого эшелона, гуляя по платформе, заметили полковника Попова, который находился в офицерском мундире с погонами. Они окружили его и один из товарищей в вежливой форме предложил полковнику снять погоны, но полковник категорически отказался и с руганью заявил: „Я, как офицер, не позволю порочить имя офицера и поэтому погон я не сниму". А сам в это время, вытащив из кармана браунинг, гордо заявил: „Разойдись, а то стрелять буду", и, отошедши назад он быстро ушел с вокзала. Но находящаяся здесь рабочая молодежь и солдаты с эшелона, взяв винтовки, последовали за ним. Все же полковнику удалось пробраться к себе на квартиру, которую сейчас же окружили, и от публики был послан к нему на переговоры один из товарищей. В ответ на предложение этого товарища полковник Попов открыл стрельбу и тем самым вызвал стрельбу со стороны окруживших его дом. Перестрелка продолжалась около часа и прекратилась благодаря прибытию на место происшествия товарища Зеленского Х. А., бывшего в то время директором коммерческого училища, который по прибытии успокоил толпу собравшихся, сам пошел на переговоры к полковнику. И через несколько минут он вышел вместе с полковником, который, сняв погоны,

низко раскланиваясь, извинился перед публикой. После этого публика, успокоившись, разошлась. Попов в 1918 году был расстрелян). После этого факта было заметно, как рабочие и крестьяне стали подготовляться к организации Советов. Декабрь месяц фактически являлся как бы подготовительным периодом к установлению Советской власти в Морозовской.

К созывавшемуся в Царицыне с'езду на 4-е января Морозовцы, собравшись в небольшем количестве, послали своих представителей на этот с'езд. Одним из этих представителей был товарищ Капустин (большевик). И на созывавшийся 7 января в Воронеже с'езд железнодорожники ст. Морозовской также послали своих представителей.

По приезде делегатов из Царицина и из Воронежа, в пакгаузе при железной дороге было созвано общее собрание, на котором и был заложен фундамент Советской власти в Морозовской. На этом собрании была выделена комиссия в составе 14 человек, которой было поручено подготовить все, что требуется для организации Совета, и представить план на следующем собрании, которое и было через неделю. На этом же собрании был окончательно избран Совет, который приступил к своей работе.

С этого момента фактически началась революционная работа морозовцев, которые в течение короткого времени организовали и укомплектовали полный состав дивизии, насчитывавшей до 20-ти тысяч красноармейцев, которые стойко отражали врага на протяжении всей гражданской войны.

К. Беденко.

Перед Октябрьской революцией в Азове.

До октябрьской революции я был единственным выразителем большевистской мысли в г. Азове.

Желая создать революционное бродило, я действовал путем распространения большевистской литературы, которая издавалась в Ростове, а самое главное стремился активно действовать в гуще заводской массы путем бесед.

Но работать приходилось трудновато, ибо рабочий класс Азова (не промышленного города) был слишком незначителен и мало сознателен. Вспоминается один характерный эпизод. Я вел агитацию против империалистической войны, за что был жестоко избит грузчиками, по инициативе некоего Дробянкина, который впоследствии сознал свою ошибку. Он понял значение и роль нашей партии, сам стал в ряды ее активных работников, был членом Азовского Ревкома и впоследствии погиб за коммунизм в астраханских песках в 1918 году.

Постепенно революционное сознание росло.

Стали определенно вырисовываться физиономии врагов и друзей. Лидеры меньшевиков: Котелевиц (владелец пивного завода), Карасев (офицер), Васильев (владелец магазина), Макаровский (студент, впоследствии был повешен в Азове белогвардейским карательным отрядом) и другие начали проявлять некоторую активность. Опорой их был союз увечных воинов. Тяжело было действовать мне с товарищем Ботвиновым при выборах в Учредительное Собрание. Меньшевистские костыли (милиция почти целиком состояла из увечных воинов) всюду рыскают. И как только услышат, что голосуют за наш список, разгоняют выборщиков, запугивают, а то и арестовывают. Так проходили свободные демократические выборы в Азове.

Но все же большинство при выборах получил наш список № 5. Революция постепенно захватила даже такое стоячее болото, как Азов. Этому помог и продовольственный кризис, с которым городское самоуправление не могло справиться.

Возникли продовольственные беспорядки.

Толпа (главным образом, из женщин) захватила члена управы меньшевика Карасева, на голову надели ему мешок и стали водить по базару; так же проводили по базару его коллегу Макаровского, разорвав в виду базарных зевак все его бумажки.

Таким финалом закончилась эра меньшевистского управления г. Азова. К этому времени у нас уже было 18-ть членов партии.

Октябрь и ноябрь проходили под флагами организации наших сил. Создавался комитет большевиков и Революционный Комитет. В него вошли председателем тов. Сидошенко, заместителем его я, секретарем Пруданенко, казначеем Прядко, членами: т.т. Хлинов, Кваша, Петрушенко, Дробяшкин и Константинов.

Д. Дудас.

Казачьи части в октябрьской революции на Дону.

Присланный с германского фронта наравне со всеми другими казачьими частями на Дон, в это облюбованное вождями контр-революции место русской „Вандеи“ — 44-й Донской Казачий полк, в котором я состоял взводным офицером 1-й сотни, я испытал на себе все методы „убежденья“ Калединских агентов. Казачество 44-го полка, как и всех прочих полков северного отряда (5-я и 8-я дивизии), расположенного в северной части области на „Воронежском фронте“, не только не вступила в бой с большевистскими отрядами, находившимися у станции Чертково, но, наоборот, само пред'явило ультиматум Каледину о немедленном роспуске белогвардейских, юнкерских отрядов. Происшедшее в августе выступление Корнилова против Временного Правительства Калединским правительством замалчивалось по политическим соображениям, чтобы избежать митингования, разлагавшего части.

Явившись в 44-й полк, расположенный при станции Глубокая, Каледин на полковом кругу держал речь о том, что Дон без России существовать не может, что Москва сердце России, что теперь в наступившее смутное время остаются одни лишь казаки, сплоченные в одну семью. Казаки должны об'единиться крепкими узами братства со своим командным составом. Кончил он тем, что призывал идти куда-то на выручку где-то дрогнувшей 11-й армии. После этого в интимной беседе с командиром полка, сетовавшим на полковые комитеты, как на помеху править полкам и твердой рукой, Каледин, слышал я, тихо сказал: „полковые комитеты как-нибудь сами упразднятся“.

О выступлении Корнилова старались молчать. Между тем одновременно с мятежом, по распоряжению Каледина многие казачьи части были снабжены боевыми патронами и были произведены какие-то стратегические передвижения. Связь Каледина с Корниловским мятежом, конечно, хранилась в тайне, и когда на августовском Большом Войсковом Круге хорунжий Мамонов от революционного 36-го полка смело указал на эту связь, то его с другими офицерами за большевизм приговорили исключить из казачьего звания. Такая же суровая кара постигла и под'есаула Кононова, который, несмотря на

постановление офицерского собрания 44-го полка, сделал в первой сотне, командиром которой он был, доклад о Корниловском мятеже.

Но шила в мешке не утаишь. Газетные сведения, устная передача ознакомили казачьи полки со смыслом выступления Корнилова и вызвали у них взрывы негодования: всюду полковые собрания выносили убийственные для реакционного казачества резолюции, клеймящие позором предателя Корнилова, а заодно с ним и Каледина, как его сообщника.

Не имея возможности вылить свою злобу на целые полки, Калединцы с особенной яростью набрасывались на казачьих офицеров, настроенных большевистски. Верные Калединскому правительству, члены Большого Войскового Круга, главным образом, из стариков „домовитого казачества" запугивали и терроризовали членов этого же круга, представителей от фронтовых частей, грозя за большевизм лишением звания казака и земельного паевого надела. Командиры полков на местах, помимо всякого рода административных взысканий, созывали сходы и умоляли, как это делал командир 44-го полка, мракобес—полковник Попов, стоя на коленах со слезами на глазах, не пускать к себе домой сыновей—большевиков.

Борьба с большевистскими казачьими офицерами достигла апогея, когда Каледин добился исключения из казачьего звания за большевизм целого ряда офицеров-большевиков казаков: войскового старшины Голубева, прапорщика Огрызкова, хорунжего Баландина, полковника Васильева, хорунжего Автономова, подъесаула Кононова, хорунжего Лопатина (из них, к сожалению, лишь один только хорунжий Автономов безоговорочно перешел на сторону большевиков; остальные опустили руки, Голубов даже оказался предателем). В сентябрьские и октябрьские дни 17 года положение „народников" (большевиков) было весьма тяжело при Каледине. Так, например, хорунжий Лапинин, редактор издатель социал-демократической газеты большевистского толка в станице Усть-Медведицкой, был убит темными казаками, науськанными Калединцами.

Я, как выступавший в 44-м полку в защиту Кононова и добившийся ряда постановлений от казаков полка о возвращении его обратно в полк, откуда он был удален за разглашение „тайны" корниловского мятежа, также начал подвергаться преследованиям. Сначала меня перевели из одной сотни в другую, чтобы вырвать у меня из под ног почву. Затем я был назначен помощником заведующего хлебопекарней, отстоящей от полка на 60 верст, наконец, было постановление отправить меня на Румынский фронт, но это не могло осуществится, ибо большевики к этому времени заняли все выходы из Донской области, а казаки полка выбрали меня членом Большого Войскового Круга, который должен был собраться 1-го декабря.

Командиры полков для того, чтобы избавиться от большевиков, помогали им увольняться в бессрочный отпуск, даже целые группы казаков, участвовавших в империалистической войне, наиболее зараженных большевизмом, но слишком однако уставших от тягот военной жизни, удаляли таким же образом из полков, в которых командировали казаков, не зараженных еще большевизмом. Так произошло с 36 полком, где был тов. Автономов. Этот полк просто соблазнился прелестями рождественских праздников, жаренными гусями и постельными перинами и разошелся по домам. Таким образом, Калединское правительство старалось отделаться от революционных частей. В это же время Калединское правительство принимало все усилия, чтобы сагитировать казаков против большевиков.

Темное в политическом отношении казачье население запугивалось агентами Каледина, которые рисовали большевиков, как звероподобных чудовищ. Для подтверждения таких отзывов о большевиках нередко выпускали на полковое собрание офицеров, прибывших из советской России. Но казаки не придавали этим рассказам никакого значения. Каледин рассыпал по всем уголкам Дона лучшие ораторские силы; в полки посылались дипломированные присяжные поверенные. Бывший преподаватель коммерческого училища, пр. пов. Знаменский приехал для агитации в место расположения 35-го и 44-го полков. Против ожидания он встретил со стороны казаков далеко не теплые отношения. Его поймали и арестованным привели в полковой комитет, председателем которого я состоял. Увидев меня с благообразной физиономией, он подумал, что, вероятно, я одного с ним духа. Я успокоил его, распросил, в чем дело, и он откровенно сказал, что Каледин послал его агитировать. Он сказал лишь несколько безобидных слов и теперь он просил спасти его. Все эти агитаторы из офицеров, юристов и генералов мало помогали Каледину, и революционность казачьих частей росла стихийно.

У Каледина в руках был единственный козырь, которым он надеялся что-либо сделать; это—Войсковой Круг. Он надеялся вырвать у Круга приказание двум полкам 45 и 48 безоговорочно наступать на подавление восставших рабочих, уничтожить существовавшие полковые комитеты и этим воссоздать власть офицеров, а также получить санкцию на переброску частей по своему усмотрению.

Были назначены по всей Донской области перевыборы в Большой Войсковой Круг, как среди населения, так и среди полковых казачьих частей. Борьба сторонников Каледина с большевиками была упорная. Подтасовка выборов среди населения агентами Каледина была проведена настолько тщательно, что туда попали почти сплошь представители черносотенного, т. е. домовитого казачества. Фронтовые же части, как политически более зрелые, всюду проводили на выборах в Круг исключительно революционно-настроенных казаков.

В октябрьско-декабрьские дни 1917 года казачьи части, находившиеся на Дону, были революционно настроены. Против большевистской Советской России Каледин их двинуть никак не мог.

И. А. Ермилов.

35-й Донской казачий полк в октябрьские дни.

Никогда казачество не давало таких трещин в своих закостенелых традициях, зацементованных царями и атаманами, как после октябрьской революции, когда от настоящей пролетарской свободы, буквально, захлебнулись все еще держащие под козырек наши политически неразвитые станичники.

Какой богатый материал был дан для работы казачьей мысли появившимися всюду большевиками со своими лозунгами о советах, земле, фабриках, со своими приказами о новом военном укладе, выборном начале и т. д. Заработала казачья мысль, как никогда. Появляются в полках доморощенные большевики, еще не имеющие никакого понятия о партийности, начинают разбираться в развертывающихся событиях, и таким образом вколачивают первый клин в неприкосновенность казачьих традиций и Войскового Правительства.

Заработали во всю вымуштрованные калединцы-офицеры по части удушения только что родившейся смелой большевистской мысли.

Почуяли волки, против кого идут большевики и со свойственной им наглостью не допускали организации полковых комитетов, или организовывали их из офицеров, разгоняли гарнизонные собрания, ссылаясь на приказ Каледина, причем многозначительно сообщали казакам, что вот 1-го Декабря собирается войсковой круг и все пойдет „по маслу".

Но небыло тогда такой силы, которая могла бы удержать развертывающуюся октябрьскую революцию. Некоторые казачьи полки, несмотря ни на какие угрозы и насмешки начальства, упорно проводили в жизнь начинания Советского правительства, устраивая чуть не ежедневные собрания и выковывая революционную мысль. Такая работа вызвала предвыборную дрожь войскового правительства.

3-ий войсковой круг приближался все ближе и ближе. В то время я служил в 35-м Донском казачьем полку, входившем в состав 8-й Донской казачьей дивизии, начальником которой был придурковатый генерал Попов. Дивизия была расположена по Ю.-В. ж. д. линии от ст. Чертково до ст. Каменская и соприкасалась в районе Чертково с отрядами большевиков, наступавшими на Дон. Непосредственное соприкосновение с большевиками имел 35 полк, оказавший революции колоссальную услугу. Я несколько уклонюсь в сторону, чтобы вкратце выявить настоящую физиономию полка. Я приведу несколько фактов, из которых ясно видно, как реагировал полк в серьезнейшие для революции и для него моменты:

1) Еще в марте 17 года при выборах на казачий с'езд в Петрограде полк заставил замолчать офицеров со своими отборными кандидатами, а послал своего представителя от нижних чинов полка, которым оказался я (в то время я не был еще на чиновничьей должности). Офицеры послали отдельно своего представителя полковника Рудакова.

2) При выборах в Учредилку около 700 записочек было подано за большевиков (из них 200 эс-эров) и только 300 с небольшим за казачий список № 4. Офицеры чуть с'ума не сошли, когда узнали о результатах выборов.

3) Во время корниловщины, когда офицеры открыто стали поносить Керенского и восхвалять Корнилова, полк занял враждебную позицию по отношению к Корнилову.

4) В момент Октябрьской революции, когда офицеры, только что ругавшие Керенского, стали восхвалять его, полк занял определенно большевистскую позицию, братаясь с большевиками на Чертковском фронте (в то время соприкасались с большевиками 4-я сотня, руководимая стойкими в выполнении заданий Полкового Комитета тов. Гавриловым.) В это время у нас открыто работал Полковой Комитет, все важнейшие оперативные задания решались на гарнизонных собраниях и вот тут-то у нас (любо вспомнить) происходили прямо баталии со штабом дивизии, расположенным также в Миллерово и участвовавшим на наших гарнизонных собраниях.

5) На одном из гарнизонных собраний нас окружили юнкера и студенты, присланные из Новочеркасска с целью арестовать за нарушение приказа Каледина о недопущении гарнизонных собраний. Получилась живописная картина. У входа в здание ощетинились штыки юнкеров и все выходы были отрезаны. Собрание наспех послало меня делегатом для переговоров к ним. Уходя, я дал распоряжение 2-м товарищам выпрыгнуть через окно во двор и немедленно привезти пулеметы и окружить юнкеров. Ведя переговоры с юнкерами, я видел как незабвенный наш революционер офицер тов. Черкесов суе-

тился, раставляя пулеметы кругом. Я немного горячился и закричал юнкерам: „вы сами хотите крови и, так вот, смотрите, что вас ожидает", я указал на пулеметы. Юнкера моментально разбежались. Миллеровские крестьяне помогали ловить их и разоружать. В результате один отряд был разоружен в Миллерово, а второй удрал на Тарасовку, где был разоружен стоявшими там казаками нашей дивизии...

Вспоминаю для примера одно из важнейших и бурных гарнизонных собраний, длившееся двое суток—это по поводу наступления на большевиков по приказу Каледина в районе Черткова. В качестве главного уговаривающего прибыл генерал Попов и весь штаб дивизии со множеством офицеров, а также все офицеры нашего полка.

Первым выступил ген. Попов с длинной, скучной, патриотической и нескладной речью; он говорил о „святом долге" казачества, о необходимости наступления на большевиков, доказывая необходимость только тем, что, мол, приказано Войсковым Правительством. Собрание вело себя очень возбужденно, кое-где даже чувствовалось, что оно ждет чего-то другого, это его не удовлетворяет. Выступили из штаба еще 2—3 офицера с такими же речами. Наконец, из президиума потребовали, чтобы выступил я (нужно сказать, что до этого мы уговорились, что я выступаю после всех ораторов). При первом моем слове водворилась тишина. Да и понятно. Все ждали разрешения проклятого вопроса, засевшего у всех в голове: „Как же быть с наступлением? Что скажет полковой комитет"? Я произнес речь, сущность которой сводилась к следующему: чтобы разрешить вопрос с наступлением на большевиков, нужно разрешить вопрос о том, что представляет из себя сейчас наше собрание. С одной стороны, мы, признавшие комитетский режим и вот офицеры, не признающие этого режима. Я думаю, что все наши казаки признают авторитет своего полкового комитета, а его мнение таково: что вся загвоздка наступления заключается в том, что Каледину не хочется потерять свою власть и допустить на Дону самим казакам устроить свою жизнь по своему, а отсюда понятно, почему так горячо настаивают на наступлении наши офицеры. На кого мы будем наступать? Не на тех ли наших тамбовских и воронежских товарищей, с которым мы так долго вместе лежали в окопах. И кто пойдет в наступление? Казаки. Следовательно, они и должны решить, итти им в наступление, или нет. Я говорил, что нам в наступление сейчас итти совершенно не следует и в этом духе предложил принять резолюцию. После моей речи произошло что-то ужасное. Возбужденные ген. Попов и офицеры просили слова; казаки подняли ввиде одобрения такой шум, что разобрать совершенно ничего нельзя было, и вообще поднялся такой трам-тарарам, что минут 20 на собрании царил беспорядок. Наконец, снова обоюдные „любезные" речи целых десятков ораторов. Ген. Попов рассердился до того, что обращаясь к казакам сказал: „как вам не стыдно, вы вот меня, когда я говорю, совершенно не слушаете, а когда говорит чиновник Глухов, так вы рот раскроете и слушаете".

К ночи выявились две резолюции: моя и офицерская, обсуждение которых было перенесено на следующий день на утро. Утром мне приподнесли неожиданный сюрприз. Ген. Попов требует меня немедленно зайти к нему на квартиру. Прихожу. Генерал рисует мне последствия моего поведения: вы-де человек семейный, вас могут расстрелять и хочу Вас предупредить об этом. Вдруг из боковой двери выскакивает офицер (после я узнал, что это родственник гене-

рала) и закричал во все горло: „вы большевик?“, а сам взялся за шпагу. Я попросил генерала оградить меня от подобного окрика и бряцания оружием. Генерал крикнул на офицера и он ушел в свою комнату. Затем я уверил генерала, что я вполне отдаю себе отчет в своих действиях и что нужно спешить на собрание, которое нас с ним ждет. После жесточайших схваток на собрании была принята единогласно (за исключением офицеров) моя резолюция, выражавшая сказанное мной о выступлении. Приняв такую „страшную“ резолюцию, мы отправились в количестве 7 делегатов: 3 с решающим (я, тов. Закачурин и кажется Кружилин) и 4 тов. с совещ. голосом на Войсковой Круг. Офицеры тоже как-то ухитрились послать одного или двух делегатов.

По приезде в Новочеркасск (в конце ноября) мы узнали, что дела в Ростове плохи, но нас радовало другое обстоятельство: мы встретили в общежитии для делегатов сразу десятка два-три казаков, большевистски настроенных. Фронтовиков вообще приехало более двухсот человек (за точность не ручаюсь). В общежитии мы расположились по своим округам, где встретились и с родственниками и знакомыми и, конечно, сейчас же многие попереругались вдребезги, понимая совершенно различно события. У своих хоперцев мы встретили несколько товарищей настроенных большевистски, а больше все „либералы“ по части борьбы за экономическое равенство Хоперского округа и только тут мы узнали, что в Киеве разогнан казачий с'езд и что участники его прибыли на войсковой круг во главе с Агеевым и что все они казакоманы.

Г. Глухов.

Пролетарская печать на Дону.

(Воспоминания о Ростово-Нах. газете „Наше Знамя“, органе Р. С. Д. Р. П. (б.) в 1917 г.).

В мае месяце 1917 года, по требованию партийного комитета я перешел работать в партийную газету „Наше Знамя“. Положение газеты в то время было очень затруднительное, — с одной стороны отсутствие денег, а с другой — не было ни типографии, ни наборщиков, так как профсоюзом типографов газета определенно бойкотировалась. Ни в одном союзе меньшевики не имели такого влияния, как в профсоюзе печатников. Почти до самой осени 1917 г. в профсоюзе печатников были всего на всего три большевика: т. т. Кузнецов, Муравич и я; да один анархист, т. Селиванов.

С моим переходом удалось наладить нормальный выход газеты. В короткое время мною была найдена типография и наборщики; и газета начала выходить ежедневно в типографии Рози. С профсоюзом пришлось „покончить“ совсем, так как мы работали на „большевистскую“ газету без согласия меньшевистского союза; и нас членами в союзе не считали, хотя оффициально нас из профсоюза и не исключали.

Материальная сторона газеты в связи с ежедневным ее выходом стала еще тяжелее. Тираж 2000 экземпляров ни в коем случае не мог покрывать расход. Комитету пришлось помимо членского взноса установить еще еженедельные отчисления в пользу газеты, а также устраивать сборы среди рабочих на заводах на поддержку газеты. Но отчисления и сборы не всегда аккуратно и во время поспевали. Часто приходилось рабочим задерживать выдачу заработной платы, что вызывало неприятности и, доходящие чуть не до прекращения ра-

боты, ибо рабочие, кроме меня, все были беспартийные, хотя и сочувствовали газете, но на работу в типографии смотрели исключительно как на „заработок". Помню случай, когда двое рабочих совсем отказались работать, если немедленно не будет им уплачена заработная плата. Пришлось бегать среди знакомых и занимать деньги.

Особенно тяжелое материальное положение стало после июльских событий. Тираж уменьшился. Мальчики-газетчики по улицам избивались. Газеты отбирались и их растаптывали. При выборах в Гор. Думу наши плакаты, воззвания срывались со стен. Выступить на митинге и агитировать за наш список нельзя было, не рискуя быть избитым. Помню, на меня напали трое подгулявших офицеров в Нахичевани у мужской гимназии в то время, когда я наклеивал наши кандидатские списки. Списки и воззвания были сорваны при криках: „вы в Петрограде все улицы залили кровью, а здесь вы еще будете агитировать за своих кандидатов. Убить вас всех надо".

Все же, несмотря на бешенную травлю меньшевиков и эсеров, при выборах в Думу мы получили около 1200 голосов, и от нас прошли три кандидата (Жук, Решетов и Сырцов), что ярко свидетельствовало, что рабочие города Ростова и Нахичевани не все верили уже меньшевистско-эсеровской публике.

Но пролетарской газете еще суждено было пережить исторический день, отголосок меньшевистско-эсеровской агитации против нас.

Спустя несколько дней после Июльских событий в Петрограде, не помню число (помню только, что вечером часов около 11-ти) готовый набор газеты мною был сдан в машину для печатания. Взяв несколько экземпляров отпечатанной газеты, я ушел. В типографии остался работать только печатник с накладчиком. Минут через 15 после моего ухода в типографию ворвалась шайка юнкеров во главе с офицером и набросились на добычу — ненавистную большевистскую газету. Набор из машины был вынут и на полу рассыпан. Печатник спасся от расправы только тем, что сумел их убедить, что он не большевик, а только рабочий, исполняющий заказ по приказанию хозяина.

После разгрома газета дня два-три выходила в той же типографии, но уже под охраной Ростовских рабочих — красногвардейцев. После издание газеты было перенесено в типографию Ростовского Совета (бывшей типографии „Русь" на Старо-Почтовой улице), так как хозяин Рози отказался печатать в своей типографии, боясь вторичного нападения юнкеров.

Меньшевики и эсеры начинали быстро терять свое влияние в рабочей среде.

Пролетарская печать ожила . . .

Тираж газеты увеличивался до 5000 экземпляров и материальная сторона ее заметно улучшилась.

В октябре месяце газета уже выпускалась в 10.000 экземплярах, а в конце октября уже достигла тиража 18.000 экземпляров. При чем не оставался ни один экземпляр; тираж же не могли увеличить из-за технических условий.

В то время как наша печать „поднялась", меньшевистское „Рабочее Дело" „опустилось" с 10.000 экземпляров на 1500.

Наступление черной реакции — занятие города Ростова и Нахичевани Калединым прекратило издание первой пролетарской газеты на Дону . . .

В заключение нельзя не отметить, что труды по изданию и редактированию „Нашего Знамени" принадлежит почти исключительно

нашему любимому товарищу Васильченко Семену Филипповичу, и что его работа в „Нашем Знамени" навсегда останется светлой памятью Донских рабочих, в частности рабочих Ростова и Нахичевани.

Близкое участие в газете принимали также т. т. Жаков, Сырцов и Турло; а в последнее время товарищ Френкель.

Г. Пятигорск.
15/X—1922 г.

А. И. Аболин.

НАШИ МЕРТВЕЦЫ.

Первые жертвы Октября.

В достопамятный вечер 25-го ноября, после радостного торжественного собрания Совета, мы вместе с т. т. Бородкиной, Ильиной, Кузнецовым пошли на кухню „Марса“ ужинать. Пробыв там около получаса, мы разошлись по домам; т. Кузнецов, как красногвардеец, остался в „Марсе“. Придя на квартиру, которая находилась рядом, я легла спать. Услышав вдруг несколько минут спустя беспорядочную стрельбу, я быстро оделась и направилась в „Марс“. Когда подошла к Нахичеванскому переулку, я была остановлена пробегавшими юнкерами. Через некоторое время со стороны межи подошли солдаты местного гарнизона, и я вместе с ними прошла в „Марс“.

При входе лежал убитый наповал красногвардеец. При налете белых он как раз дежурил у входа. В здании все зеркала, вся мебель были разбиты и поломаны. В саду во дворе нашли убитых товарищей Кунду и Казберюка. Первый, как тогда рассказал мне т. Кузнецов, страшно не хотел умирать и умолял пощадить его ради детей. Здесь же был поднят истекающий кровью, но еще живой 18-ти летний Женя Стрижаков, ученик реального училища, член ростовской группы анархистов. Он был перенесен в соседний лазарет, где умер через два часа от большой потери крови.

Это были первые жертвы рабочего Ростова в октябрьской борьбе.

Лидия Тимофеева.

ЛЕВ КУНДА.

I.

Он был сын крестьянина-кузнеца. До войны он работал вместе с отцом и братом в кузне. Не желая итти при мобилизации на царскую войну, он приезжает в Ростов. Здесь в мае 1916 года поступает на гвоздильный завод Максимова в качестве слесаря. До революции я не видел, чтобы он вел партийную работу, но он был революционно настроен.

После февральской революции 1917 года товарищ Кунда сразу себя выявил, как большевик. С первых дней он стал выступать на всех собраниях заводских и партийных. И всюду где была толпа, можно было видеть агитирующего Кунду. Он пользовался на заводе и у рабочих хорошей репутацией.

В день его мученической смерти мы были вместе на торжественном собрании Совета в „Марсе“. Оттуда я ушел к себе на завод на дежурство держать связь с другими заводами. А Кунда остался в Совете, где пал первой кровавой жертвой белого буржуазного террора.

Д. Кротенко.

II.

До 1917 г. тов. Кунда был бундовец, в апреле 1917 г. он вступил в Р. С. Д. Р. П. (большевиков). На гвоздильном заводе Максимова, где он работал слесарем, он был организатором заводского комитета и членом его. При организации Совета заводских комитетов тов. Кунда был избран в президиум его, где я и работал с ним. Он был членом Совета Рабочих Депутатов трех созывов и членом Исполкома.

При организации красной гвардии Кунда был избран в штаб кр. гвардии. Погиб он, как красногвардеец на посту охраны Совета. Белый буржуазный бандит забрал у Кунда его револьвер и им же застрелил его. Это была тяжелая жертва ростовского пролетариата. Но мы отомстили за нее своей победой над буржуазией.

Д. Карасев.

ТОВАРИЩ КАЗБЕРЮК.

Незадолго до ноябрьских событий он приехал в Ростов. В Ростове он был один, не имея здесь родных. Поступил в ортопедическую мастерскую (5-й патронат В. З. С.), где работал по слесарной части. Здесь я работал вместе с ним. Как хороший товарищ, оратор и организатор, он пользовался уважением товарищей. В организации красной гвардии он принял деятельное участие, работал в штабе красной гвардии, как член его. Ночью 25-го ноября после торжественного заседания Совета, на котором встречали черноморских моряков, Казберюк остался в штабе. Когда в Совет ворвалась банда Потоцкого, Казберюк, спасаясь, бежал во двор „Марса". Здесь он был ранен и упал в канавку. Истекая кровью, он стонал и пытался на четвереньках поползти. Его стоны услыхали белые душегубы, разыскали его в темноте и штыками закололи, распоров ему внутренности. Это был первый „культурный" акт цивилизованных буржуазных сынков, поднявшихся на борьбу с рабочим классом.

Алексей Мошкин.

С. П. СУРЖЕНКО.

Семен Петрович Сурженко происходил из крестьян Донской области. Молодым, 22-х лет он поступил в 1908 году на службу в ростовский трамвай. Работая кондуктором, он в то же время принимал деятельное участе в общественной жизни трамвайных рабочих. С 1908 года он был членом профсоюза трамвайщиков, был избираем в правление союза, участвовал в работе подпольного кружка при правлении. В забастовках трамвая тов. Сурженко принимал активное участие, нередко будучи застрельщиком таковых.

В начале 1917 года он вступает в партию меньшевиков, ведет даже борьбу с большевиками. Но когда началась октябрьская революция, когда Сурженко увидел, что буржуазия под руководством Каледина идет против рабочего класса, в нем пробудился честный пролетарий-крестьянин. Он уходит от меньшевистских вожаков и становится в рядах революционных ростовских рабочих.

Долг зовет его к борьбе. И он деятельно работает на фронте под Нахичеванским полустанком в качестве красногвардейского сани-

ЖЕРТВЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. *)

Л. Кунда **).

В. Фурсов.

М. Журавлев.

С. Сурженко.

---

*) Портреты других товарищей будут помещаться в следующих сборниках по мере поступления материалов.

**) С портрета 1913 года.

тара. Здесь он попадается в плен раз'яренным белогвардейцам. Найдя у него бинты (доказательство „принадлежности к красным") они его растреляли. Потом надругались над трупом и зверски его изуродовали. Отрубили у него ухо, проткнули нос, разрубили голову и руки перерубили шашкой.

Так зверски враги рабочего класса убили дорогого и честного нашего товарища на 32-ом году его жизни.

Л. Гончаров.

ВИКТОР ФУРСОВ.

Фурсов Виктор родился в 1894 г. в бедной революционной семье ремесленника—сапожника. С самого детского возраста начал работать за верстаком с отцом, чем занимался до 19-ти летнего возраста.

В 1913 г. работал в Ростове по распространению на фабриках и заводах с.-д. газет, за что тогда же и был арестован, но освобожден в скором времени. После этого он поступил в контору изданий Сытина и работал там вплоть до империалистической войны.

В 1915 г. был мобилизован и прямо был отправлен на фронт, где и пробыл до февральской революции. После февральской революции, как имеющий революционный стаж и соответствующий учебный был откомандирован с фронта во 2-ую киевскую школу прапорщиков. За время пребывания на фронте был много раз ранен и контужен и систематически посылался, как „вредный" элемент, что называется, на убой.

2-ая киевская школа прапорщиков со всеми другими киевскими школами по ликвидации фронта была переведена в г. Таганрог и Новочеркасск с явною целью пополнения рядов калединской банды.

В. Фурсов, школа которого находилась в г. Таганроге, сыграл большую роль по распропагандированию 2-ой школы, и таковая разбежалась от белогвардейцев, которым удалось навербовать всего 18—20 человек дворянчиков и других царских прихвостней.

Во время декабрьского наступления Каледина на Ростов, Фурсов принимал участие в отражении калединских банд и, по занятии Ростова, выехал в Севастополь (место своей родины), где сделал доклад в Совете о положении Ростовского пролетариата.

В январе 1918 г. В. Фурсов возвращается в Ростов, нащупывает почву для возможности работы, но вынужден скрываться.

В феврале 1918 г. Ростов вновь занят красной гвардией. Фурсов немедленно вступает в нее и, как имеющий военное образование, получает назначение красного военного инструктора.

Организует из рабочей молодежи свой отряд, ведет, по заданиям Ревкома, усиленную борьбу с уголовным элементом.

При выборах в Совет проходит в таковой от Р. К. П. (б.) хотя оффициально членом Р. К. П. (б.) становится в марте 1918 г.

В этот же период отличается при подавлении белогвардейского восстания в г. Новочеркасске, организовывает исключительно из красных офицеров и юнкеров отряд, первым врывается в г. Новочеркасск, где бои происходили на улицах.

4-го мая 1918 г. В. Фурсов один из последних покидает г. Ростов со своим отрядом (который уже в то время начал реорганизовы-

вать в роту красноармейцев) под обстрелом белых, и при отступлении получает ранение в обе ноги. Скоро выздоравливает в ст. Кущевской. Ему приказывают выехать в г. Азов для реорганизации красной гвардии в красную армию и для борьбы с уголовным элементом.

Возложенную на него задачу проводит с успехом, но в июне месяце падает жертвою своего долга в борьбе с уголовным элементом.

Так закончилась жизнь молодого коммуниста, полного сил, энергии и готовности каждую минуту жертвовать собой для пролетариата.

Н. Анимов.

ДОКУМЕНТЫ.

Резолюция о создании Красной гвардии.*)

(Совещания Заводских Комитетов г. Ростова 26 сентября 1917 г.)

„Совещание Заводских Комитетов г. Ростова, обсудив вопрос о создании Красной гвардии в г.г. Ростове и Нах. н-Д., приходит к следующему заключению: классовые противоречия за все время революции не только не смягчились, но все больше и больше обостряются и устранены они могут быть только с установлением социалистического строя. Развитие классовых противоречий ведет к попыткам со стороны контр-революционных классов совершить переворот путем вооруженной силы. Стоя на страже завоеваний революции, рабочие должны быть готовы к тому, чтобы охранить от всякого покушения на завоевание революции, поэтому Заводское Совещание находит необходимым самое острое вооружение рабочих путем создания с этой целью Красной гвардии. С этой целью Заводское Совещание создает специальное учреждение, на обязанности которого лежит приобретение и распределение оружия. Постановляет сделать однодневное отчисление заработка в распоряжение этого учреждения. Предлагает Исполнительному К-ту Сов. Раб. и Солд. Деп. содействовать учреждению по организации Красной гвардии в приобретении оружия".

К РАБОЧИМ.

Буржуазно-военная клика об'явила народу гражданскую войну. Надо быть готовым силе противопоставить силу.

Записывайтесь в боевые рабочие дружины!

Обучайтесь и вооружайтесь.—Нам еще придется схватиться в мертвой схватке с капиталом.

Бой с контр-революцией уже идет!

Контр-революция уже на улице; она начинается с погромов на почве продовольственного кризиса. Она начинается с еврейских погромов и в первую очередь рабочим нужно бороться с ними. Погромы ведут к взаимной ненависти братьев-рабочих разных национальностей, ослабляют и раз'единяют силы пролетариата и обещают легкую победу капиталистам.

Только организованные рабочие непобедимы. Боевая организация рабочих—смерть контр-революции. Организуйтесь-же в боевые рабочие дружины!

Долой контр-революцию!

Да здравствует революция!

Дорогу социализму!

Центральный Штаб.

---

*) „Известия Ростово-Нахичеванского Совета Рабочих и Солдатских депутатов" от 1 октября 1917 года за № 79.

ВСЕМ.*)

фабрично-заводским комитетам, профессиональным союзам и комитетам социалистических партий.

Каждый комитет, заводской или партийный, а также правление профессионального союза производят запись в боевые дружины со строгим разбором по следующему плану: 1) Записываются все знающие строй и обращение с оружием. 2) Отдельно записываются строя и обращения с оружием не знающие. 3) Записываются знающие специальные роды оружия (пулеметы, легкую и тяжелую артиллерию. кавалерию, авиацию и т. д.) и 4) Записываются специалисты (саперы, автомобилисты, мотоциклисты, велосипедисты, телеграфисты и пр.). Все 4 названные группы состоят на строгом учете в комитете или правлении союза, а последние посылают подробные сведения в Центральный Штаб.

Ежедневно после работ производится обучение военному искусству необученной части Комитетской Дружины под руководством своих инструкторов.

Примечание; Если своих инструкторов нет или недостаточно, надлежит обращаться в Центральный Штаб.

Дружины заводов и районных комитетов социалистических партий, не далеко лежащих от границы Ростова и Нахичевани, ежедневно в 6 ч. веч. собираются на пограничном плацу, где производят занятия. Дружинники более дальних районов прозводят занятия около своих заводов, извещая о том Центральный Штаб.

Ежедневно-же в 7 час. веч. все обученные, владеющие оружием дружинники собираются: 1) Ростовский район—в городском саду. 2) Нахичеванский—в Нахичеванском городском театре и 3) Затемерницкий—у милиционного участка на Церковной улице и запрашивают Центральный Штаб по телефону об инструкциях на эту ночь.

На вопросы вооружения рабочих, а также более подробные сведения о внутренней организации боевых дружин можно получить ответ только непосредственно в самом Центральном Штабе.

От Центрального Штаба Ростово-Нахичеванских Рабочих Боевых Дружин.

Товарищи рабочие! Штаб особенно нуждается сейчас в средствах передвижения и связи, а потому имеющиеся у вас свободными, хотя-бы на некоторое время, велосипеды и мотоциклеты просим предоставить в пользование Центрального Штаба.

Общее собрание всех дружинников (обученных и необученных) назначается на 5 сентября, вторник в 6 ч. веч. на площади границы г.г. Ростова и Нахичевани.

Центральный Штаб.

---

*) „Наше Знамя", орган Ростово-Нахичеванского Комитета и Донского Окружного Бюро Р. С. Д. Р. П. (б-ков), № 38, среда 6 сентября 1917 г.

У солдат местного гарнизона.*)

Впродолжении последних трех дней среди солтат местного гарнизона не прекращаются волнения в связи с их отправкой на фронт. В четверг и пятницу происходили большие митинги. Решено послать на фронт делегатов с целью выяснения отношения фронта к массовой отправке туда из тыла полков. Лозунги движения: долой войну, власть Советам, земля крестьянам, рабочий контроль над производством, перевыборы ростовского Совета. Решено сегодня в 12 часов дня устроить совместно с рабочими манифестацию 10 делегатам, которых вчера должны были отправить. Выработан и на общегарнизонном митинге принят следующий наказ, предложенный от имени полкового комитета 255 зап. пех. полка.

НАКАЗ ДЕЛЕГАТАМ.

ТОВАРИЩИ!

Нам, солдатам расположеиных в г. Ростове на Дону 187 и 255 пех. зап. полков, отдан приказ к выступлению в ближайшие дни на фронт,

Отправиться мы должны не маршевыми ротами, как это обычно практиковалось, а полками.

В виду необычности этого приказа, а особенно, в виду того очень опасного положения, которое переживает Россия, мы, назначенные к выступлению солдаты, на общем своем митинге, 28-го сентября с. г. решили прежде обратиться к нашим братьям-солдатам же на фронте для того, чтобы своими простыми словами рассказать им о том, как опасна поголовная отправка из городов в настоящее время всех частей вооруженных революционных солдат. Для этого, товарищи делегаты, мы избираем и уполномачиваем вас, чтобы вы донесли наш голос до братских окопов, чтобы вы рассказали там о том гибельном положении, которое мы здесь наблюдаем.

Езжайте, товарищи, скажите все, что вы знаете о положении нашего замученного народа и прежде всего передайте нашим братьям в окопах наш самый братский, самый горячий привет.

Скажите нашим товарищам на фронте, что пока они бьются в окопах, пока они мучаются всеми муками в кровавом аду человеческой бойни,—что в это же время далеко, далеко сзади них, где находятся их убогие и нищенские хижины, где оставлены и брошены на произвол судьбы их семьи, что здесь жизнь становится тоже все больше и больше адом и скоро сами мы не будем знать, скоро не будут знать те, которые остались здесь,—лучше оставаться в тылу на мытарствах голода, нищенствования, всяких недостатков и мук,—или лучше идти туда,—к Вам,—броситься в самый отчаянный огонь какого-нибудь боя, да сразу умереть.

Товарищи—делегаты! Там на фронте наши братья думают, что то правительство, которое создано революцией, оберегает интересы солдатских семейств, интересы крестьянской бедноты, городской бедноты и рабочих.

Скажите им, что они ошибаются.

С тех пор, как произошла революция еще не разу ни была власть в руках революционного народа, а когда она у него была, то мнимые друзья бедноты,—меньшевики и социалисты-революционеры отдали ее добровольно разбойникам-капиталистам и помещикам, и вот капиталисты и помещики все время и властвуют.

Шесть месяцев прошло с начала революции и все эти шесть месяцев положение крестьян, рабочих и городской бедноты все больше и больше ухудшилось.

Оно ухудшалось потому, что как крестьяне до революции платили за каждый аршин кабальную разорительную аренду 20 тысячам помещиков, так они и теперь платят ее. Платят в 2 раза больше потому, что арендная плата повысилась. Помещечье правительство, несмотря на всю необходимость, не отняло у помещиков земли и не отдало ее бесплатно крестьянам.

Оно ухудшилось потому, что, как до революции, так и после нее, правительство, как содержало, так и содержит тысячи крупных финансовых ростовщиков, выплачивая им миллиардами все, что оно собирает в казну с народа.

---

*) „Наше Знамя", орган Ростово-Нахичеванского Комитета и Донского Окружного Бюро Р.С.Д.Р.П. № 58, воскресенье, 1 октября 1917 г.

Оно ухудшилось потому, что и капиталисты заботились только о своей пользе, так и продолжают заботиться.

Они, желая натравить нас на рабочих, начавших добиваться себе лучшей жизни, взвели на них, будто те не хотят работать. Между тем, сами не переставали срывать работу и то прятали и прячут материалы, то портят машины, то не выписывают для фабрик и заводов угля и заводы останавливаются. Так дело дошло до того, что теперь только те фабрики и работают, которыя работают на оборону, изготовляют снаряды, да аммуницию.

А между тем, крестьяне в деревне не имеют ни сох, ни борон, ни веялок, ни лопат, даже не могут достать в городе на рубашку ситца и обуви.

Что привезут в город — продадут, да так с деньгами обратно в деревню и едут.

Товарищи-делегаты! Вы знаете, к чему это привело. Вы знаете, как волнуется беднота, как возненавидели богачей рабочие и крестьяне, как они все ждут и не дождутся того, чтобы раз навсегда покончить со своими врагами, старающимися совсем доканать разорением и своей политикой народ.

Скажите же нашим братьям-солдатам на фронте, что нам нельзя отсюда уходить, что нас для того и отправляют отсюда, чтобы сделать с народом все, что хотят богачи, чтобы окончательно погубить его.

Вы, товарищи-делегаты, да и наши братья, к которым мы вас посылаем, уже знают, что кадетская партия с Корниловым хотела учинить насилие над народом, разогнать рабочие и солдатские организации и вернуть прежнюю волю помещикам. Но наши товарищи на фронте думают, что Корнилов теперь окончательно усмирен и что никто больше не пойдет по его стопам. Скажите же нашим братьям в окопах, что это неверно. Скажите им, что кадетская партия, как готовилась погубить революцию, так и готовится. Скажите им, что как корниловцы были комиссарами, генерал-губернаторами и командирами, так и остаются. Скажите им, что возле самого Ростова в Донской области стоят две дивизии казаков, которые на фронт не идут, а говорят, что будут охранять своих сестер и матерей от Советов и Комитетов, как будто не их против нас готовит Каледин, а мы собираемся что-нибудь им сделать.

Товарищи. Так будет продолжаться пока революционный народ не возьмет власть в свои руки. Еще хуже будет, если врагам народа удастся всех революционных солдат, всех защитников революции, отправить на фронт, а затем самим делать здесь, что они захотят. Вот почему не только мы, ростовские солдаты, но и в других городах воинские части сплошь и рядом отказываются выступать целиком полками.

Ведь если всех нас отправят на фронт, они сделают то, чего сейчас не смеют сделать,—сразу покончить со всеми свободами народа!

Не верьте, товарищи, что мы боимся идти на фронт или не хотим разделить окопные мучения наших братьев. Ничего подобного. Наша солдатская жизнь и здесь не сладка. Но мы боимся за нашу революцию, за наших и ваших сестер и матерей. Их, действительно, душегубы капиталисты и помещики не пощадят. Вот почему, товарищи, мы прежде чем идти на фронт, решили вам сказать всю правду, какую мы видели.

А после этого, если все-тани скажете, что мы ошибаемся, что нам нужно итти, мы немедленно свернем свои шинели и ни один солдат, как бы мучительно для нас это не было, не останется в тыловых квартирах.

Если же вы признаете, что революцию и народ тоже кому—нибудь охранять нужно, то мы будем продолжать об'единяться здесь, мы будем бороться за спасение народа, мы будем добиваться, чтобы революционные требования бедноты были все-таки удовлетворены. Вот, что мы осуществим этой же осенью еще, если только вас будут продолжать мучить окопной жизнью.

Мы добьемся прекращения войны, которую капиталисты все затягивают и затягивают.

Мы добьемся перехода земли крестьянству и снабжения беднейших крестьян инвентарем.

Мы добьемся установления рабочего контроля над производством в заводах и фабриках, закрытием которых капиталисты хотят изморить рабочих.

Мы добьемся того, чтобы не было так, что у богачей есть все, что они хотят, а у бедноты нет ни хлеба, ни сахару, ни одежды, ни квартиры, ни отопления на зиму.

Мы добьемся, чтобы власть перешла в руки Всероссийского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, а тогда пусть наши враги попробуют издеваться над нами так, как они издеваются теперь. Мы завоюем хлеб, мир и свободу себе и нашим хижинам.

Товарищи! Передайте все это нашим братьям и привезите нам от них простой солдатский ответ: идти ли нам в тот нечеловеческий ад, в котором они нахо-

дятся по произволу душегубов—капиталистов или остаться здесь и не дать погубить наше общее дело.

Товарищи—делегаты!

Передайте нашим братьям в окопах, что пора нам очнуться, пора потребовать, чтобы война была закончена возможно скорей,—наши окопные братья вместе с нами пусть потребуют, чтобы правительство добилось перемирия на всех фронтах и предложило мир всем народам на справедливых, народных началах,—и тогда конец проклятой бойне и конец власти помещиков и капиталистов.

Хлеба, мира, свободы!

Председатель **Власенко.**

Секретарь **Крылов.**

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всей трудовой бедноте.. *).

Рабочие и солдаты! Городская и деревенская беднота! Приближается день, в который решится судьба русского народа, а может быть и судьба всего капиталистического мира.

К 12 ноября вы, угнетенные, вы эксплоатируемые, вы заклятые на вечный труд и каторжную нищету, вы все получите избирательные списки и в каждой избирательной участковой комиссии несколько человек оффициальных чиновников и представителей от партий начнут принимать от вас ваши голоса.

И весь русский народ, и все другие народы мира будут следить за тем, какой партии в России народ доверяет, кто в многострадальной земле русской победит.

Победят душегубы народа—богачи, разбойничающие в стране годы и десятилетия, подстроившие и подстраивавшие войну, или победит ваша рабочая партия, об'явившая войну войне?

Победят мародеры грабители, заботившиеся в самые черные дни только о том, чтобы получше ограбить народ, побольше ободрать его, на его несчастьи нажиться и распухнуть от доходов и барышей или победят те, которые никого не грабили, которые никого никогда не угнетали, которые только и делали, что боролись за священные и справедливые интересы народа?

Победят тираны-угнетатели или угнетенные и труженники? Победят капиталисты, помещики, попы, князья и именитые самовластные генералы—или победит беднота народная, победят рабочие, солдаты, безземельные и малоземельные крестьяне, обиженные своим начальством неимущие трудовые казаки?

Товарищи и граждане! Голос за голосом, конверт за конвертом—каждая печатная бумажечка со списком, который вы подадите при голосовании 12 ноября, будет подсчитываться и пересчитываться несколько раз.

Нельзя в этом великом деле ошибиться ни на одну бумажечку, нельзя обсчитаться и неверно зачислить ни одного голоса.

По сущей правде, нужно подсчитать, по сущей правде нужно свято выяснить, чего хочет русский народ, и нельзя ни одним голосом пренебрегать или считать его не имеющим значения. Одна за другой избирательные бумажки бедняков, бумажки деревенской бедноты и городской голытьбы должны сыпаться, сыпаться и сыпаться

---

*) Предвыборная к Учредительному Собранию листовка Донского Окружного Бюро Р. С. Д. Р. П. (Б—ков).

в ящики и переполнить их до краев, утопить в своих ворохах голоса деревенских богатеев, городских живодеров, всероссийских воротил и эксплоататоров так, чтобы они больше не думали, что их разбойничьему царству не будет конца.

Товарищи и граждане! Товарищи-рабочие и работницы, солдаты и солдатки, крестьяне и крестьянки! Граждане труженники!

Роковые бедствия и роковые несчастья переживает всякий, у кого не набита мошна золотом, бумажками, ассигнатами и ростовщическими депозитами.

Их кучка таких вампиров и выжимателей сока из народа, умеющих все заграбастывать в свои сундуки, посредством обирания народа, посредством прибыльного торга и разбойничьих барышей.

Им, этой кучке, нужна война, им нужно кровопролитие, продолжающееся с весны до осени, с осени до весны и так затянувшееся на три годи и так доведшее до гибели страну, до изнеможения народ.

Им нужны помимо войны их разбойничьи эксплоататорские права. Им нужно право держать в своих когтях землю и высасывать из крестьян арендные платы за ту самую землю, за которую крестьяне платили еще раньше в казну 50 лет выкупные налоги.

Им нужно держать от каждой фабричной калитки десятки ключей в кармане и по целой армии ингушей и стражников у ворот, для того, чтобы в любой момент закрыть производство, а рабочих выбросить на голод на улицу,

Им нужно, чтобы солдаты за три версты отдавали честь каждому военному держиморде и по приказанию этих держиморд готовы были расстрелять отца, мать, брата, сестру, невесту и своих собственных детей.

Им нужен царь, который душил-бы, казнил, чинил-бы расправу над рабочими, солдатами и крестьянами.

Им нужны дорогие попы, титулованные, раз'езжающие в каретах, одевающиеся в шелк и парчу, об'едающиеся плотью и кровью свежей дичи, жиром и сластями даровой сдоби.

Им нужна власть над народом, чтобы обирать его, кнут чтобы расправляться с народом, царский блеск и великолепие для того, чтобы ослеплять народ и делать самих себя недосягаемыми для него.

Им нужны услужливые судьи. которые делали бы с бедняками, что они, владыки мира, захотят.

Им нужно владычество над народом для того, чтобы делать беспрепятственно их кровавые дела, для того, чтобы осуществлять их хищнические кровавые цели, для того, чтобы вести беспримерную страшную войну.

Товарищи и граждане! Под разными видами и в разных лицах они явятся к вам для того, чтобы уговорить, для того, чтобы ввести в заблуждение вас, для того, чтобы привлечь вас голосовать за них, подавать ваши избирательныя записки за них, обеспечить торжество победы им вашим насильникам и угнетателям.

Не верьте им, товарищи и граждане! Не верьте тому, что палачи сами на себя оденут приготовленную петлю. Не верьте тому, что разбойники сами себе положат под ноги подстилки, чтобы идти в тюрьму. Им нужно выломать когти, чтобы они не разорвали на части народ и не погубили его.

Товарищи и граждане! Народу нужен мир. Крестьянам нужна земля, вырванная из рук помещиков. Рабочим нужна работа и человеческие условия существования. Солдатам нужен отдых от проклятой казарменной жизни. Всей бедноте в России нужны товары.

Нужен хлеб, нужно масло, нужна мануфактура, обувь, кожа, всяческая простая домашняя утварь.

Позаботяться ли об этом враги народа? Дасть ли это партия казачьих помещиков? или кадеты? или плехановцы? или лавочники-кооператоры? устранят ли они разруху? потребуют ли немедленного окончания войны?

Нет, товарищи, все они, как воронье собираются только расклевывать народное тело, поживиться на его счет, а об устранении народных несчастий и не думают.

Ну, а социалисты-революционеры, богатеи-мужички, крестьянский блок, в который вошли хозяйчики, приспособившие к рукам сиротские клочки,—они не будут ли отстаивать интересы народа?

Нет, товарищи, нет граждане! Деревенские заправилы, и городские лавочники, да мелкие буржуйчики, об'единившиеся в один союз и назвавшиеся крестьянской партией, крестьянским блоком, и они идут не с народом, а против народа, не с беднотой, а против бедноты.

И они за войну и за поддержку того правительства, которое губит народ войной, и они стоят за пособничество буржуазии.

Они не дали крестьянам земли, несмотря на то, что этого требует беднота уже шесть месяцев, они не помогли крестьянам взять землю у помещиков, а предложили и предлагают ждать, пока крестьяне не отчаялись от голода и теперь сами не знают что делать.

Они не боролись против войны, а поддерживали ее, помогали буржуазии вести войну, проповедывали наступление, проповедуют согласие с английскими и французскими хищниками, собирающимися воевать и воевать без конца.

Не социалисты-революционеры, не меньшевики-оборонцы, лживо называющие себя также социал-демократами, не кадеты, не казачья партия, не кооператоры будут отстаивать в Учредительном Собрании интересы пролетариата, интересы деревенской бедноты, интересы угнетенной и разоренной голытьбы. Им эти интересы чужды, им, партиям хозяев и хозяйчиков, эти интересы враждебны. Они того, что голодные возьмут в свои руки власть, боятся, и против бедноты, в Учредительном Собрании они будут бороться, силясь дать торжество тем, кто покрепче, пооборотистей, да успел сколотить себе обеспечение или состояние.

А рабочему люду, а городскому и деревенскому пролетариату, а бедноте безземельной, бесхозяйственной и обойденной, нужно держаться своей рабочей партии, своей единственной, кровной защитницы, партии голодного, обездоленного, эксплоатируемого и порабощенного человечества **Российской Социал-Демократической Рабочей Партии большевиков.**

Только одна эта наша партия вела, ведет и будет вести борьбу против врагов народа, против владык мира сего. Только она одна не предает интересов народа из боязни или из уступчивости привилегированным классам.

Мы за то, чтобы сбросить гнет этих классов и уничтожить их владычество. Мы за то, чтобы установить новые порядки равенства трудящихся. Мы за то, чтобы богач перестал дармоедничать и жить юшкой народной крови, а помещиками чтобы больше не пахло возле крестьянских полей.

Мы требуем перехода власти в руки революционного народа. Мы требуем, чтобы все работы на фабриках и заводах находились под рабочим контролем. Мы добиваемся, чтобы хлеб и средства существования получали только те, кто работают и проливают или свой

пот, или свою кровь за народ и для народа. Те, которые закрывают фабрики и заводы, когда народ не добьется никаких товаров, должны быть взяты под надзор народа.

Мы боремся за переход земли в руки крестьян. Те, которые десятки лет разоряли народ арендой и транжирили народные достатки, должны отдать землю тем, чьим потом она залита. Пусть освободят свои уделы, сдадут крестьянским комитетам купчие и дарственные записи и распрощаются с своим царством. Революционная власть может выдать им пассажирские билеты для проезда в те сибирские участки, на которые десятками лет правительство ссылало крестьян.

Мы за то, чтобы крестьяне были снабжены инвентарем.

Мы против платежа денег ростовщикам, как пиявки высасывающим теперь из народа все, что он произведет за год. Мы за то, чтобы те богатства, которые ухлопываются на расплату капиталистам-банкирам, остались у самого народа. Ему самому что-нибудь нужно оставить в своей нищенской сумме. А тем грабителям, которые пугают, что за них заступятся английские или французские капиталисты, должно быть сказано: „не запугаете"!

Мы за немедленное прекращение войны. Мы требуем, чтобы прекратились отговорки правительства, чтобы кончились сделки с английскими и французскими разбойниками, не думающими кончить войну, а вынуждающими на нее и Россию.

Мы за мир. Мы за перемирие на всех фронтах.

Мы за организацию производства. Мы за то, чтобы не осталось бездельничающих дармоедов и тунеядцев. В обнищавшей стране нужно много работать, чтобы поправить бедность и нищету. Страна может еще прокормить калек-инвалидов. Она может содержать неспособных к труду стариков и детей. Но ничего не делающие паразиты, лоботрясничающие по шантанам и модным отелям, салонные бездельники и бездельницы, умирающие от ничего неделания, чванные барыни и будуарные прожигатели жизни—они должны работать наравне со всем трудовым населением. Хлеба, сахару, мяса и всего остального теперь мало, чтобы крестьяне могли всем этим кормить модных щеголей. Для крестьян некому набивать ситцу на фабриках. В кузнях, при ковке гвоздей и сошников нужны люди, чтобы меха раздувать и работать молотом. Солдатам нужна давно уже смена на фронт, от которого спаслись правдами и неправдами эти праздные счастливцы.

Мы требуем, чтобы тунеядцы работали.

Вот наши задачи, товарищи и граждане! Вот за что мы теперь боремся и к чему мы будем стремиться в Учредительном Собрании, если вы пошлете нас. А вы пошлете нас именно потому, что все остальные партии расплату за три года войны возложат на вас, а не на ваших угнетателей.

Не голосуйте ни за какую партию хозяев и хозяйчиков.

Подавайте ваши голоса только за Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию (больш.),

Голосуйте за список № 5—список нашей партии!

Да здравствует власть революционного народа! Да здравствует победа большевиков социал-демократов!

Долой войну! Долой капитализм!

Да здравствует мир! Да здравствует социализм!

(Донское Окружное Бюро Р. С.-Д. Р. П. большевиков).

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и трудовые казаки!*)

Стране нужно спасение. Бедноте и городской и деревенской нужна победа революции. Всему измученному войной, нищетой и дороговизной народу нужны

Мир, Земля, Хлеб и Воля.

При выборах в Учредительное Собрание голосуйте за тех, кто стремится свергнуть иго богачей-капиталистов и владычество мародерствующих разбойников-империалистов.

Голосуйте за список революционных социал-демократов (большевиков) № 5.

Не голосуйте, товарищи, за старообрядческий список (№ 3), за казачий список (№ 4), за список партии народной кабалы (№ 6), за список союза собственников (№ 9). Это эксплоататорские списки богачей грабителей, помещиков-душегубов, корниловцев—контрреволюционеров.

В этих списках миллионер Рябушинский—эксплоататор детского, женского и мужского труда. В этих списках Парамонов—мародер шахтеров и мельничных рабочих, из под полы торгующий в три дорога углем, Зеелер—агент усмирителей и корниловцев, Каледин и Богаевский, защищающие интересы казачьих коннозаводчиков и помещиков.

Стоит только провести по этим спискам в Учредительное Собрание их кандидатов, как они сейчас же начнут хоронить революцию и чинить расправу над народом.

Нельзя допустить выбора этих врагов революции в Учредительное Собрание.

Долой их заговорческие, грабительские и разбойничьи списки!

Не голосуйте за Плехановский список (№ 1), за эсеровско-крестьянский список (№ 2), за кооператорский список (№ 7) и за меньшевистский (№ 8)—эти списки об'единяют хозяйчиков и хозяев, выдающих себя за социалистов, а в самом деле являющихся врагами социализма, врагами власти бедноты, врагами немедленного мира и друзьями богачей.

В этих списках министр-изменник Керенский, министр соглашатель Церетелли, министр-саботажник Прокопович, дезорганизатор пролетарской борьбы и отступник социализма Плеханов.

Эти списки за господство буржуазии, за продолжение войны, за поддержку свергнутого разбойничьего правительства, за разгром крестьянского и рабочего правительства.

Долой эти изменические списки!

Голосуйте, товарищи, рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки, солдаты и солдатки, угнетенные трудовые казаки и казачки, голосуйте за список рабочей партии (большевиков № 5).

Шахтер—рабочий и солдат—крестьянин, городской полотер—поденщик и матрос-революционер, горничная, служанка или дворник и портовой каталь—все, все, все—каторжники поденщины и мытари бедноты, все труженники и горемыки, существующие тяжелым достающимся потом и кровью заработком, все, братья пролетарии и полупролетарии, голосуйте за наш список № 5, кандидаты которого будут добиваться свободы, мира, равенства и братства.

Все за список № 5.

Все против царства капиталистов и помещиков!

ВСЕ ЗА ВЛАСТЬ РАБОЧЕЙ И КРЕСТЬЯНСКОЙ БЕДНОТЫ.

Все за список № 5.

Донское Окружное Бюро Р.С.Д.Р.П. (большевиков).

*) Предвыборная к Учредительному Собранию листовка Донского Окружного Бюро Р.С.Д.Р.П. (б-ов).

ВСЕМ.

Приказ Военно-Революционного Комитета при Ростовском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов от 16-го ноября 1917 года. *)

Три недели тому назад, как только пришли из Петрограда первые сведения о перевороте, низвергшем правительство Керенского и поставившем во главе страны новое Рабочее и Крестьянское Правительство, здесь — в Ростове — при Совете рабочих и Солдатских Депутатов образовался Военно-Революционный Комитет. Главной задачей этого нового Революционного органа являлась мобилизация и организация всех сил демократии для борьбы с контр-революцией, для борьбы с теми черными силами, которые свили себе прочное гнездо в Новочеркасске, и похода которых на Революционную Россию можно было ожидать с часу на час.

Тысячи препятствий стояли на пути Военно-Революционного Комитета. Политические враги и политические „друзья" равно ставили ему палки в колеса, мешали его работе, тормозили ее, клеветали...

Но товарищи солдаты быстро поняли, кто их друг и кто враг. Они послали в Военно-Революционный Комитет своих представителей, они окружили его своим доверием, и их помощью Военно-Революционный Комитет стал верховным органом Ростово-Нахичеванского Гарнизона, выразителем его воли и настроений, его чувств и желаний. О доверии же товарищей рабочих нечего и говорить: оно всегда было с нами.

Военно-Революционный Комитет зорко следит за всеми действиями Войскового Правительства, направленными к ослаблению мощи революционных солдат и рабочих Ростова и Нахичевани, и отчасти, и области. Он по мере сил и возможности парализировал их влияние. По его настоянию были вооружены солдаты, и с помощью товарищей солдат образована и вооружена Красная Рабочая Гвардия.

Но задачи, стоявшие перед Военно-Революционным Комитетом были слишком важны, препятствия слишком велики и поэтому Военно-Революционный Комитет не отказался участвовать в совещании представителей демократических организаций, созданном для выработки платформы соглашения.

Это соглашение состоялось. Активная борьба с контр-революцией, защита завоеваний революции—вот задача нового органа, созданного этим совещанием и получившего название — Областного Военно-Революционного Комитета об'единенной демократии.

Члены старого Военно-Революционного Комитета входят в своем большинстве в состав Нового Комитета. Они и там будут стоять на страже революции и интересов рабочих, крестьян и солдат.

Военно-Революционный Комитет при Ростово-Нахичеванском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов доводит об этом до сведения солдат, рабочих и всего населения Ростова и Нахичевани на Дону. Все права и полномочия Военно-Революционного Комитета переходят к Новому Областному Военно-Революционному Комитету об'единенной демократии.

Товарищи солдаты и рабочие, Старый Военно-Революционный Комитет шлет Вам свой братский привет и горячую благодарность за доверие и поддержку.

Исполняйте все приказания и распоряжения только Областного Военно-Революционного Комитета об'единенной демократии. Не исполняйте и не слушайтесь приказов Каледина и его агентов, — врагов

демократии и революции. Сплотитесь тесной стеной вокруг Военно-Революционного Комитета об'единенной демократии и дружно, как один, отразим натиск конт-революции.

Долой контр революцию!

Да здравствует революция!

Военно-Революционный Комитет при Совете Рабочих и Солдатских Депутатов.

Приказ Областного Военно-Революционного Комитета об'единенной демократии. № 1. *)

16-го Ноября на совещании представителей демократических организаций было постановлено образовать взамен Военно-Революционного Комитета при Ростово-Нахичеванском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов Областной Военно-Революционный Комитет об'единенной демократии. В состав нового комитета входят представители Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, Областного Военного Комитета, городских самоуправлений, рабочих союзов и комитетов и полковых комитетов. В задачи комитета входит активная борьба с конт-революцией, защита прав демократии и завоеваний революции.

Областной Военно-Революционный Комитет об'единенной демократии об'являет себя высшим органом власти в Донской Области и приказывает: никаких приказов и распоряжений исходящих от Войскового Правительства или его агентов не распубликовывать и не исполнять. Подчиняться во всем только Областному Военно-Революционному Комитету.

Товарищи, Областной Военно-Революционный Комитет об'единенной демократии призывает Вас к выдержке и революционной энергии. Сплотитесь тесной стеной вокруг нашего Военно-Революционного Комитета! исполняйте только его распоряжения!

Никаких выступлений без призыва Комитета!

Но когда этот призыв последует — все, как один — вперед!

Областной Военно-Революционный Комитет об'единенной демократии.

От Черноморской Флотилии.

К населению Донской Области.**)

ГРАЖДАНЕ!

Ночью 26-го ноября матросы черноморской флотилии, находящейся в Ростове, были взволнованы известиями о разгроме помещения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и о зверском убийстве члена Совета. „Комиссия Пяти“, которой поручено ведать флотилией, заявляет, что с этого момента она берет под свою защиту Совет Рабочих и Солдатских Депутатов Ростова и Нахичевани на Дону и примет меры к тому, чтобы разбить контр-революционеров, начавших свое гнусное дело с разгрома Совета. „Комиссия Пяти“ надеется, что трудовое казачество неповинно в этом деянии.

---

*) „Наше Знамя“, орган Ростово-Нахичеванского Комитета и Донского Окружного Бюро Р. С. Д. Р. П. (б-ков), воскресенье, 19 ноября 1917 года, № 100.

**) Воззвание, расклеенное по г.г. Ростову и Нахичевани 27 сентября 1917 г

Действовали, повидимому, юнкера и переодетые казачьи офицеры. Со стороны матросов не раздалось еще ни одного выстрела, но в борьбе с генералами-палачами и с переодетой сволочью, если нужно будет, они не поскупятся на выстрелы.

Комиссия от лица всех матросов взывает к трудовому казачеству: не запятняйте себя грязным делом, не поддайтесь вашим генералам и офицерам и не станьте палачами свободного народа.

Да здравствует братский союз солдат, матросов, рабочих, трудового казачества и крестьянства!

Долой всех конт-революционеров!

Члены Комиссии Пяти матросы: Драчук, Вомис, Бугаенко.

ПРИКАЗ

ВОЕННОГО ОТДЕЛА Обл. В.-Р. Комитета*).

Военный Отдел Областного Военно-Революционнаго Комитета постановил:

1) Арестовать генерала ПОТОЦКАГО, 2) Арестовать комиссара ЗЕЕЛЕРА и 3) разоружить юнкеров, помещающихся в госпитале № 72.

Председатель военнаго отд. подпоручик **Арнаутов.**
Секретарь **Равикович.**

ВОЗЗВАНИЕ

к Ростовскому гарнизону от Военно-Революционного Комитета **).

Комиссия пяти, ведающая черноморской флотилией, оповещает товарищей солдат, что вчера получен приказ Совета Народных Комиссаров о том, что Калединым с нашими и союзными капиталистами решено поднять восстание в нашей стране с целью затопить в крови матросов, рабочих, солдат и казаков. Дело мира и перехода всей земли в руки трудового народа будет сорвано, а потому Совет Народных Комиссаров об'явил Каледина вне закона и всех его приспешников и запрещает всякие переговоры с врагами народа (исключение трудовое казачество). На Ростов двигаются отряды, посланные Рабоче-Крестьянским Правительством для поддержки донского пролетариата. Черноморский флот отправил сухопутно отряд в 5 тысяч с большим количеством пулеметов, артиллерии, снарядов и бомб. Он уже находится в Области Войска Донского. Балтийский флот также шлет революционный отряд. Со всех концов обширной России стекаются верные сыны революции для поддержки своих товарищей и отстаивания завоеваний революции. Так товарищи солдаты! Вопрос ставится прямо: вы за Правительство Народных Комиссаров—или нет? Если „да!" мы матросы до последнего издыхания вас, товарищи, поддерживаем. Если „нет!", если вы с об'явленным вне закона правительством Калединцев, а не трудового казачества, станете вести пе-

---

*) „Наше Знамя", орган Ростово-Нахичеванского комитета и Донского Окружного Бюро Р. С. Д. Р. П. (б-ков), Понедельник, 27 ноября 1917 г. № 106.

**) „Наше Знамя", орган Ростово-Нахичеванского Комитета и Донского Окружного Бюро Р. С. Д. Р. П. (Б—ков). № 108, среда 29 ноября 1917 года.

реговоры и тем дадите им возможность укрепиться, следовательно вы не нуждаетесь в поддержке Черноморской флотилии и переходите в лагерь Каледина, который в лучшем случае использует вас для выполнения контр-революционных планов, а дальше и перебьет вас прикладами.

Товарищи, обдумайте это хорошенько и не поддавайтесь на провокацию, а стойко и самоотверженно держитесь! Помните, не только мы, матросы вас поддерживаем, но и вся революционная Россия.

Товарищи! Если ваши офицеры будут склонять вас на унизительное соглашение с юнкерами и кадетами, так предательски напавшими на вас, то немедленно их арестовывайте.

Да здравствует единение всего Революционного Пролетариата!

Да здравствует единение солдат, рабочих, матросов и трудового казачества!

Член Комиссии Пяти матрос Драчук.

Областной В.-Революц. Комитет
Председатель Сырцов.

ПРИКАЗ *).

От имени Военно-Революционного Комитета предписывается:

1) Всем красногвардейцам, вооруженным и невооруженным, **за исключением** стоящих на караулах, постах, если они поставлены штабом красной гвардии, и на передовых линиях боя, явиться сегодня в 6 часов на набережную Дона к помещению трудовой артели.

Примечание: У неявившихся на сборный пункт в назначенное время будет отобрано оружие.

2) Всем начальникам красногвардейцев предписывается пресекать всякую попытку погромов, разбоев и грабежей, не останавливаясь перед применением оружия.

3) Вся красная гвардия немедленно по об'явлении настоящего формируется в пятки и десятки, образуя отряды вооруженные особо винтовками, особо револьверами и особо безоружные.

4) Все красногвардейцы, не имеющие огнестрельного оружия, составляют саперные и разведочные команды и по плану, предложенному их начальником, приступают к постройке баррикад, заграждений и т. д.

5) Ни один вооруженный красногвардеец не может отказаться от того пятка или десятка, в который он будет зачислен и действовать иначе, как под непосредственным руководством своего начальника.

6) Вступающие в бой части при употреблении огнестрельного оружия обязываются подбирать гильзы расстрелянных патронов и сдавать их в штаб гвардии. Патроны расходуются только при стрельбе по ясно видимой цели. Напрасная стрельба—преступление, т. к. лишает защитников революции необходимых боевых средств.

7) Не желающие подчиняться настоящим правилам или требованиям своих начальников немедленно сдают оружие в штаб гвардии и выбывают из ее доблестных рядов.

---

*) „Известия Ростово-Нахич. Совета Рабочих и Солдатских Депутатов". № 114, среда 29 ноября 1917 года.

8) При необходимых отлучках в питательные пункты, для отдыха и т. д. и т. д. оружие гвардейцами сдается своему начальнику под охрану.

Подписали члены Военно-Революционного Комитета и комиссары штаба:

С. Васильченко, М. Жаков, Филов, В. Крылов.

Приказ Военно-Революционного Комитета от 28-го ноября*)

ПО КРАСНОЙ ГВАРДИИ.

ВСЕ, БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ, красногвардейцы обязаны в течение суток с 6-ти часов утра 1-го декабря до 6 ч. утра 2 декабря явиться в помещение Военно-Революционного Комитета (театр „Марс“) для получения личных карточ. (мандатов). **Неявившиеся в вышеуказанный срок будут исключены из списков красной гвардии.**

Председатель Воен.-Революц. Комит. **Сырцов.**

Секретарь **М. Равикович.**

Комиссар Красной Гвардии **Филов.**

ПРИКАЗЫ

Областного Военно-Революционного Комитета **).

27 ноября 1917 г.

§ 1. Комиссаром на телефонную станцию назначается тов. Турло.

§ 2. Комиссарами Красной Гвардии назначаются подпоручик Жук, прапорщик Филов и унт. оф. Иванов.

§ 3. Николаевская больница признана Военно-Революционным Комитетом учреждением вполне нейтральным. Военно-стратегические операции в районе больницы недопустимы.

§ 4. Помещение Городской Управы, вход в Управу должны быть свободными от караулов.

§ 5. Комиссаром по охране тюрьмы с чрезвычайными полномочиями назначен тов. Винберг.

§ 6. Комиссаром по охране революционного порядка в городе назначается прап. Чеботарев.

§ 7. В городе начались грабежи. Военно-Революционный Комитет снова заявляет, что попытки грабежей и насилий над мирными жителями будут БЕСПОЩАДНО подавляться всеми мерами. Виновники будут караться по всей строгости революционного закона.

---

*) „Известия Ростово-Нахичеванского Совета Рабочих и Солдатских комитетов“, Пятница 1 декабря 1917 года.

**) „Наше Знамя“, орган Ростово-Нахичеванского Комитета и Донского Окружного бюро от 29/XI—17 г. за № 108.

§ 8. Товарищам—красногвардейцам предлагается беспрекословно исполнять все распоряжения комиссаров Красной Гвардии. Неподчиняющиеся их распоряжениям будут исключаться из состава Красной Гвардии.

Председатель С. Сырцов. Секретарь М. Равикович.

О всех арестовываемых по постановлению Военно-Революционного Комитета немедленно доводить до сведения Военно-Революционного следователя по адресу Штаба Военно-Революционного Комитета.

Военно-Революционный Комитет предоставляет всем служащим милиции свободный образ действий в пределах своих служебных обязанностей и в необходимых случаях будет оказывать им содействие.

Пропуски милиционеров считать действительными. Обезоруживание милиции недопустимо.

Обл. Военно-Рев. К-т.

От Областного Военно-Революцион. К-та. *)

Сражение, начавшееся в районе ст. Нахичевань в ночь на 26-е ноября и продолжавшееся целый день, а затем перекинувшееся на ст. Ростов, закончилось сегодня утром полной победой революционных войск.

Казаки на ст. Ростов сдались и выдали оружие. Генерал Потоцкий арестован. Он находится под надежной охраной. Личность его неприкосновенна.

Товарищи солдаты, матросы и рабочие Ростова и Нахичевани! Вы проявили чудеса храбрости и героизма. Вы доблестно и стойко отразили натиск контр-революции. Честь Вам и Слава!

Честь и слава живым, вечная память павшим в борьбе за свободу, за революцию, за власть народа!

Товарищи! наша победа велика, но велики те трудности, которые еще предстоят. Но к нам со всех сторон идет помощь. Вся Российская демократия с нами! Мужайтесь! Окончательная победа близка!

Товарищи казаки—дети трудового народа—они отказываются сражаться с нами. Они сдали свое оружие, ибо не хотят проливать братскую кровь. Привет им от имени демократии!

Товарищи солдаты, рабочие и матросы! За мир, за хлеб и землю, за волю, вперед!

Долой контр-революцию!

Области. Военно-Революцион. Комитет.

Областной Военно-Революционный Комитет. *)

ПРИКАЗ В.-Р. К. 28/XI

Все служащие Областной и Городской Продовольственных Управ должны немедленно возобновить работы.

---

*) „Известия Ростово-Нахичеванского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов" № 114, среда, 29-ноября 1917 года.

**) Примечание от ред. 28 ноября.

Солдатам и красногвардейцам вменяется в обязанность пропускать служащих названных Управ беспрепятственно по удостоверениям выданным Управами.

Председатель В.-Р. К. **С. Сырцов.**
Секретарь **М. Равикович.**

ПРИКАЗ *).

1. Воспрещается реквизиция и конфискация товаров и продовольственных продуктов без ордера комиссара по продовольствию.

2. Воспрещается красногвардейцам и солдатам требовать отпуска из продовольственных, кооперативных и частных магазинов сахар и хлеб без установленных на то карточек—как бесплатно, так и за плату.

Нарушение сего приказа повлечет за собой строгую кару.

Комиссар Всен. Рев. К-та по
продовольствию **М. Залкин.**

СОБЫТИЯ НОЧИ **).

Ночью 27 ноября станция Нахичевань очищена от юнкеров. Юнкера бежали по направлению к Новочеркасску, оставив 8 трупов, много раненых, оружие, припасы и бронированный автомобиль.

Еще днем 27-го солдаты и красногвардейцы оттеснили казаков и юнкеров из рощи за Софиевским кладбищем, потеряв 2—3 убитыми и до 15 чел. раненых.

Казаки всюду заявляют, что они не желают воевать с рабочими и матросами, но пулеметчики, юнкера и кадеты, а также артиллерия стреляла даже во время переговоров солдат с казаками.

На участке против питомника переговоры были использованы казачьими офицерами для растановки пулеметов и подвоза лент.

Вчера (27-го) на фронте Нахичевань—Кизитеринка поручик Аверин и 2 солдата, отправившиеся к ст. Александровской, к казакам, столкнулись с ген. Калединым. Каледин угрожал красной гвардии и предлагал сдаться.

Ночью 27—28 ноября фронт Нахичевань—Кизитеринка очищен от войск Каледина.

Судовая артиллерия днем 27 стреляла по расположениям юнкеров. Были частые случаи перелетов, однако одним снарядом вечером уничтожена совершенно позиция юнкеров за Нахичеванью вблизи завода.

---

*) „Изв. Рост.-Нахич. Совета Раб. и Солд. депутатов" № 116, Пятница 1 декабря 1917 года.

**) „Наше Знамя", орган Ростово-Нахичеванского Комитета и Донского Окружного Бюро Р. С. Д. Р. П. (б-ков), № 108, среда, 29 ноября 1917 года.

Снаряд попал в самую гущу юнкерского отряда.

Ночью артиллерия обстреливала ст. Ростов, щадя постройки и мастерские. Случайно разбит вагон.

Вокзал несколько раз переходил из рук в руки.

Казаки Потоцкаго бежали из вагонов, где они располагались квартировать.

Вечером на вокзал было произведено 3 наступления.

Несколько раз красногвардейцы входили в вокзал и несли караульную службу, т. к. гражданской войной пользовались бандиты, иногда прикрывавшиеся формой милиционеров, но казаки подкрадывались и выбивали красногвардейцев.

К 10-ти час. утра 28-го вокзал станции Ростов и распределительный эвакуационный пункт (штаб Потоцкого) еще до прибытия отправленных туда автомобилей с пушкой и пулеметами окончательно перешли в наши руки. Казаки Потоцкого, оставив лошадей, бежали за реку.

Занятое ими здание держится под обстрелом орудий с траллеров и „Колхиды".

На днях ожидается прибытие в Ростов революционных пехотных войск и гидропланов.

Утром 28 бой продолжается на Темернике по Церковной улице.

Последние известия.

В ст. Гниловской, существовавший Общественный Комитет, переименовался в Военно-Революционный. Он находится в тесном контакте с Областным Военно-Революционным Комитетом.

В комитете железнодорожников Екат. ж. д. получена от Викжеля телеграмма, что если будут замечены казачьи эшелоны, направляющиеся на Ростов, должны быть приняты все меры к недопущению, вплоть до разбора путей и пр.

Со стороны ст. Аксай по направлению к Нахичевани замечены казачьи части в небольшом количестве.

Вчера в большем случае заводы не работали. Спешно вооружились рабочие мастерских Владк. жел. дор. и рабочие завода Аксай.

Арест генерала Потоцкого.

В 1 дня получено сообщение от Военно-Революц. Ком., что ген. Потоцкий арестован. Казачьи офицеры являются в Совет Р. Д. и отдают себя в распоряжение Военно-Революционного Комитета.

3-й Большой Донской Войсковой Круг и ноябрьские события в Ростове.*)

(Заседание 3 декабря 1917 года).

(Копия из подлинного протокола).

Заседание открывается в 6½ ч. вечера председателем П. А. Агеевым, об'являющим, что в состав президиума вошел дополнительно Б. Н. Уланов от Сальского округа.

На эстраде появляется Войсковой Атаман ген. А. М. Каледин, встреченный бурной овацией.

Слово предоставляется Войсковому Атаману, высказавшему следующее:

„Прежде чем говорить о событиях в Ростове, скажу о том, почему операции под Ростовом длились так долго, а закончились так быстро. Дать подробный очерк настроения наших частей и этапов подготовки мятежа в Ростове, по моему мнению, возможно лишь в закрытом заседании В. Круга.

Разумеется, с Ростовом можно было покончить, уже давно, но пришлось это отложить на несколько дней, пока в казачьих частях создалось настроение, благоприятное для наступательных действий.

Вооруженные столкновения в Ростове между нами и большевиками начались в ночь с 25 на 26 ноября. Существует несколько версий по вопросу о том, кто первый создал вооруженный конфликт в Ростове. Во всяком случае, к этому моменту положение настолько обострилось, что взрыва можно было ожидать с минуты на минуту.

Мы всеми силами стремились к предотвращению кровопролития. Но когда ген. Потоцкий получил сведения, что большевиками готовится решительный удар—арест всех офицеров, он в свою очередь поспешил ответить на это контр-ударом—сделал попытку арестовать Военно-Революционный Комитет. Обе стороны выступили почти одновременно. Первым выстрелом был убит казачий офицер Фесенко, после чего было убито 7 красногвардейцев. Затем началась осада наших частей, оставшихся в Ростове, и постепенное сжимание их большевистскими отрядами.

Этот наш гарнизон сначала держался хорошо, и не было оснований полагать, что он сдастся в плен большевикам, но Военно-Ре-

*) Примечание от редакции. Приводим полностью без всяких изменений и дополнений эту интересную часть заседания Круга 3/XII—17 г. как материал к вопросу организации контр-революции на Дону. В ней, с одной стороны, характерны выступления меньшевиков, лишний раз подчеркивающие их предательско-соглашательскую роль в Октябрьские дни; с другой—речь Богаевского, свидетельствующая последовательность действий контр-революции („покончив с большевиками", они берутся и за соглашателей. Богаевский говорит: „не малая вина в создании кровавого конфликта лежит на Рост. город. голове Николаеве, систематически разжигавшем страсти и травившем в своих выступлениях Войсков, Прав.").

волюционный Комитет сжал кольцо блокады, и нашему гарнизону пришлось 28 ноября сложить оружие.

В это время наши части торговались из-за того, итти ли вперед. Приходилось составлять по кусочкам, беря от разных частей отряд, действовавший под Ростовом".

В дальнейшем Войсковой Атаман подробно излагает ход наступления на Ростов нашего отряда 2 декабря 1917 г., при чем это наступление закончилось занятием Ростова и Нахичевани, без потерь со стороны казачьего отряда.

Затем Атаман продолжает: „Так закончилась большевистская авантюра в Ростове. Нельзя остановиться и успокоиться на ликвидации этих первых выступлений большевиков на Дону.

Я ожидаю от вас твердого слова, без которого невыносимо нести Войсковому Правительству колоссальную ответственность, возложенную на него чрезвычайными событиями последнего времени.

Необходимо, чтобы вы твердо сказали, чего держаться, и чтобы ваше раз'яснение было бы сообщено для исполнения не только мирному казачьему населению Дона, но и строевым казачьим частям.

Должен сказать, что в эти дни я, вместе с Правительством, пережил чрезвычайно тяжедые минуты и эти минуты я никогда не забуду. Ведь приходилось наталкиваться на неразрешимые вопросы, попадать в безвыходное положение, когда казачьи войсковые части отказывались от исполнения приказов выборного Войскового Правительства.

Надо, чтобы это Правительство обладало реальной, а не призрачной властью. Без этого немыслимо управление.

Выступление большевиков в Ростове ликвидировано. Но грубой силой нельзя вершить все. Должна итти и идейная борьба с большевизмом, при самом широком участии в этой борьбе общественных сил. Мы должны широко раскрыть дверь всем идейным противникам большевизма. Только тогда мы можем расчитывать на успех".

Слово предоставляется представителю Ростовского городского самоуправления, Васильеву, (меньшевик. Ред.) указывающему на чрезвычайно тяжелое положение, в котором находилось это самоуправление, относившееся одинаково отрицательно и к попытке захвата власти большевиками, и к домогательствам Войскового Правительства, самочинно об'явившего себя высшей властью в Области — веления которой обязательны не только для казачьего, но и для неказачьего населения. Ростовская Городская Дума прилагала все силы сначала к предотвращению, а затем к прекращению гражданской войны на Дону, но все попытки делегации думы не привели к желательным результатам. Дума была как бы между молотом и наковальнею, а ростовские мирные граждане переживали тяжкие дни, подвергались обстрелу с обеих враждующих сторон.

В дальнейшем г. Васильев излагает попытки Городской Думы остановить гражданскую войну на Дону.

Старшина В. Д., С. Г. Елатонцев, ведший переговоры с военно-революционным комитетом, отмечает некоторые неточности в докладе предыдущего оратора. По заявлению С. Г. Елатонцева, переговоры его с уполномоченным военно-революционного комитета Решетковым завершились следующим заявлением его,—в присутствии градоначальника Зеелера, ген. Потоцкого и др. свидетелей. „Войсковое Правительство уполномочило меня заявить, что охотно пойдет на уступки, если такие же уступки будут сделаны и военно-революционным коми-

тетом. Если же обе стороны не придут все таки ни к какому соглашению, то весь ход переговоров будет доложен на собирающемся через три дня Войсковом Круге, от которого и будет зависеть сказать свое решительное слово по этому вопросу".

Несмотря на такое заявление, большевики через несколько часов перешли к активному выступлению.

Вновь выступает с краткой репликой г. Васильев, подтверждающий, что разгром помещения совета рабочих и солдатских депутатов и стрельба неизвестных лиц по казармам, расположенным в Ростове пехотных полков, дали большевикам лишь внешний повод к открытому выступлению; сам же военно-революционный комитет еще и до этого занял непримиримую по отношению к казачеству позицию, „война до победного конца".

Затем Войсковой Атаман докладывает В. Кругу о своем разговоре с делегацией Ростовской Гор. Думы, явившейся к нему в станицу Александровскую, в целях прекращения гражданской войны. Этот разговор делегация начала пред'явлением к Войсковому Правительству ряда требований: немедленно снять военное положение, возвратить оружие пехотным гарнизонам Новочеркасска и ст. Каменской, организовать власть в Области на основе представительства от всего, а не только от казачьего населения Области и пр.

Я спросил говорившего от имени депутации д-ра Чичинадзе (меньшевик. Ред.): „вот вы пред'являете к нам разные ультимативные требования, а пред'явили ли вы какие-нибудь требования к военно-революционному комитету".

Г. Чичинадзе заявил, что депутация входила в переговоры с названным комитетом, но тот не выразил желания пойти на какие-бы то ни было уступки.

Тогда я спросил депутацию, какие же реальные последствия могло бы иметь удовлетворение Войсковым Правительством требований, пред'явленных к нему не большевиками, а нейтральной организацией—Городской Думой.

Депутация ответила так: „а мы тогда оформим эти наши уступки особым протоколом, и тогда на вашей стороне будет моральная победа, а на стороне большевиков—моральное поражение".

Я им возразил: „да ведь большевики не признают никаких моральных устоев, они опираются только на грубую силу и только с нею считаются". На этом разговор и кончился.

Пока длились эти переговоры, большевики заняли опушку леса и стали пускать пули по улицам станицы.

Такова действительная обстановка моей беседы с депутацией г. Ростова".

Следующий оратор, товарищ Войскового Атамана М. П. Богаевский подчеркивает, что не малая вина в создании кровавого конфликта лежит на Ростовском городском голове Николаеве (члене П. С.-Р. Ред.), систематически разжигавшем страсти и травившем в своих публичных выступлениях Войсковое Правительство.

Делегат Войскового Круга Ушаков (Елизаветинской станицы) докладывает об освобождении захваченных большевиками ген. Потоцкого и градоначальника Зеелера и о радостной встрече казаков населением Ростова.

Из папки Донского атамана Каледина „К докладу Войсков. Кругу". *).

№ 27608. 25 октября 1917 г.

Всем начальникам гарнизона и начальникам дивизий и пешей бригады.

За министра Малянтович телеграфирует, что большевики Петрограде других местах пытаются захватить власть грозит гибелью революции и срывом Учредительного Собрания точка

Все депеши призывающие восстанию не исполнению боевых приказов передвижению по частному распоряжению направлять Петроград главную телеграфную контору точка

Ввиду изложенного в согласии с войсковым правительством приказываю первое иметь войска гарнизона наготове

Второе принять меры по охране телеграфа установить в нем наблюдение за депешами согласно изложенному в телеграмме Малянтовича принять меры по охране винных складов запятая казначейств банков и других казенных учреждений

Третье приказания из Петрограда и других мест за исключением приказаний прямого начальства исполнять только по проверке сношением с войсковым правительством

Четвертое в случае выступлений большевиков и других анархических организаций разрешаю об'являть военное положение в районе Вашего ведения с немедленным донесением мне

Пятое ответственность за полное соблюдение порядка возлагаю всецело на начальников гарнизонов

Шестое о получении этого распоряжения срочно мне донесите.

25/X—17 г. В. Ат. Каледин.

Приказ Донскому войску.

25-го октября 1917 г. № 921.

Происходящие последнее время забастовочные волнения в угольно-промышленном и заводском районах в связи с обнаружением стремления захвата предприятий насильственным путем, заставляют Войсковое Правительство прибегнуть к чрезвычайным мерам для охраны угольного и заводского района, составляющего в данный момент источником жизни всей промышленной России, а также железнодорожного транспорта. С 26-го сего октября весь углепромышленный

*) Материалы к организации контр-революции на Дону. Настоящая папка найдена в архивах в г. Новочеркасске.

район в области Войска Донского об'является на военном положении, с управлением на основании правил приложенных к статье 23-й т. 2 свода законов издания 1892 года.

Войсковой атаман генерал от кавалерии Каледин.

Окружным атаманам Донецкого, Хоперского, второго и первого Донского, Сальского, усть-Медведицкого.

№ 3030. 25-X.

Приказываю немедленно организовать советы обороны для распоряжений по обороне Округа и охранению порядка при помощи дружин казаков-добровольцев. Председательство, руководство и ответственность за быстрое проведение мер лежит на окружном Атамане. Все вопросы разрешать на местах. Необходимо организовать быструю связь по станицам и со Штабами строевых частей в округе расположенных.

Войсковой атаман Каледин.

ПРИКАЗ.

Всем Донским казачьим частям, расположенным в Области Войска Донского.

г. Новочеркасск октября 26 дня 1917 г. № 19.

Вся Россия переживает в настоящее время страшно тяжелые дни, так как положение государства еще осложнилось восстанием большевиков, поднявших 24—25 октября мятеж для захвата власти в Петрограде и других городах.

В этих чрезвычайных обстоятельствах Войсковое правительство решило всеми средствами поддержать Временное правительство и не допустить анархических выступлений в пределах Донской Области, для чего даны указания всем подлежащим начальникам. Прекращение связи с правительством и крайне тревожное положение в угольном районе Донской Области заставили Войсковое Правительство принять на себя временно всю полноту государственной власти по отношению ко всему населению Донской Области и об'явить угольный район на военном положении, в случае же возникновения беспорядков в отдельных пунктах Области, предоставляю начальникам гарнизонов право об'являть таковые пункты на военном положении своей властью с донесением Правительству.

В наступившее трудное тревожное время необходимо прежде всего сохранить в Области полный порядок, оградить граждан от насилий, дать возможность беспрепятственно работать всем торгово-промышленным предприятиям и вообще обеспечить законное течение всей жизни Области.

Войсковое Правительство, сознавая всю ответственность задачи, особенно озабочено опасностью беспорядков в угольном районе, так как прекращение добычи угля в Донецком бассейне и даже значительное уменьшение ее грозит остановкой всей угольно-фабричной промышленности и также железных дорог; такая остановка внесет голод и смерть не только в Донской Области, но и во всей России. Для поддержания порядка в Области, в нашем родном крае, Войсковое Правительство рассчитывает на полное содействие всех Дон-

ских казачьих частей в глубоком убеждении, что все казаки одинаково понимают всю необходимость и чрезвычайную важность для интересов всего Донского казачества, сохранения законного порядка; поддержание этого порядка нельзя возложить только на милицию по ее слабости и неприспособленности. Войсковое Правительство считает, что установление порядка на Дону есть дело Донских казаков и поэтому, когда военный министр распорядился двинуть в пределы Донской Области для охраны угольного района третью кавалерийскую дивизию, я потребовал отмены этого распоряжения, что и было исполнено. Только твердая решимость охранить Область от противозаконных выступлений, поддержанных силой, может спасти наш родной край от анархии.

Приказ прочесть во всех полках, батареях, сотнях и командах.

Генерал Каледин.

ТЕЛЕГРАММА.

Одесса.

ГЛАВНОКОАР.

0505. Прошу немедленно приостановить движение полков третьей кавалерийской дивизии Ровеньки и Грушевку до особого разрешения Наштаверх запрошенного мной вместе сим точка Предупреждаю во избежание могущих быть недоразумений и осложнений точка 26885.*)

Войсковой Атаман Каледин.

ТЕЛЕГРАММА.

Отдельно Военному Министру. Срочная военная.

СТАВКА НАШТАВЕРХ.

Копия Главнаокр Маркс Одесса.

Сейчас получил телеграмму 0505 Главнаокр Маркса о направлении Донскую Область Ровеньки и Грушевку двух полков третьей кавалерийской дивизии точка Подобное передвижение без предварительного соглашения Войсковым Правительством и раз'яснения казачьим частям и населению совершенно недопустимо и может вызвать осложнения. Прошу немедленной отмены до предварительного соглашения. Благоволите экстренным раз'яснением ибо для охраны Донецкого бассейна пределах Донской Области есть Донские части 26886.*)

Войсковой атаман Каледин.

№ 27859 27 октября 1917 года.

Военная срочная.

УСТЬ-БЕЛОКАЛИТВЕНСКАЯ.

Командиру 36-го полка.

Немедленно командируйте походным порядком две сотни для расквартирования в лагере Черкасского округа вблизи Александровска Грушевского точка Кроме того одну сотню необходимо расположить

*) Примечание от редакции. Чисел в подлиннике не указано.

на Несветайских рудниках Парамонова близь хутора Малонесветайского западу от Александровска-Грушевского для чего квартирьеров при офицере вышлите конными одновременно с двумя сотнями, идущими в лагерь Черкасского округа точка Передвижение Несветайские рудники требуется прозвести спешно точка Времени выступления сотен квартирьеров маршрут времени прибытия на места телеграфируйте, что необходимо делать при получении всякого распоряжения о передвижении точка О получении настоящего распоряжения срочно донесите

Наоштаб Араканцев

НАЧАЛЬНИКУ 7-й ДОНСКОЙ ДИВИЗИИ.

31-го октября 1917 г. № 21

Записи по исходящему Областного Правления.

Начальник штаба Верховного Главнокомандующего просит содействия Донского Войска к подавлению большевистского мятежа. По последним сведениям город Саратов, Воронеж, Царицын в руках большевиков. В Москве, Петрограде и Киеве идет вооруженная борьба с восстанием.

Сегодня от Комиссара Западного фронта получено сведение, что немцы, пользуясь нашим внутренним осложнением, перешли в наступление.

В таких чрезвычайных обстоятельствах Войсковое Правительство решило для спасения гибнущей родины перейти к активной борьбе с большевиками вне пределов Донской области и первой задачей ставит овладение Воронежом и восстановления в нем порядка для открытия прямого движения с Москвой и по Волге.

Задачу овладения Воронежом поручаю Вам.

В Ваше распоряжение назначаю 21-й и 41-й Донские полки с 15-й батареей и 4-й Донской пеший баталион.

С этим отрядом в полной боевой готовности по военному времени Вам следует отправиться по железной дороге через Поворино, Лиски на Воронеж. Порядок отправления эшелонов предоставляю Вашему усмотрению. Полагаю, что в голове должен быть пущен пеший баталион с придачей к нему конной сотни в виде авангарда.

По пути важнейшие узловые станции, как Поворино, Лиски должны быть непременно заняты командами от Вашего отряда. Если потребуется — команды эти могут быть сменены выдвижением других частей из Области.

Распоряжение о подготовке подвижного состава и посадки Филоново и Панфилово для пешего баталиона и 41-го полка и Урюпине для 21-го полка и 15-й батареи и штаба дивизии — сделаны.

Приказываю Вам принять все меры для скорейшего отправления частей, отнюдь не задерживаясь, так как помощь нужна самая быстрая и энергичная.

При столкновении с вооруженным сопротивлением, действовать самым решительным образом.

Всю ответственность за быстроту и энергию действий совершенно необходимую в данных обстоятельствах возлагаю на Вас.

В Воронеже и попутных пунктах в целях поддержания спокойствия, можете об'являть военное положение.

Связь держите со мной ежедневными донесениями и с командующим Московским Округом, последнего я ставлю в известности насколько позволит телеграфное сообщение.

По овладении Воронежом дальнейшее указание получите от меня и вообще в этой командировке Вы останетесь в моем распоряжении.

Примите все меры для обеспечения отряда продовольствием.

Генерал от кавалерии **Каледин.**

Начальник штаба полковник **Араканцев.**

ТЕЛЕГРАММА.

Новочеркасск Начальника штаба полковнику Араканцеву. Новочеркасск АСТРАХАНИ БЕЗ НР ВСЛ БЕЗ ВРЕМЕНИ ПОДАЧИ.

29/x—1917 г.

Саратов в руках большевиков ночью обстреливался артиллерией большевиков сейчас ружейная перестрелка юнкера сдались просят помощи Астраханских казаков мы ничего дать не можем имея Саратов запятая станицу просим вашего содействия гарнизоне Саратова двадцать тысяч о помощи умоляю жду срочного ответа для сообщения в Саратов 321. Начальник штаба войска Астраханского.

Под'есаул **Сережников.**

ТЕЛЕГРАММА.

№ 27955. Военная срочная.

Астрахань Наоштаб под'есаулу Сережникову.

321 Оказание помощи Саратову требует снаряжения большой экспедиции что данное время создавшихся условиях невозможно точка Войсковой Атаман получив вчера сведение через Ростов уже просил Московский Округ оказать помощь Саратову из Казани.

29/x—17 г. **НАОШТАБ Араканцев.**

В ДОНСКОЙ КАЗАЧИЙ ВОЙСКОВОЙ КРУГ.

Копия Керенскому.

Саратовский гарнизон под влиянием большевиков захватил все учреждения в городе, уничтожил списки в Учредительное Собрание, угрожает банкам, складам продовольствия, ожидается общий погром; жизнь в учреждениях замерла, население охвачено паникой. Значительная часть гарнизона разбегается из города, но остальная устроила окопы, расставила орудия и пулеметы кругом города. Гарнизон располагает силами: 4 полка пехоты, два пулеметных полка и бригада пешей артиллерии (6-ти орудийной). В губернии в некоторых гарнизонах неспокойно. У нас имеются казачьи части, но без артиллерии.

Необходимо: бригада казаков и две батареи.

Убедительнейше просим немедленной помощи.

Саратовский Губернский Комиссар Д. Топуридзе.

№ 81

2 ноября 1917 г. с. Разбоицино.

Командир бригады под городом Саратовом полковник Головин. Имея 3 полка в дивизии без артиллерии, из коих одна сотня в Камышковке, 3 сотни в Балашове, одна сотня в Ахтарске, 3 сотни в местах, где неспокойно и далеко—всего в командировках 8 сотен, с остальными сотнями выступают против большевиков для захвата города Саратова. Прошу помощи артиллерией и казаками.

Начальник 2-й Оренбург. Казачьей дивизии
Генерал-майор Тимашов.
3 ноября.
Баланда.

Резолюция: „Помочь не можем. 8/xi Каледин".

ТЕЛЕГРАММА

Секретно военная оперативная Новочеркасск наказному атаману.
28/x 1917 г.

Разбор шифрованной депеши на имя войскового атамана.

Не найдете ли возможным направить на Москву для содействия правительственным войскам в подавлении большевистского восстания отряда казаков с Дона, который по усмирении восстания в Москве мог бы пройти на Петроград для поддержки войск генерала Краснова точка 7991 Духонин.

Верно: за старшего ад'ютанта Есаул Болдырев.
Резолюция Каледина: „Срочно доложить. ген. Каледин. 29/x".

ТЕЛЕГРАММА

29-X—17 г. № 7991.

Дармия Наштаверх.

Посылка противоречит постановлению Круга и требуется наличие чрезвычайной необходимости для оправдания глазах казаков точка По нашим сведениям большевистское движение идет быстро ликвидации точка Благоволите осветить обстановку для сведения Войскового Правительства точка Полагаю если и возможна посылка то не иначе как на смену наших частей например полков первой Донской дивизии давно просящих об отводе на Дон точка Необходимо иметь ввиду возможный отказ перевозке со стороны железных дорог 46 Каледин.

Нач. Штаба
№ 27736
Октябрь 1917 г. *)

Командиру 6 Донского казач. баталиона.

По приказанию Войскового Атамана предлагаю Вам немедленно командировать в город Ростов две сотни вверенного Вам баталиона при двух пулеметах под командою штаб. офицера для поддержания

*) Прим. Редакции. Чисел в подлиннике не указано.

порядка на случай возникновения беспорядков ожидающихся от выступления большевиков и в этом случае надлежит руководствоваться указаниями, данными вам лично Войсковым Атаманом.

Полковник Араканцев.
Ст. Ад. В. Ст. Мягков.

Военная.

Приказ Войску Донскому.

Гор. Новочеркасск 2-го ноября 1917 г. № 938.

В виду развившегося большевистского движения и пропаганды Ростовское на Дону Градоначальство, округа: Черкасский, Ростовский и Таганрогский с городами: Новочеркасском, Таганрогом и посадом Азовом об'являются состоящими на военном положении (приложение к статье 23 т. 2 Св. Зак.).

Подписали: Войсковой Атаман Войска Донского Каледин.
Верно: За начштаба Полковник Бабкин.

По прямому проводу из Урюпинской.

От 9-го ноября 1917 г.

В ночь 9-го ноября в ст. Урюпинской часть местной команды при участии посторонних лиц предводительством большевика Селиванова произвела восстание и арестовала меня окружного Атамана командира 6-го запасного полка и некоторых других офицеров заняли штаб дивизии и управление Окружного Атамана точка Прибывший по вызову полк освободил арестованных лиц запятая арестовал Селиванова и несколько других лиц заключив их в тюрьму своевременное прибытие полка не дало возможности развиться беспорядкам местная команда обезоружена точка Сего числа я ввел военное положение в станице Урюпинской и в пунктах расположения 21—22 полков и 7 Донского казачьего дивизиона точка Доложите об этом Войсковому Атаману подробное донесение последует точка необходимо немедленное расформирование Урюпинской местной команды. Ввиду происшедших событий перевод 22 полка Таганрог настоящее время недопустим ходатайствую об оставлении здесь имеются слухи о прибытии сюда пехотных частей. *)

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ.

Сколько участвовало казаков?

Около 30 человек, офицеров не было, были солдаты, посторонние лица и несколько казаков 5-й сотни 6-го запасного полка урядником Орешкиным.

Была-ли стрельба?

Жертв не было, стрельба была при нападении на Окружного атамана, при чем им самим ранен большевик Селиверстов. Сделано распоряжение на другие станции солдатских эшелонов. Подробность и распоряжение получите сейчас, иду доложить, ухожу, обождите, у аппарата Докладываю 14 батареи не совсем спокойно.

А в 22-м 21-м полках?

21-й 22-й и в 15-й батареи настроение хорошее.

Ждите, ушел.

*) Пр. от ред. Подписи в подлиннике не имеются.

РЕЗОЛЮЦИЯ:

9/XI—17 г, 16 час. 20 мин. Расследование. Удалите из команды ненадежных, перегруппировав команду. Укомплектовать от окружного атамана.

По прямому проводу

УРЮПИНСКАЯ.

Начдив 7 Донской.

Войсковой Атаман приказал произвести строжайшее расследование беспорядков и привлечь немедленно к ответственности виновных. Поддержание порядка полностью лежит на Вашей ответственности и действия Ваши в нужных случаях должны быть решительны и всякое проявление большевиков должно быть уничтожено беспощадно.

Местную команду необходимо теперь же переформировать, удалив из нее все причастное к выступлению, оставив только надежный элемент. Пополнение команды произвести немедленно, потребовав от Окружного Атамана необходимый наряд.

22 полк в виду создавшейся обстановки остается на месте, квартирьеры возвращаются обратно. На станциии Алексиково установите самое бдительное наблюдение, чтобы ни один эшелон с солдатами не проник в Область без разрешения Войскового Атамана. Такие эшелоны, а также транспорт с оружием, патронами должны быть задерживаемы, окарауливаемы и могут получить дальнейшее направление по разрешению войскового атамана. На станции Алексиково караул от четвертого пешего баталиона, если надо усильте его. О состоянии частей и всей обстановки чаще осведомляйте.

Наоштаб Араканцев.

9-го ноября 1917 года № 180.

Куда направить неблагонадежных казаков из местной команды? Виновные должны быть арестованы, только такая категория и подлежит удалению из команды, что должно установить немедленное следствие, а явно участвовавшие должны быть уже арестованными.

№ 180 летучий.

ПРИКАЗ.

Войску Донскому.

Город Новочеркасск 9 ноября 1917 года № 964.

В виду об'явленного военного положения для поддержания порядка в Ростове, Нахичевани и об'единения командования войсковыми частями, расположенными в Ростове и его ближайших окрестностях, подчиняю все войсковые части гарнизонов Ростова, Нахичевани, Батайска, станиц Аксайской, Александровской, Гниловской и Кизитеринки и хутора Синявского,—генерал-майору Потоцкому (Штаб гор. Ростов) с правами командира корпуса по военному времени.

Войсковой Атаман Генерал от Кавалерии: Каледин.

(По Войсковому штабу).

КОМАНДИР
30
БРОНЕВОГО АВТОМОБИЛЬНОГО
ОТДЕЛЕНИЯ.

10 ноября 1917 года.
№ 1297.
Действующая Армия.

Войсковому Атаману Войска Донского.

РАПОРТ.

2-го ноября эшелон вверенного мне отделения совместно с 17 драгунским Нижегородским полком был двинут из Калуги в Гатчино на поддержку правительственных войск.

Не доезжая 10—15 верст до Вязьми эшелон был задержан и начальник отряда командир драгунского полка полковник Брант—сообщил мне, что так как большевистский гарнизон Вязьмы не пропускает войска в направлении Москвы и Петрограда, а решившись пробиваться к Гатчино, силой придется преодолевать противодействия большевистских гарнизонов не только в Вязьме, но в Ржеве, Гжатске и т. д.—он, полковник Брант, возвращает отряд обратно в Калугу.

В день возвращения отделения в Калугу окружающая обстановка слагалась следующим образом: в городе оставалось около 5 тысяч разоруженных большевистских солдат, ударный баталион, сотня сибирских казаков, отряд из офицеров и возвратившиеся из Вязьмы: 17-й драгунский полк, две сотни кубанцев и мое отделение. Из перечисленных частей крепкими, как направлением так равно и стремлением совместных действий и взаимной выручки—были кубанские казаки и мое отделение, на которые и легла вся тяжесть водворения порядка и расформирования большевистских частей во Ржеве и Калуге. 17-й драгунский полк, хотя и находился в составе действовавшего в обоих случаях отряда, но фактического значения не имел: во Ржеве драгунами было определенно заявлено, что они стрелять не будут. Это известно, бывшему во Ржеве, помощнику комиссара Западного фронта капитану Игнатьеву,—в Калуге-же, в самое критическое время полк колебался, а пулеметная команда отказалась выступить, о чем известно комиссару Минского Округа г. Галину; и наконец, при движении к Вязьме, я, желая лично убедиться в настроенни драгун, подходил к нескольким группам и беседовал по поводу происходящих событий, при чем драгуны говорили, что хотя они и едут в Гатчино, но что по прибытии на место, они еще посмотрят, кто будет исполнять приказания. К этому нужно добавить, что у первого драгунского эшелона, подошедшего к Вязьме, большевики отобрали два пулемета. Все это указывало, что на драгунский полк расчитывать трудно.

Сотня сибирских казаков была малого состава и распылена по уезду; ударный баталион определенного направления не дал.

Прибывшая из Москвы делегация офицеров заявила, что отряд правительственных войск изнемогает, но в тоже время, ознакомившись с численностью отряда, имевшего возможность двинуться к Москве, определенно заявили, что отряд этот спасти положения не может. Ими было показано и распоряжение командующего войсками Московского округа полковника Рябцева, предупреждающего о том, чтобы малым отрядам, во избежание напрасных жертв, в Москву не входить, а располагаться по близости.

Если к этому добавить, что кубанские казаки категорически решили из Калуги уйти на Юг, а окружающие Калугу гарнизоны в Туле, Брянске, Вязьме и Москве—большевистского направления—станет ясно, что с успехом большевиков в Москве предопределяется участь моего отделения, которое, оставаясь в Калуге с уходом кубанцев, оказалось в одиночестве, тем более, что отделение, несомненно, держится у большевиков на учете за водворение порядка во Ржеве и разгон оружием большевистского самочинного совета в Калуге. Не говоря уже о том, что, оставляя отделение в Калуге, я ставил бы преданных родине и долгу людей перед возможностью в отношении их самосудов, но, что еще важнее, я рисковал тем, что отделение как часть—перестанет существовать (в Казани 40-е отделение действовало против большевиков: последние одержали верх и отделение рассеяно).

Взвесив сложившуюся обстановку и учитывая упорно нараставшую молву, что войска генерала Каледина двигаются в направлении Москвы,—я решил сохранить родине часть крепкую своей преданностью долгу и самостоятельно двинул отделение на Юг, с целью присоединиться к войскам Вашего Высокопревосходительства. В этом решении мы были об'единены с кубанскими казаками, с которыми и двинулись совместно, двумя эшелонами, чтобы не быть задержанными по дороге большевистскими гарнизонами—нами было избрано направление через малые пункты: Калуга—Горбачево—Волово—Елец—Касторная—Валуйки—Купянск—Зверево. Ведя на этих пунктах разведку о движения казаков к Москве, я нигде не получил об этом желанных данных, почему и довел эшелон до Новочеркасска.

В виду того, что кубанские сотни и мое отделение об'единила трудная и совместная работа во Ржеве и Калуге, а также общность взгляда на сложившиеся в России события и принятые решения—кубанские сотни постановили ходатайствовать перед своим правительством о принятии нас в казачество и просили следовать вместе с ними на Кубань. Нас это—главным образом офицеров—крайне устраивало, тем более, что ожидавшегося нами движения к Москве не существует. Но раз Ваше Высокопревосходительство признали, что польза дела требует, чтобы мы остановились здесь—Ваше желание выполнено и отделение размещено в Новочеркасске.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Протокол комитета отделения за № 15, список личного состава отделения и список машин.

Капитан Фейш.

РЕЗОЛЮЦИЯ:

„Приказ о прибытии в пределы Области". *) 13/xI 1917 г.

ТЕЛЕГРАММА.

Новочеркасск войсковому атаману.

Из Макеевки 167. 53. 15. 9. 30. военная 13/xI—17 года.

Сегодня казаков первой сотни шестого баталиона охранявший станцию Ханжонково под влиянием слухов возможных насилий стороны рабочих самовольно оставил свой пост и уехал станцию Харцызск командир сотни есаул Фиасин вопреки гарнизонному уставу не установил связи почему я совершенно не осведомлен задачах

*) Прим. от ред. Подпись не разборчива.

сотни разрозненность действий вызвала печальные последствия 188 Есаул Чернецов.

Резолюция: „15/XI даны указания П. Богаевскому ген. Каледин".

ТЕЛЕГРАММА

Новочеркасск войсковому атаману.

Екатеринодара 3471. 84. 16. 45 ВН. 14/XI—1917 года.

Разбор шифрованной депеши из Екатеринодара на имя войскового атамана.

Получена телеграмма Пржевальского самовольном движении Ставропольскую губернию тридцать девятой дивизии идущей воевать с казаками первый эшелон прошел Тифлис двенадцатого необходимо ее задержать если возможно разоружить прошу дать полк—и броневики 12923.

Войсковой атаман Филимонов.

Верно: за старшего ад'ютанта есаул Болдырев.

Резолюция: «Могу крайнем случае выслать броневики, полка дать не могу ввиду всей обстановки Ген. Каледин 15/XI».

ТЕЛЕГРАММА

Военная срочная.

Филоново командира 4 батальона.

Войсковой атаман приказал немедленно выступить баталиону в полном составе и следовать Таганрог где расположить по квартирам точка. Подвижной состав попробуйте на станции сами точка. Заведывающему передвижением дается распоряжение о подачи подвижного состава точка. Командируйте квартирьера вышлите в войсковой штаб офицера получить указания получение сего распоряжения точность и важность исполнения. телеграфируйте точка. Телеграфируйте срочно Ростов числе вагонов составе баталиона. Наоштаб Араканцев.

15/XI 2 часа 20 мм.

Шифрованная.

Войсковому атаману Екатеринодар.

12923—Могу крайнем случае выслать броневики точка. Полка дать не могу ввиду всей обстановки 52.

Каледин.

16 ноября № 52.

ТЕЛЕГРАММА

Новочеркасск войсковому атаману из ставки БЕЗ НР без слов вручить старшему принять меры скорейшей доставки секретная вне очереди.

16/XI—17 г.

Имеющиеся ставки сведения указывают на возможность подхода к Ростову на Дону тральщиков с двумя малыми миноносцами и дес-

сантов несколько сот матросов с несколькими пушками точка. Мною даны указания Наморск Черного моря о недопущении этого отряда точка 834 Духонин.

Резолюция: „Для передачи ген. Потоцкому 16/xi. Ген. Каледин".

16/xi—17 г. передана генералу Потоцкому через дежурного ад'ютанта при атамане.

ТЕЛЕГРАММА

Новочеркасск войсковому атаману.

Мною сейчас получено следующее предупреждение из Керчи Севастополя прошли Азовское море два военных транспорта снарядами пулеметами орудиями Таганрог для действия большевиков против казачества Поляков.

Резолюция: „1) Командировать Таганрог ген. Назарова.

2) Послать Таганрог запасную батарею и сотню курсантов. Ген. Каледин". 17/xi—17 г.

ТЕЛЕГРАММА

Срочно Новочеркасск Войска Атаману.

Разбор шифрованной депеши Войскового Атамана Кубанского войска

От 17 ноября 1917 г. за № 1305.

Положение серьезно. Прошу спешно выслать броневики с Вашим прикрытием до Тихорецкой полковнику Бабиеву для ликвидации тридцать девятой дивизии точка По миновании надобности пошлем их Вам. Номер 1305. Филимонов.

ТЕЛЕГРАММА

Новочеркасск Войсковому Атаману

Из ставки без заголовка. 18-XI—17 г. Военная.

По донесению адмирала Немитца с целью политической демонстрации в Ростов на Дону Черноморским с'ездом отправлено два тральщика вопреки его протесту и раз'яснению точка № 8386.

Духонин.

ТЕЛЕГРАММА

Новочеркасск Войсковой Штаб

Серебряково 070.40.18.20.20. 19-XI-1917 г.

15-го ноября командир 73-й Донской особой сотни прапорщик Мешков рапортом 1429 донес что прибыл в мое распоряжение на запрос чьему распоряжению прибыл прапорщик Мешков мне не ответил, куда-то уехал сотню распустил по домам. № 1338.

Полковник Попов.

Начальник
ВОЙСКОВОГО ШТАБА
Войска Донского.
Отдел Дежурного Генерала
Отделение
№ 18320.
20 ноября 1917 г.
г. Новочеркасск.

Командиру 30 броневого автомобильного отделения.

Войсковой атаман приказал всему броневому Отделению утром 21-го ноября отправиться по железной дороге в г. Ростов в распоряжение ген. Потоцкого. О выступлении донести.

Полковник Араканцев,
Подполковник Лесовой.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

Начальнику 9 Донской казачьей дивизии от команд. 46 полка.

20-го ноября в 16 часов 30 мин. из Аксая 17 час. 15 мин.

Мною от Начальника Гарнизона ст. Александровской получено сообщение, что генерал Потоцкий экстренно вызвал в г. Нахичевань 4 и 6 сотни и пулеметную команду. Вызов сотен и пулеметной команды связан с выступлением красногвардейцев, которые разбирают путь между станциями Ростов и Нахичевань.

Полковник Дукмасов.
Передал дежурный офицер Галдин.
Принял дежурный чиновник Скрипкин.

ТЕЛЕГРАММА

21-XI—17 г.
Срочная Новочеркасск Наоштаб.
Военная. Экстренно Новочеркасск Миллерово 572,65,21,11,40.

Четвертая сотня расположенная в станции Шептуховке воспрепятствовала принять меры против вторжения большевиков Область. Заявила, что она принимает их сторону точка Третью сотню расположенную Мальчевской надежды нет. Полковой Комитет не смотря неоднократные настояния уклонился вынести постановление переживаемому политическому моменту точка Вызвал телеграфу представителя полка фронтового с'езда приглашаю делегацию десятого тринадцатого полков точка Если возможно командируйте старшину правительства воздействия полк. № 12502.

Полковник *)

КОМАНДИР
41-го Донского Казачьего
полка.
21 ноября 1917 г.
№ 30.
ст. Ольгинская.

В. Секретно.

Начальнику Войскового Штаба
Войска Донского.

РАПОРТ.

Генерал Потоцкий разрешил стать полку в ст. Ольгинской и ожидать прибытия 30-й батареии.

---

*) Примечание от редакции. В подлиннике подпись оторвана.

Здесь 3, 4, 5, 6 сотни, конно-пулеметная команда и команда связи.

Вторая сотня по приказанию генерала Потоцкого оставлена в ст. Кагальницкой для прикрытия артиллерии.

Первая сотня, как видно из прилагаемого рапорта командира этой сотни, отказалась выполнить приказание о выступлении в поход (большая половина казаков).

Мною послано командиру сотни категорическое приказание присоединиться к полку с казаками, которые остались верными долгу, службе и присяге.

До сих пор еще не присоединился командир сотни.

Мною послан представитель сотенного дисциплинарного суда шестой сотни произвести дознание.

Обоз, продвинутый сначала в Таганрог, затем в Ростов, Батайск и направленный эшелоном в Аксай, в Ростове задержан. Оттуда не принимают ни в Аксай, ни в Батайск.

Заведывающий хозяйством донес, что разрешено разгрузиться в Гниловской станице, но дадут-ли паровоз—неизвестно. Посылаю офицера и казаков для установления связи с этим эшелоном.

Зерна в сотнях нет; муки нет; сена достать трудно; все осталось в эшелоне и неизвестно, когда он может быть сюда доставлен.

В Батайске жители встретили казаков враждебно. Было постановлено дать ночлег до 8-ми часов утра 20-го, и с этого времени настаивали на скорейшем уходе. Казаки волнуются.

Положение всех офицеров отчаянное, даже трагическое.

Необходимо прибытие в Кагальницкую станицу военного следователя.

Полковник Цыганков.

За ад'ютанта полка Под'есаул Семенцов.

Приложение: Копия рапорта Командира 1-й сотни № 1322.
Резолюция Каледина: „В доклад Войсковому Кругу. 28-XI—17 г.".

Командир 1 сотни
41 Донского Казачьего
полка
18-го ноября 1917 года.
№ 1322
ст. Кагальницкая.

КОМАНДИРУ ПОЛКА.

РАПОРТ.

Доношу, что первая сотня отказалась выполнить Ваше приказание о выступлении в ст. Хомутовскую. Моим приказаниям сотня не подчинилась о выступлении.

Обоз, каптенармус, артельщик, вестовые, подчиняясь большинству, отказались выполнять свои обязанности по укладке хозяйственных вещей.

Отвечая за все сотенное имущество по суду, я поставлен в крайне тяжелое положение. Фактически я уже не командир сотни, потому что мне не подчиняются. Сотенный значек сотня не даст. Бросить сотню на произвол судьбы я не имею права. Прошу точных указаний как быть. Впредь до Ваших распоряжений остаюсь при сотне, которая требует, в случае моего отъезда, сдачи сотни и всего имуще-

ства, и фуража. А кому сдавать? и имеет ли право сотенный комитет принять сотню. Кухни не дают. Есаул Жиров.

С подлинным верно. Командир 41 Донского Казачьего полка полковник (подпись).

КОМАНДИР
41 Донского Казачьего
полка
21-го ноября 1917 года.
№ 31.

Начальнику Войскового Штаба
Войска Донского.

РАПОРТ.

Полк выступил в поход в гор. Азов 18-го сего ноября по приказанию генерала Потоцкого, за исключением первой сотни, о чем довожу рапортом № 30.

По прибытии в Батайск, где жители отнеслись враждебно и в виду непрохода первой сотни, а также неприбытия 30-й батареи, генерал Потоцкий, по моему личному докладу о тяжелом положении полка, разрешил полку расположиться в ст. Ольгинской, дабы дать возможность оправиться.

Квартирьеры, посланные в Азов, донесли, что бараки для квартиры полка можно устроить и приспособить не раньше 2 — 3 месяца.

Полковник Цыганков.

ТЕЛЕГРАММА

Генералу Орлову.

21 ноября в 1 ч. 10 м.

Ст. Аксай № 127.

Согласно приказания генерала Потоцкого я выступил станицу Александровку с второй и 1-й сотнями учебной команды и батареей точка Утром приказано занять ипподром и некоторые пункты. В зависимости от обстоятельств буду доносить Вам точка.

Полковник Дукмасов.

ТЕЛЕГРАММА.

Начальнику 9 Донской Казачьей дивизии от командира 46 Донского Казачьего полка.

21/XI в 1 ч. 10 м.

Из Аксая № 128.

Войсковой старшина Ханжонков донес, что казаки четвертой и шестой сотни, дойдя до станции Нахичевань отказались занять и обезоружить красногвардейцев. Поэтому войсковой старшина был вынужден отступить станицу Александровскую. Я сейчас собираю сотни и батарею и выступаю Александровскую станицу.

Полковник Дукмасов.

Начальник
НОВОЧЕРКАССКОЙ
МЕСТНОЙ КОМАНДЫ
Ч. строевая

22-го ноября 1917 г.
№ 14.
г. Новочеркасск.

Секретно.

Начальнику гарнизона г. Новочеркасска.

РАПОРТ.

Доношу, что 20 сего ноября, согласно Вашего секретного приказания от 17-го ноября сего года за № 10/а, я прибыл в помещение команды в 8 часов утра и приказал двум трубачам играть сигнал „Тревога", чтобы вызвать на сборное место (площадь около казарм) всех свободных от наряда чинов команды вооруженными и с боевыми патронами для того, чтобы вести их на Троицкую площадь.

В 8 час. 15 мин. утра по тревоге вышла 2-я сотня, почти в полном составе при фельдфебеле. Сотня эта состояла дежурною и должна была выступить в городские караулы с 10-ти часов утра 20 ноября. Так как вторая сотня вышла без офицеров и без своего командира сотни под'есаула Розина, то я приказал трубачу подать сигнал „сбор начальников", и поэтому сигналу прибыли сотник Шурупов и прапорщики Изварин и Артемов.

Я назначил сотника Шурупова временно командовать 2-й сотней, а прапорщиков Изварина и Артемова поставил перед взводами сотни.

Вслед за этим из помещения команды выбежала толпа невооруженных казаков первой и третьей сотен команды, которые окружив меня и вторую сотню начали кричать о том, что вся команда единогласно вынесла решение не выходить, так как задача им неизвестна; так как первыми они нападать ни на кого не будут, дабы не начинать гражданской войны, и что это выступление очень тяжело отзовется на их братьях, находящихся на фронте; и что они, не отказываясь защищать ДОН, первыми нападать не согласны.

Я им ответил на это, что, как временно исполняющий должность начальника команды, я обязан выполнить боевой приказ, несмотря ни на какие резолюции команды.

Тогда поднялся сильный шум и крики, разобрать которые не было никакой возможности.

Желая скорей решить это дело, я приказал сотнику Шурупову вести вторую сотню на Троицкую площадь.

По команде сотника Шурупова вторая сотня повернулась направо по 3, а по его команде „правое плечо вперед" первый взвод взял левым плечом и повернул обратно в казармы, под неистовые крики казаков первой и третьей сотен команды.

Второй взвод второй сотни вначале замялся, а затем вслед за первым взводом ушел в казармы.

На оставшиеся третий и четвертый взводы второй сотни, при которых находились я, сотник Шурупов, прапорщики Изварин, Артемов и фельдфебель сотни, обрушилось все негодование протестующих казаков первой и третьей сотни, откуда раздались единогласные выкрики: „не исполняют постановления всей команды. Руби их".

Тогда сотник Шурупов обратился ко мне за разрешением отпустить в казармы третий и четвертый взводы второй сотни, ввиду воз-

раставших все больше и больше неудовольствий казаков первой и третьей сотен, могущих привести к нежелательным осложнениям. Я тогда отдал приказание сотнику Шурупову, после чего третий и 4 взводы 2 сотни были отпущены в казармы. После всего происшедшего, я секретно приказал сотнику Шурупову во чтобы то ни стало явиться к Вам для доклада о всем случившемся, а затем для этой же цели явился и лично к Вам с докладом на Троицкую площадь.

Есаул Валуев.

Резолюция: „Доложить Атаману. Генерал-майор Каридов".

КОМАНДИР
41-го
ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО
ПОЛКА

Начальнику Войскового Штаба
Войска Донского.

23-го ноября 1917 года.
№ 32
ст. Ольгинская.

РАПОРТ.

Доношу, что сего числа присоединился к полку командир первой сотни, все офицеры и 40 казаков. Он доложил, что остальные казаки с ним не пошли; при этом захватили все сотенное имущество: походную кухню, сено, овес, канцелярию, патронную двуколку.

Руководит ими приказный Пасечников, который убеждает казаков примкнуть к царицинскому революционному комитету, который дает им денег и одежду, и обувь, и хлеба.

Они отрекаются и от войскового Правительства, и от полка, одни—сознательно, другие по недоумию, под угрозами и насилием других.

Мною был послан офицер произвести дознание, но, встретив по пути командира сотни с казазами, возвратился, ибо преступление не подлежит ни сотенному дисциплинарному суду, ни полковому.

Прошу распоряжений о принятии законных мер.

Подробно донесу по получении рапорта командира первой сотни.

Приложение: рапорт № 1289.

Полковник Цыганков.

КОМАНДИР
41-го
ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО
ПОЛКА

Начальнику Войскового Штаба
Войска Донского.

24-го ноября 1917 года.
№ 34
ст. Ольгинская.

РАПОРТ.

Генерал Орлов сообщил мне, что войсковой Атаман приказал ему установить связь с моим полком и батареей (повидимому 30-й); спрашивает меня, какие мною получены приказания, какие имеются сведения.

Связь с генералом Орловым установлена.

О батарее я не имею никаких сведений.

Генералом Потоцким было указано, чтобы я выждал присоединения батареи.

Остается ли в силе это распоряжение, или батарея не будет придана к вверенному мне полку.

Я сообщил генералу Орлову, что у меня сведений никаких нет и приказаний я не получаю, кроме тех, которые получены от генерала Потоцкого.

В виду трудности сообщений с Аксаем, где предполагаю устроить базу, я расквартировываю там обоз. Вагоны с фуражем и мукою из Батайска направляю в Аксай (если удастся).

Квартирьеры, бывшие в Азове, донесли, что город может приспособить бараки для людей и лошадей, на что потребуется не менее 2—3 недель.

Часть полка могла бы быть расквартирована в ближайшей немецкой колонии.

Пойдет ли туда батарея, или нет, мне неизвестно.

Если полк останется в станице Ольгинской, то прошу разрешения перевести одну сотню в станицу Аксайскую.

По этим вопросам жду указаний.

Полковник Цыганков.

КОМАНДИР
41-го
ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО
ПОЛКА.

1917 года 24-го ноября.
№ 36
ст. Ольгинская.

Начальнику Войскового Штаба
Войска Донского.

РАПОРТ.

Представляю при сем рапорт командиру 1-ой сотни вверенного мне полка от 23 с. ноября за № 1360.

Полковник Цыганков.

Резолюция Каледина: „В доклад Войсковому кругу 1 декабря. 28/XI-17г.“.

КОМАНДИР I СОТНИ
41-го
ДОНСКОГО КАЗАЧЬЕГО
ПОЛКА.

23 ноября 1917 года.
№ 1360.
ст. Ольгинская.

К рапорту от 24 XI
№ 36.

КОМАНДИРУ ПОЛКА

РАПОРТ.

18-го ноября сего года, получив Ваше письменное приказание за № 12 в 8 час. 3 минуты утра, я приказал дежурному по сотне младшему уряднику Андрею Бережному отдать распоряжение, чтобы играли седловку. Получив от меня это приказание, урядник Бережнов заявил мне, что в сотне, в виду похода, готов обед и попросил у меня раз-

решения раздать людям пищу. До того времени, когда сотне надо было строиться оставалось еще полтора часа, и я разрешил раздать людям обед. Не предполагая со стороны казаков сотни никакого злого умысла, я прождал сигнала „сбор" в своей квартире до 9½ ч. и, обеспокоенный тем, что сотня до сего времени не начинает строиться направился к сотенной кухне, где всегда собиралась сотня для обсуждения различных вопросов. Возле кухни я нашел почти всю сотню. Кое-кто был на лощадях и в полной боевой готовности, большинство же казаков сотни к выступлению из станицы Кагальницкой совершенно не были готовы, сгруппировались возле сотенной кухни и горячо о чем то спорили. Когда я к ним подошел, вахмистр мне скомандовал: „смирно" и на мой вопрос, почему сотня до сих пор не строится, доложил мне, что большинство казаков сотни его приказания не слушают и из станицы Кагальницкой выезжать не желают. Я начал говорить с людьми и убеждать их, что они замышляют противозаконное действие; во время моего разговора подошел председатель сотенного Комитета приказный Марк Пасечников и, обращаясь к казакам, как всегда с авторитетом и пафосом, начал патетически держать речь, призывая их не подчиняться распоряжению о выступлении сотни из станицы Кагальницкой. Казаки, которых и раньше своими речами возбуждал Пасечников против начальства, а в особенности против войскового атамана и войскового правительства, сочувственно отнеслись к его преступному призыву.

Видя, что дело принимает слишком серьезный оборот, я обратился к сотне и категорически заявил, что все кто желает исполнять приказ, пусть седлают лошадей и под'езжают к моей квартире, а кто не желает исполнить приказа, тот, самовольно оставшись, совершает преступление. На мой призыв и приказание исполнить приказ раздались крики: „не поедем". Взволнованный и возмущенный до глубины души и привыкший в течение 10-ти лет службы беспрекословно исполнять приказания начальства, я чуть-ли не упал в обморок, но, поборов свои нервы и душевное волнение, закричал, что тем казакам, которые самовольно останутся, не исполнив приказа, я больше не командир сотни. Вслед за мною тоже самое заявил и вахмистр сотни. В это время полк уже построился и я, сев на лошадь поскакал, чтобы доложить Вам о возмущении большинства казаков сотни. Вы мне приказали всех людей, пожелавших исполнить приказ, собрать и двинуться к Хомутовской станице. Когда я возвратился к расположению сотни, то у своей квартиры нашел на лошадях человек 12—15 казаков, а сотенный комитет, вернее приказный Пасечников, заявил мне, что они обоза, кухни, патронной двуколки, сотенной канцелярии, продуктов артельщика, весь фураж и сотенный значек мне не дадут и потребовали, чтобы я им все это сдал по описи, а также отчетность денежную и документы. Отвечая по закону за ценность всего казенного имущества, и имея на своем попечении на несколько тысяч фуража, продуктов, их требованием я был поставлен в крайне затруднительное положение. Тем более, что они заявили мне, что не отпустят меня в полк до тех пор, пока я им всего не сдам. Не видя другого выхода из создавшегося положения, не желая на свою личную ответственность бросать казенное имущество на произвол судьбы, я написал Вам рапорт, где вкратце изложил все совершившееся и спросил, как мне быть и имею ли я законное право сдавать казенное имущество Сотенному Комитету. Рапорт этот я Вам послал с казаком Славянсковым, который мне от Вас привез записку такого содержания: „Сотенный Коми-

тет по закону не имеет права командовать сотней. Ответ дан по донесению Войсковому Правительству". Кроме того, казак Славянсков на словах от Вас передал мне, чтобы я оставался в станице Кагальницкой, впредь до Вашего распоряжения. Получив от Вас эту записку, я во время собрания сотни раз'яснил казакам, какой серьезной ответственности они подвергаются за неисполнение приказа и возмущение, но приказный Пасечников все время ободрял их, авторитетно заявляя, что под суд попадут не те, кто оставался, а те которые поедут. На этом-же собрании я переписал всех казаков, которые остались верны своей присяге и исполняют приказ. В тот день записалось 45 казаков, которым я об'явил, что до получения мною от Вас дальнейших распоряжений, они могут пока разойтись по квартирам. Оставшиеся казаки во главе с приказным Пасечниковым собрали митинг и всем казакам, которые записались ехать к полку, предложили удалиться. Что они обсуждали на этом митинге, мне не известно, но, по слухам, они там выбрали делегацию, которую послали в ст. Мечетинскую в 30-ю батарею, с целью произвести там агитацию, чтобы батарея не выполняла приказа и оставалась-бы на месте. К казакам 30 батареи были посланы: казак первой сотни Сергей Неживов и, самовольно оставшийся в ст. Кагальницкой казак 3-й сотни Гавриил Бандурин. После этого я уже в сотню не ходил, ибо управление сотней принял на себя сформировавшийся особый Комитет под председательством приказного Пасечникова. Не получая от Вас 18-го ноября из станицы Хомутовской никаких распоряжений и, находясь все время в крайне тяжелом и ответственном положении, я 19-го числа командировал к Вам на станцию Батайск хорунжего Протопопова, который Вам обо всем подробно и доложил. С хорунжим Протопоповым Вы мне прислали следующие предписание: „Приказываю немедленно присоединиться к полку, оставив все имущество, которое Комитет не будет давать. Ничего не сдавайте и это будет считаться самовольным захватом казенного имущества. За все сотенное и полковое имущество я отвечаю материально (беру на себя всю ответственность); казаков, которые не пойдут с Вами, перепишите поименно и теперь-же донесите. Сделайте переход в станицу Хомутовскую, по прибытии в которую донесите мне. Если не будет кухни, выдайте на руки кормовые деньги". Получив от хорунжего Протопопова это Ваше предписание, я призвал вахмистра и приказал ему созвать всех людей, из'явивших желание исполнить приказ, чтобы с ними следовать в станицу Хомутовскую, а собравшемуся Комитету заявил, что намерены ли они мне возвратить все самовольно захваченное ими казенное имущество, продукты и фураж. Получив от них отрицательный ответ, я им заявил, что сегодня по Вашему приказанию следую к полку, Когда я от'езжал из станицы Кагальницкой, то было со стороны оставшихся поползновение задержать меня, но я заявил, что живым не сдамся, тронулся на выкрики собравшихся казаков в ст. Хомутовскую, по дороге заявив в станичном правлении о своем от'езде, и что самовольно осталось в станице больше 80-ти казаков первой сотни. Перед от'ездом, когда я разговаривал с Комитетом, то приказный Пасечников заявил, что уезжающие казаки еще вернутся к ним и будут кланяться им в ноги, чтобы они обратно приняли нас, и что из оставшихся казаков будет сформирована революционная первая сотня и даже революционный 41-й полк, и что под суд попадем мы, а не они. 19-го ноября приказный Пасечников давал мне читать их постановление, в котором оставшиеся казаки первой сотни постановили не исполнять приказания Войскового Правительства. 19-го ноября оставшимися казаками было избра-

но в сотне новое начальство: вахмистр и взводные урядники. В этот же день у них была делегация из местной Новочеркасской команды, но о чем они совещались, мне неизвестно. Приказный Пасечников, открыто выставляя себя большевиком, зажигательными речами сбил с толку многих казаков сотни, которые по своему неведению и присоединились к нему. Многих казаков почти насильно заставлял Комитет расседлывать лошадей и присоединяться к ним, запугивая каким-то народным судом. По слухам мне известно, что оставшиеся казаки постановили присоединиться к царицынскому большевистскому комитету и через него ходатайствовать о получении из Воронежского интендантства всего необходимого и денежных авансов. Собирались туда послать делегацию: урядника четвертой сотни Морозова и трубача первой сотни Тарасова, но выполнили это или нет, не знаю. Все возмущение в сотне вызвал приказный Пасечников при помощи некоторых своих последователей (младший урядник Вонецкий, ст. ур. Петелин, приказный Мялов, трубач Тарасов, каз. Лубанов, каз. Зоров, каз. Фолимонов, каз. Иван Попов и каз. Дм. Гаврилов). Его речи Вы и сами неоднократно слышали на общих собраниях полка, когда он призывал не признавать Войскового Правительства, подрывал авторитет командного состава и даже доходил до того, что в своих резолюциях требовал, чтобы Войсковое Правительство сложило с себя те полномочия, которые оно взяло в данное время, в виду сложившихся обстоятельств.

Донося обо всем происшедшем в сотню, докладываю, что со мною прибыло 2 обер-офицера и 40 казаков, некоторые спешенные казаки, изъявившие желание ехать, лишены были возможности следовать за мною, ибо им не дали заводских лошадей. Сотенным Комитетом самовольно захвачено: свыше 1000 пудов ячменя, 107 пуд. сена, полученного в станице Кагальницкой по чековому требованию № 80, чековой книжки № 955, кроме того в их руках осталось чековое требование № 81/955, но что по нем ими получено, мне неизвестно, ибо талона требования мне каптенармус не возвратил. Все продукты артельщика, как полученные из полка, так и приобретенные за деньги остались у них. Каково их количество и на какую сумму, — указать сейчас не имею возможности, ибо вся отчетность и документы остались в ящике сотенной канцелярии. Все казенное сотенное имущество: две двуколки, нештатный обоз, обозные лошади, оружие, заводные казачьи лошади, походная кухня, ящики с сотенной канцелярией значек, было все это захвачено Комитетом. Из сотенной канцелярии удалось увезти только то, что всегда находилось при мне: сотенную печать, чековую книжку № 955, сотенный штемпель. В течение ноября на довольствие людей и лошадей мною было выдано артельщику 1357 руб. 39 коп., каптенармусу 630 руб,, но отчета и документов в израсходовании ими денег, я от них не получил. Книжка артельщика и сотенные отчетные листы остались в сотенной канцелярии. Список казаков, присоединившихся к полку, представлю особо, ибо они еще не все прибыли в сотню. Приказание, которое Вы мне послали из станицы Хомутовской я не получил, ибо оно было передано не мне, а Комитету, вследствие чего фураж командиру второй сотни сдать не мог, и комитет его самовольно выгрузил из вагона и перевез в свой цейхгауз. Жду Ваших дальнейших указаний и распоряжений.

Есаул Жиров.

Войсковому Атаману войска Донского Начальнику гарнизона Макеевского гор. района.

Из Макеевки. 24 ноября 20 час. № 164.

Сегодня явились делегаты 2 баталиона Донской пешей бригады узнавать, зачем они сюда идут и, за свои большевистские идеи, казаками пятой сотни 58 Донского казачьего полка, были изгнаны из казармы. При чем только поспешное бегство делегатов спасло их от избиения.

Ходатайствую о неприсылке сюда распропагандированного пешего баталиона, так как это будет только на руку здешним большевикам-рабочим.

Полковник Баландин.

Резолюция Каледина: „К докладу на Круг. 25-XI—17 г.".

В Доклад Войсковому Кругу.

24-XI—17 г.

В Таганроге 24 ноября вечер спокойно мороз небольшой снег ветренно холодно точка Политическое положение тоже но отрицательное отношение местных неказачьих войск к казачьему начальству выявлется определенную форму добровольного полного подчинения только совету солдатских депутатов точка Настроение казаков сотни 51 и 17 полка категорически отказались исполнять мои приказы не только боевые, но и даже по разведке точка Полусотня четвертой сотни пятого пешего баталиона прибыл сегодня утром Таганрог вечером ушла от батареи решила ехать обратно Гниловскую так как оказалось плохо одета, обута точка Курсисты крепятся но затяжное положение при напряженном ожидании каждую ночь возможности предательского нападения целью отбить орудие выматывает нервы точка Сегодняшний переход и уход нашей полусотни неминуемо должен отразиться настроении батарей и курсантов являющихся единственной моей опорой точка Юнкера на нашей стороне но они боятся сделать малейший шаг который дал бы большевикам повод об'явить их активно выступавшими точка Вчера говорил представитель Совета о возможности снятия военного положения при условии роспуска пехотных полков и заверения совета, что Таганроге не будет выступления большевиков. Представитель Совета сообщил, что они могут на это дать ответ только снесясь Ростовом. Что касается выступления, то они принимают все меры, чтобы таковое не состоялось.

Роспуск же полков может быть выполнен при условии отвода казачьих частей одновременно снятием военного положения. В общем ясно что Таганрог смотрит на Ростов и боится дать нам свободу переброски сил точка Лично считаю что нам следует стянуть наши силы Таганрога запирая дорогу на Ростов точка Части района Макеевки должны быть тоже сосредоточены и им должны быть даны указания о порче железной дороги перед поездами матросов или враждебной пехоты сегодня взводы сотни есаула Филина просили разрешения отойти к Таганрогу, так как красногвардейцы станции Ханжонково и Харцызска угрожали их перестрелять. Я приказал снестись с полковником Балабиным точка Прошу указать каком положении подготовка перехода Новочеркасск летательных снарядов завода Лебедева точка Прошу разрешения оттянуть батарею и курсистов на линию Вареновка Самбег сотни 51 полка Синявку 17 полк сосредоточить районе Таганрога точка Этим мы избегнем дробления частей и сопряженных

с ним материальных неудобств, которым теперь так чувствительны казаки точка Просил бы вызвать полки стариков депутатов соответствующих станиц для вразумления молодежи выяснения полках главарей большевизма для вызова их из полков станицы точка Один из ярых большевиков урядник Васичкин 17 полка обнаружил себя при делегатах курсистов разговоре моряками заявив, что казаки не признают своего Правительства, и что его сотни 4 и 6 17 полка не только не пойдут против моряков, но сами готовы присоединиться к ним и уничтожить курсистов сторонников Правительства и атамана.

Генерал *)

По прямому проводу с „Ровеньками".

25/xi—17 г.

У аппарата командир 39 полка.

Прибывший эшелон на ст. Ровеньки в составе 6 сотни пулеметной команды и команды связи отказался разгружаться выступить в назначенные им места, об'ясняя это нежеланием вести военно-полицейскую службу на рудниках и требовал немедленного возвращения на место прежней стоянки точка Несколько часов я и полковой Комитет уговаривали, но все уговоры остались напрасными и эшелон единогласно требовал возвращения в категорической форме. Положение осложнилось тем, что квартир не было, ввиду неухода 58 полка, а также слухами о получении казаками 58 полка вознаграждения от углепромышленников за службу. В виду резко-повышенного настроения казаков, не желая довести дело до открытого бунта, я согласно мнения полкового Комитета, вынужден был дать разрешение эшелону возвратиться в Морозовскую. Связь с остальными сотнями полностью восстановить не удалось. Вчера снова послан нарочный с письменными приказаниями; за прибытие сотен трудно поручаться, так как на пути они встретят эшелон 2-го пешего баталиона, возвращавшегося на свои прежние квартиры. Сейчас получил донесение со станции Жирнов, что по распоряжению „вагоно-распределитель" Царицынского отделения погрузка казаков должна быть прекращена и вагонов для этого не давать. Поэтому я не уверен в прибытии сотен. 58 полк уходит. Места стоянок его сотен останутся незанятыми.

Командир 39 полка полковник Седов.

Принял прапорщик Федоров.

Резолюция Каледина: „В доклад Войсковому Кругу. 28/xi—17".

26/xi 17. 7 ч. 10 м. у.

ПО ТЕЛЕФОНУ С ПОЧТЫ.

„Из Ростова дежурный офицер хорунжий М. сообщает, — большевики окружили почту с пулеметом, требуют сдачи; я отказал. Есть попытка к мирному улаживанию, но едва-ли удастся; столкновение почти неизбежно. Сообщено генералу Потоцкому".

Дежурный офицер на телеграфе (подпись).

Принял дежурный офицер при Войсковом Атамане

Под'есаул (подпись).

---

*) Примечание от редакции. Подписи в подлиннике не имеется; по всей вероятности, подписал генерал Назаров.

ВОЙСКОВОМУ АТАМАНУ.

1917 года 26 ноября 19 час. 30 мин.

№ 17, место отправления ст. АКСАЙСКАЯ.

Приказание Ваше получено в 9 час. 15 мин. Немедленно было сделано распоряжение о выступлении 46 полка и 29 батареи, а также прибытии в Аксай и Александровку 41-го полка. Части 46 полка, расположенные в Аксае, а именно: вторая сотня, часть первой и часть третьей сотен и 29-я батарея собирались очень медленно и выступили только в 11 час. 45 мин. Осмотрев эти части, я поехал в ст. Александровскую осмотреть 5-ю сотню и пулеметную команду. (6-я сотня по распоряжению генерала Потоцкого выступила в 8 час. в Нахичевань и Ростов по набережной для захвата вооруженных хулиганов. Четвертая сотня в Ростове в распоряжении ген. Потоцкого и 3 взвода третьей сотни на реквизиции). 5-я сотня и пулеметная команда под командою войскового старшины Ханжонкова выступили из Александровской на присоединение к полку. Сотни, вышедшие из Аксая, дойдя до будки при проезде через железную дорогу, остановились и заявили о своем нежелании следовать дальше, о чем я получил донесение от командира полка. Приехав туда, я вступил в переговоры с сотнями. В это время подошли пятая сотня и пулеметная команда. Я стал спрашивать о причинах нежелания выполнять боевой приказ. Некоторое время было молчание, которое я принял за соглашение с их стороны исполнить боевой приказ, об'явил им о своем заключении. Тогда один из казаков заявил, что он не желает идти, а другой заявил о полном своем желании идти. Тогда на него со всех сторон посыпались негодующие крики и слышны были заявления, почему такая работа выпадает на наш, именно, полк. Мы стоим здесь, мерзнем, а забот нашего начальства о нас не видим; почему нам до сих пор не выдана теплая одежда.

Для точного выяснения числа желающих идти, я приказал разделиться на две части: желающим—идти за командиром полка, а не желающим оставаться на месте. Вся пулеметная команда и незначительная часть казаков из сотен перешли на сторону командира полка, из'явив свое желание выполнить боевой приказ. С этой частью командир полка и офицеры отправились в Ростов в распоряжение генерала Потоцкого. 29 батарея с прикрывающим взводом остановились в ст. Александровской в полной готовности выступить по первому требованию.

Все эти разговоры с полком были закончены в 17 час. 30 мин., после чего 5-я сотня возвратилась в ст. Александровскую, а вторая в ст. Аксайскую; 41 полка прибыло в станицу Аксайскую: штаб полка, пулеметная команда и команда связи. О месте нахождения пешего батальона мне до сего времени ничего неизвестно. 30 батарея, как видно из донесений командира 41 полка, находится в станице Мечетинской, о чем мною донесено 25 ноября за № 12 и 10.

Полковник Юдин.

ТЕЛЕГРАММА.

Экстренно Новочеркасск тов. Войскового Атамана.

26/XI—17 г.

СДС прапорщик Медведев П. Д. Я помощник Войскового Правительства Сизякин даю следующую записку.

Почта и телеграф окружены солдатами внутри пока казачий караул телефонное сообщение с Новочеркасском прервано солдаты угрожают силой занять почту и телеграф пока стоят спокойно в гостиницах революционным Комитетом у офицеров и военных чиновников сегодня утром отобрано масса револьверов настроение в городе крайне тревожное прошу принять меры к охране телеграфных проводов от Новочеркасска до Ростова ибо имеются слухи что революционный Комитет попытается прекратить всякое сообщение Новочеркасском Сизякин.

ГЕНЕРАЛУ ПОТОЦКОМУ.

1917 года 26 ноября 20 час. 15 мин. № 18.

Станица Аксайская.

Вторая и пятая сотня 46 полка дойдя до будки при переезде через железную дорогу, отказались идти к Ростову и вернулись вторая сотня в станицу Аксайскую 5 в станицу Александровскую. 29 батарея осталась в станице Александровской в полной готовности выступить по первому требованию. В Аксайскую станицу прибыли 41-го полка: штаб полка, пулеметная команда, команда связи, 4-я сотня и 38 человек первой сотни. 30-я батарея в ст. Ольгинскую не прибывала, как видно из донесений командира 41 полка, она приходила в станицу Кагальницкую и снова вернулась в станицу Мечетинскую. Получаются ли Вами мои донесения.

Полковник Юдин с подлинным верно, хорунжий Данилов.

ТЕЛЕГРАММА

НОВОЧЕРКАССК ВОЙСКОВОЙ ШТАБ

26/XI—17 г.

Записку передает чиновник Панкеев, принимает прапорщик Медведев.

Передавши Кубанскому Войсковому Правительству о состоянии положения Ростова с него, т. е. от Кубанского Войскового Правительства получен следующий ответ две точки ковычки Ждите помощи от нас у нас есть тоже броневики и блиндированные поезда Сейчас идет заседание о решении этого вопроса.

Сотник Жежель.

ДОКЛАД
по
ВОЙСКОВОМУ ШТАБУ
Войска Донского.

Отд. Мобилиз.

28 ноября 1917 г.

В виду переживаемых в данное время событий, является крайняя необходимость в сформировании на Дону дружин.

По мнению Войскового Штаба возможно сформировать в каждом из округов (кроме Сальского) по две пеших дружины, а в этом последнем одну из казаков переписей с 1896—1893 года включительно. Каждая дружина должна состоять из четырех сотен по 200 человек в сотне. Формирование должно производиться в окружных станицах, а в Усть-Медведицком округе—в хуторе Фролове, при станции Арчеда. Формирование каждой дружины возложить на начальника этой дружины, назначенного распоряжением Войскового Штаба из числа имеющихся свободных от службы штаб-офицеров.

Офицерский состав дружины: 2 помощника Начальника дружины (один по строевой, другой—по хозяйственной части), 4 сотенных командира, ад'ютант, казначей и делопроизводитель дружины и по 10 младших офицеров на сотню,—может быть пополнен офицерами, состоящими в распоряжении окружных атаманов и в прикомандировании к запасным полкам. Врач, 4 сотенных фельдшера и 1 ветеринарный фельдшер на каждую дружину должны быть назначены распоряжением подлежащих областных инспекторов. 5 писарей на каждую дружину должны быть назначены из числа хорошо грамотных призываемых казаков.

По об'явлении мобилизации, казаки, призываемых возрастов, должны явиться на сборный пункт в 5 дневный срок со дня об'явления мобилизации пешими, в годном к службе обмундировании и снаряжении, за которое по стоимости его будут уплачены им деньги. Винтовки и недостающие шашки должны быть выданы из окружных складов, пополнение которых будет произведено распоряжением Войскового Штаба.

В период формирования призываемые казаки должны быть зачислены на довольствие при запасных казачьих полках, а расквартированы попечением окружных атаманов. Для медицинского освидетельствования призываемых на каждом сборном пункте должна быть назначена распоряжением окружного атамана особая комиссия, с участием в ней по одному представителю от каждой станицы, казаки которой призываются в данную дружину.

Каждая дружина должна быть снабжена обозом: по 1 парной повозке для Штаба дружины и на каждую сотню по 1 парной повозке произвольного типа, по 1 походной кухне и по 1 парной двуколке. Походные кухни могут быть получены из числа имеющихся в распоряжении Областного Военно-Продовольственного Комитета; парные повозки должны быть реквизированы у населения. Если не представится возможности снабдить дружины патронами, двуколками, то их придется заменить повозками произвольного типа, реквизированными у населения. Упряжь можеть быть взята от Донских казачьих батарей, прибывших на Дон (от вторых эшелонов зарядных ящиков). Лошади для обоза должны быть взяты из отделений конского запаса, а недостающие—куплены у населения по рыночной цене.

По изложенному испрашивается Ваше указание.

Начальник Штаба Войска Донского
Полковник Араканцев.

РЕЗОЛЮЦИЯ: „Согласен. Ген. Каледин. 28/XI".

ТЕЛЕГРАММА.

Передайте начальнику штаба по телефону школа прапорщиков просила перевод Черкасск Атаман обещал выезд юнкеров из Таган-

рога лишить меня серьезной опоры но отказ эвакуации перебросив школу лучшем случае нейтралитет точка. Перевод школы Черкасск усилить войсковой резерв точка. Я готов отказаться местных интересов в интересах общего дела прошу определенно указать начало эвакуации семейств и имущества юнкера прикроют вывоз училища Назаров Передайте и просите ответ по телефону. Если невозможно то телеграфом. Сейчас Ростов сообщил что большевики рвутся на телеграф. Второе Таганроге пока спокойно но заводы энергично вооружаются точка. Радио перехватил манифест комиссаров об об'явлении войны казачеству и вызов в Ростов отрядов черноморцев точка. Прошу приказать давать мне ориентировку общего положения по телеграфу. Телефон подслушивается точка. Батарея моя вчера дорвалась до вина. Результат понижение духа. Задержка присылке регулярных частей конце концов выведет из строя и наличные мои силы о семнадцатом полке сведения не имею Назаров.

Ожидаю ответ.

Генерал Назаров ждет ответа у аппарата.
Дежурный офицер прапорщик Поляков.
Резолюция Каледина: „В доклад Войсковому Кругу. 28/xi—17 г."

Хроника событий Донской области с 30 августа по 2 декабря 1917 года *).

Август.

30. Организация в Ростове-на-Дону „Комитета спасения России и революции".

Сентябрь.

2. Отчисление Временным Правительством генерала Каледина от должности атамана.

5. Открытие второго Донского Большого Войскового Круга.

6. Ликвидация „Комитета спасения России и революции".

9. Аграрные беспорядки на хуторе Подкуцевском.

10. Большой Войсковой Круг выносит резолюцию доверия Каледину.

11. Совещание Войскового Правительства с представителями Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих депутатов.

12. Большой Войсковой Круг выносит резолюцию о федеративном устройстве Дона и всей России.

— Войсковой Круг постановляет не посылать представителя Войска Донского на Демократическое Совещание.

14. Закрытие Круга.

16. Выступление в Ростовском Совете рабочих и солдатских депутатов большевика Пашкова с требованием передачи власти революционной демократии.

— Открытие Областного Крестьянского с'езда.

---

*) **От редакции.** Настоящая хроника событий составлена, главным образом, по газете „Приазовский край" потому только, что это единственная ростовская газета, которой имеется полный комплект. Понятно, что это повлияло и на характер и на содержание нашей хроники. Редакция не применет исправить и дополнить ее, лишь только получит полный комплект большевистских газет того времени.

— „Самочинные" захваты земли крестьянами в Таганрогском округе.

21. Вступление Каледина в исполнение им обязанностей Войскового атамана.

24. Начало железнодорожной забастовки в ночь с 23 на 24 (по предложению Цент. К-та).

26. Совещание заводских комитетов г. Ростова выносит постановление о создании в г. Ростове Красной гвардии.

29. Волнения в 255 пех. полку, в Ростове н/Д.

Октябрь.

1. Демонстрация гарнизона с участием рабочих организаций против империалистической войны в Ростове.

5. Арест рабочими в Сулине администрации рудников.

12. Открытие Областного Войскового с'езда.

20. Начало забастовки трамвайщиков, грузчиков в Ростове.

— Закрытие Областного Военного с'езда.

26. Донское Областное Войсковое Правительство принимает на себя всю полноту власти.

28. Сконструирование Ростово-Нахичеванского Военно-Революционного Комитета (из фракции большевиков) и его первое заседание.

Ноябрь.

1. Донское Областное Войсковое Правительство утвердило проект союзного договора юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей с тем, чтобы об'единенное правительство союза имело место пребывания в Новочеркасске.

2. Приказ Каледина о введении военного положения в Ростовском градоначальстве, округах Ростовском, Черкасском и Таганрогском с городами Ростовом, Новочеркасском и Азовом.

9. Арест в ст. Урюпинской местным гарнизоном Окружного атамана и командира 6 запасного полка.

— Приказ г. Каледина о подчинении всех войсковых частей, расположенных в Ростове и его окрестностях ген. Потоцкому.

6. Открытие Общефронтового Казачьего с'езда, переведенного из Киева.

— Открытие Областной конференции Советов рабочих депутатов.

— Ростово-Нахичеванским Советом принята по предложению большевиков резолюция протеста против военного положения, об'явленного Калединым.

14. Чрезвычайное заседание Войскового Правительства с представителями крестьянства, городских самоуправлений и др. общественных организаций по вопросу сконструирования как местной, так и центральной власти.

15. Военный Комитет неказачьих частей области приказывает: „Распоряжений Войскового Штаба и генерала Каледина не исполнять".

16. Образование Областного Военно-Революционного Комитета об'единенной демократии из представителей Ростово-Нахичеванского Военно-Революционного Комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Областного Военного Комитета, городских самоуправлений, рабочих союзов и комитетов и полковых комитетов.

— Издание Областным Военно - Революционным Комитетом об'единенной демократии приказа № 1 с об'явлением себя высшим органом власти в области и о неисполнении приказов и распоряжений Войскового Правительства

20. Железнодорожники на ст. Ростов Юго - Вост. разобрали рельсы на Новочеркасск при попытке отправить в Новочеркасск поезд с автомобилями тракторной школы.

— По приказу Каледина в Новочеркасске разоружены 272 и 273 пех. полки.

— Отправка Калединым 4-й и 6-й сотен казаков для занятия ст. Нахичевань.

23. Прибытие в Ростов трех траллеров Черноморского флота: „Роза", „Федор Феофани" и „Яков".

— Занятие портовой территории в Ростове красногвардейцами,

— Отмена Областным Военно-Революционным Комитетом об'единенной демократии приказа № 1 (об'явление себя высшей властью в г. Ростове и Нахичевани и высшим военным органом для неказачьих частей области).

24. Закрытое совещание у городского головы г. Ростова, на котором присутствовали ген. Потоцкий, градоначальник, председатель Городской Думы, городской голова и представители Областного Военно-Революционного комитета об'единенной демократии.

— Делегация матросов Черноморского флота, таганрогской демократии и воинских частей у Войскового Правительства в Новочеркасске.

25. Закрытие общефронтового казачьего с'езда.

— Выход из состава областного Военно-Революционного комитета представителей демократических организаций.

— Торжественное заседание Ростово-Нахичеванского Совета — по случаю прихода Черноморской флотилии.

26. Начало гражданской войны в Ростове. В ночь с 25 на 26 по приказу г. Потоцкого юнкера и казачьи офицеры делают нападение и разгром Совета. Убиты: член совета, т. Кунда, член штаба Кр. Гвардии Казберюк и два красногвардейца. В эту же ночь производится разгром помещения Ростово-Нахичеванского Комитета Р. С. Д. Р. П. (б-ков).

— Заседание Городских Дум в Ростове; принятие нейтральной позиции с предложением о ликвидации гражданской войны, как Военно-Революционному Комитету, так и Войсковому Правительству.

— Г. Потоцкий с отрядом казаков занимает вокзал.

27. Вооружение рабочих г. Ростова и Нахичевани.

— Отправка юнкеров и офицеров из Новочеркасска на Ростов. Прибытие из Таганрога на Темерник 2-х сотен казаков.

28. Разоружение красногвардейцами казаков на вокзале.

— Образование в ст. Гниловской Военно-Революционного Комитета. *)

— Арест генерала Потоцкого и его штаба.

29. Сильный бой на станции Кизитеринка.

30. Каледин отдает приказ двум полкам, стоящим в Аксае, о наступлении на Нахичевань.

— Калединцы обстреливает шрапнелью передовые позиции рабочих отрядов.

— Расстрел казаками в ст. Александровской 30 крестьян.

Декабрь.

1. Заседание Городских Дум с демократическими организациями в Ростове. Постановлено 2 декабря отправить делегации в Новочеркасск к Войсковому Правительству и в Областной Военно-Революционный Комитет для изыскивания способов мирного соглашения.

2. Открытие 3-го Большого Войскового Круга.

— Каледин наступает на Ростов с двух сторон: со стороны Нахичевани и со стороны Темерника.

— В 2 ½ часа дня Каледин занимает Ростов.

*) Примечание от редакции. Ст. Гниловская расположена около Ростова и примыкает к нему.

ОТ ДОНИСТПАРТА.

К товарищам.

Донистпарт обращается с горячей просьбой ко всем активным участникам революционной борьбы и гражданской войны на Дону присылать для следующих сборников „Пролетарская революция на Дону“ статьи, воспоминания и имеющиеся у них документы. Донистпарт надеется на широкое и активное содействие товарищей, при условии чего только и может быть успешна работа Донистпарта.

Донистпарт.

К Уполномоченным Донистпарта.

Донистпарт предлагает Вам деятельно собирать материал к следующим сборникам „Пролетарская революция на Дону“, согласно плана, опубликованного 10-го сентября с. г.:

1) о калединщине и борьбе с ней—к декабрю;

2) о февральской революции и от февральск. до октябрьск. револ. на Дону—к январю;

3) о Советской власти на Дону и контр-революционном нашествии—к марту;

4) о Красновщине, Деникинщине и партийном подполье на Дону в 1918 г.—19 г.—к маю;

5) о борьбе Красной армии на Донском фронте и Донбюро Р. К. П. (б-ков) в 1918—19 г.г.—к июлю;

Уполномоченные должны собирать статьи, воспоминания активных участников, документы, устраивать „вечера воспоминаний“ и беседы со стенографированием или записью речей, кроме того, необходимо собирать материалы о революционном движении времен царского подполья.

Донистпарт надеется на активное сотрудничество товарищей уполномоченных.

Окружным и Районным Комитетам Р. К. П. (б-ков), при которых нет уполномоченных Донистпарта, необходимо, согласно постановления Бюро Донкома Р. К. П. (б.) от 11 сентября с. г., назначить активного товарища Уполномоченным Донистпарта, сообщив об этом Донкому Р. К. П. (б.) для утверждения.

Донистпарт.

Об „Альбоме Пролетарской революции на Дону".

Донистпарт предполагает в ближайшем будущем выпустить „Альбом Пролетарской революции на Дону". Поэтому он обращается ко всем организациям и товарищам с просьбой прислать фотографии и биографические сведения о погибших во время революции товарищах, фотографии активных участников революционного движения и гражданской войны на Дону, снимки, рисунки учреждений и мест борьбы и памятников эпохи гражданской войны, также фотографии красногвардейских частей, сражавшихся на Дону. По использовании снимки будут возвращены. Направлять в Донистпарт (Донком Р. К. П. (б-ков). Старо-почтовая ул., д. 100 1 этаж).

Донистпарт.

СОДЕРЖАНИЕ. *)

Статьи.

Стран.

1. Октябрьская революция на Дону. Виктор Филов. 3

Воспоминания.

2. Семнадцатый год. С. Васильченко. 21
3. Октябрь в Ростове. С Зубов. 27
4. Накануне и в дни Октября. А. Френкель. 31
5. Октябрьские воспоминания. А. Френкель. 34
6. На заводе Пастухова. И. Красненко. 37
7. На заводе „Аксай". М. Матвеев. 39
8. Как дело было в Октябре и Ноябре 1917 года. В. Ботвинов. . 41
9. Ростовские металлисты в Октябре. П. Егоров. 43
10. Ростовские трамвайщики в Октябре. Н. Матюта. 44
11. Ростовские трамвайщики в Октябрьские дни. 45
    I. Ф. Запорожцев. 45
    II. В. Ампилогов. 46
    III. А. Донской. 47
    IV. Г. Кузнецов. 48
    V. И. Дмитриенко. 48
    VI. З. Урянский. 49
    VII. Ф. Муратов. 49
    VIII. М. Дударь. 51
    IX. Д. Ефимов. 51
    X. Д. Степанищев. 51
12. На ростовском телеграфе в Октябре. Д. Фандиков. 52
13. Организация Красной Гвардии в Ростове. Г. Захарьянц. . . . 53
14. Рассказ красногвардейца. Я. Руденко. 58
15. Рассказ санитарки Красной Гвардии. Лидия Тимофеева. . . . 59
16. В ростовском гарнизоне. Т. Власенко. 60
17. Рассказ бывшего солдата. А. Гродский. 64
18. Из воспоминаний бывшего меньшевика. Н. Фурсов. . . . 66
19. Октябрь в Ханжонкове. А. Фролов. 68

*) Примечание от Редакции. Все даты в сборнике указываются по старому стилю.

Стран.

20. Октябрьская борьба в Миллеровском районе. Д. Черепашенко. 71
21. Октябрьская революция в Морозовской. К. Беденко. . . . 72
22. Перед Октябрьской революцией в Азове. Д. Дудас. . . . 74
23. Казачьи части в Октябрьской революции на Дону. И. Ермилов. 75
24. 35-й Донской казачий полк в Октябрьские дни. Г. Глухов. 77
25. Пролетарская печать на Дону. (Воспоминания о газете „Наше Знамя"). А. Аболин. 80

Наши мертвецы.

26. Первые жертвы Октября. Лидия Тимофеева. 83
27. Лев Кунда. 83
I. Д. Кротенко. 83
II. Д. Карасев. 84
28. Товарищ Казберюк. Алексей Мошкин. 84
29. С. П. Сурженко. Л. Гончаров. 84
30. Виктор Фурсов. Н. Акимов. 85

Документы.

31. (1) Резолюция о создании Красной Гвардии совещания заводских ком-тов 26 сентября 1917 г. 87
32. (2) К рабочим, воззвание Центрального штаба. 87
33. (3) Всем фабзавкомам, профсоюзам и комитетам социалистических партий от Центрального штаба. 88
34. (4) У солдат местного гарнизона. Наказ делегатам. . . . 89
35. (5) „Ко всей трудовой бедноте", листовка Донск. Окруж. Бюро Р. С. Д. Р. П. (б-ков). 91
36. (6) „Мир, Земля, Хлеб, и Воля", листовка Донского Окр. Бюро Р. С. Д. Р. П. (больш.) 95
37. (7) Всем. Приказ Военно-Революционного Комитета при Ростовском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов от 16/XI. 96
38. (8) Приказ № 1 Областного Военно-Революционного Комитета об'единенной демократии. 97
39. (9) „К населению Донской Области", воззвание комиссии пяти Черноморской флотилии. 97
40. (10) Приказ военного отдела Обл. В.-Р. Комитета. . . 98
41. (11) Воззвание к ростовскому гарнизону от Воен.-Рев. Комит. и комисси пяти Черноморской флотилии. 98
42. (12) Приказ от имени Военно-Революционного Комитета и Комиссаров штаба. 99
43. (13) Приказ Военно-Революционного Комитета от 28-го нояб. по Красной Гвардии. 100
44. (14) Приказы Областного Военно-Революционного Комитета. 100
45. (15) От Областного Военно-Революционного Комитета. . 101
46. (16) Приказ В.-Р. К. 28. XI. 101
47. (17) Приказ Комиссара Воен.-Рев. К-та по продовольствию. 102

Стран

48. (18) „События ночи. Последние известия. Арест генерала Потоцкого“ (хроника из газеты). 102
49. (19) 3-й Большой Войсковой круг и Ростовские события (заседание круга 3 декабря 1917 г.). (Из подлинного протокола). 104
50. (20) Из папки Донского Атамана Каледина „К докладу Войсковому Кругу“. 107

Хроника событий.

51. Хроника событий Донской Области с 30 августа по 2 декабря 1917 г. 134

От Донистпарта.

52. (1) К товарищам 138
53. (2) К уполномоченным Донистпарта. 138
54. (3) Об „Альбоме Пролетарской революции на Дону“. . . 139

Замеченные опечатки:

На стр. 6, строке 24 не следует читать: „резолюция комитета".

На стр. 13, строке 22-й напечатано: „В субботу, 25 ноября, Ревком, состоявший тогда из одних большевиков"... следует читать: „В субботу, 25 ноября, Ревком, состоявший тогда не из одних большевиков"...

На стр. 24, строке 27-й напечатано: „Валентина Юльевна Черкасова", следует читать: „Валентина Юльевна Черкесова".

На стр. 85, строках 45—48 напечатано: „В этот же период отличается при подавлении белогвардейского восстания в г. Новочеркасске, организовывает исключительно из красных офицеров и юнкеров отряд, первым врывается в г. Новочеркасск, где бои происходили на улицах"; следует читать: „...восстания в г. Новочеркасске, организованного исключительно офицерами и юнкерами. Отряд В. Фурсова во главе с ним первым врывается в г. Новочеркасск, где бои происходили на улицах".